Книгоиздательство

„МОЛОДОЕ ТЕЧЕНІЕ“

НАШЪ ПУТЬ.

(Сборникъ статей).

Содержаніе:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія І. Лурье и К°, Гороховая, № 48.
1907.

Цѣна 20 коп.

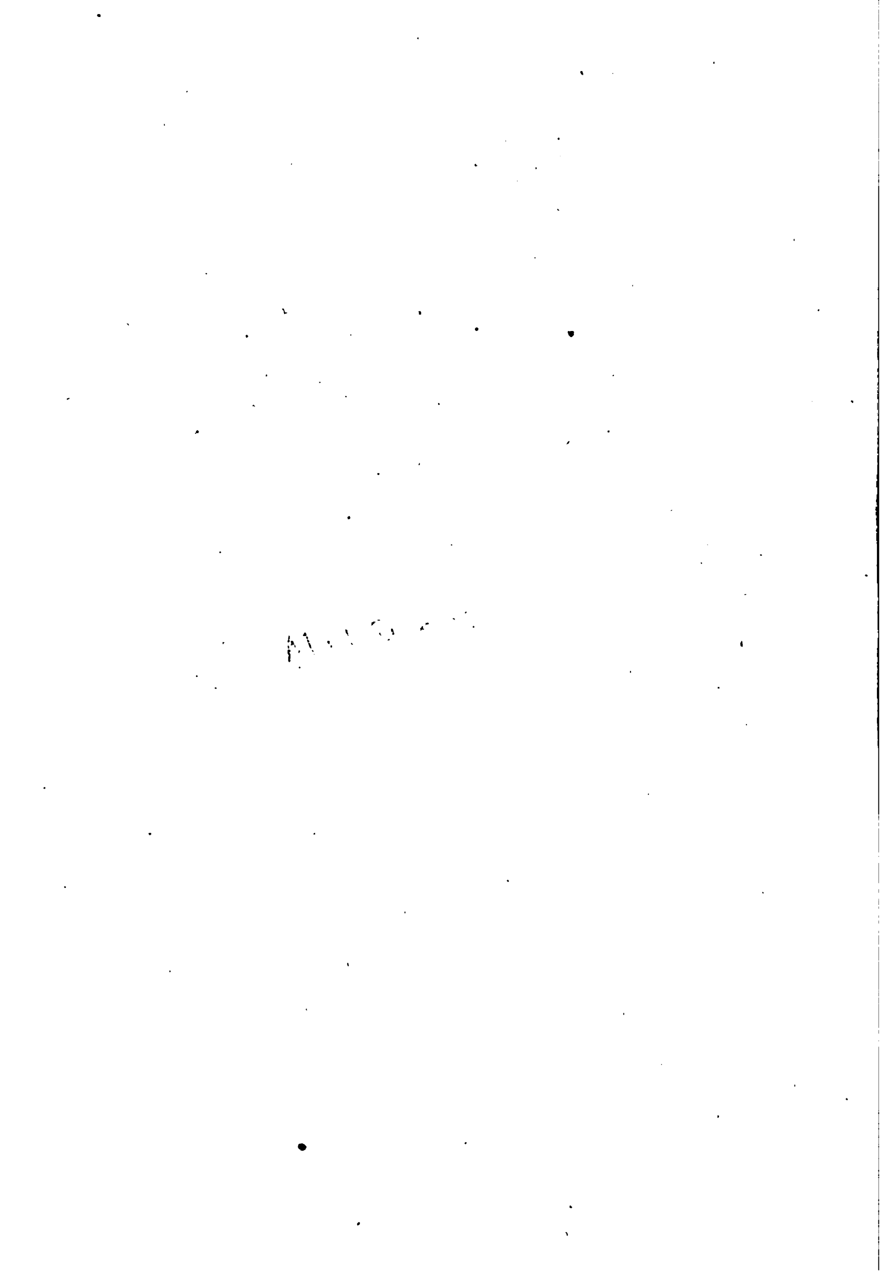
Nash put'

Книгоиздательство „МОЛОДОЕ ТЕЧЕНІЕ“.

Нашъ путь.

(сборникъ статей).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія І. Лурье и К°, Гороховая, № 48.
1907.

I.

Корень зла.

Трудно разобраться въ окружающей жизни темному рабочему. Отъ родителей онъ наслѣдуетъ нищету и горькую трудовую долю.

Съ дѣтства онъ лишенъ возможности учиться, а передъ нимъ развертывается широкая, непонятная жизнь.

Солнце всходитъ неизвѣстно откуда и скрывается неизвѣстно куда. Въ городахъ и въ деревняхъ одни люди нищіе, грязные, трудящіеся, занятые-постоянно заботами о кускѣ хлѣба; другіе—нарядные, надушенные, чистенькіе, какъ будто люди изъ другихъ міровъ. Кругомъ въ городѣ идетъ шумная жизнь, стучатъ на фабрикахъ машины невѣдомаго устройства, по рельсамъ безъ лошадей двигаются трамваи, между городами по проволокѣ передаются мысли и извѣстія, ходятъ поѣзда съ людьми и товарами.

Ребенку все это непонятно. Надо разобраться, а горькая доля рабочаго толкаетъ ребенка на фабрику или въ услуженіе помогать семьѣ. Читать некогда. Къ тому же, послѣ трудового дня мысль работаетъ не такъ ясно, а здѣсь со всѣхъ сторонъ идетъ толчея, всѣ говорятъ разное.

Сытый попъ толкуетъ о неизбѣжныхъ страданіяхъ въ сей жизни и о блаженствѣ за гробомъ.

Чистые господа, фабриканты, старшіе мастера, околоточные, пристава, офицеры, всѣ на рабочій людъ свысока смотрятъ, за людей не считаютъ, притѣсняютъ и въ то же время толкуютъ о правдѣ, объ отечествѣ, го-

лоднаго за кражу хлѣба сажаютъ на основанiи закона въ тюрьму.

Затѣмъ приходятъ люди изъ образованнаго класса или свои же братья рабочiе и говорятъ.

Одни:—намъ нуженъ царь, чтобы онъ правилъ по справедливости.

Другiе:—страной должны управлять царь и выборные отъ народа (конституцiонная монархiя) и тогда будетъ всѣмъ хорошо.

Третьи:—Царя не надо, народъ долженъ выбирать всѣхъ своихъ правителей (демократическая республика) и тогда хотя, не всѣмъ будетъ хорошо, но рабочiе сумѣютъ бороться за свои права.

Четвертые:—кромѣ того народъ долженъ завладѣть землей, въ пользованiе тѣхъ, кто ее своимъ трудомъ обрабатываетъ (соцiализацiя земли).

Пятые:—народъ долженъ завладѣть властью, землею, фабриками, заводами. Все должно управляться выборными и отвѣтственными людьми (трудовая республика).

И наконецъ—никакой власти не надо ни выборной, ни другой, всякое правительство скверно, люди должны свободно сговариваться для жизни и труда (анархiя).

Такiя голоса слышатся кругомъ. Одни болѣе громкiе, болѣе частые. Другихъ едва-едва слышно. Какъ разобраться? Куда итти? А тутъ революцiя, льется кровь.

Хочется счастья, хочется воли для себя, для братьевъ, для потомства. Чего добиваться? Какiе порядки нужны? Съ какими требованiями выступить?

II.

Чтобъ лѣчить надо раньше всего распознать болѣзнь. Рабочему человѣку въ цѣломъ мiрѣ живется плохо. Вездѣ и въ монархiи неограниченной (Россiя) и въ конституцiонной (Германiя) и въ демократической республикѣ (Францiя, Швейцарiя) рабочiе трудятся всю свою жизнь. Во Францiи 10-ти часовой рабочiй день даже для жен-

щинъ и подростковъ. Въ Швейцаріи 11, Въ Германіи 11, Въ Бельгіи даже 12.

Плата вездѣ такая, что рабочій еле-еле концы съ концами сводитъ. 40 со ста крестьянскихъ хозяйствъ во Франціи меньше одной десятины!

Повсюду люди, родившіеся въ богатой семьѣ, получаютъ возможность безъ всякихъ заслугъ съ своей стороны стать хозяевами жизни, а человѣкъ изъ честной рабочей семьи осужденъ на нищету и невѣжество. Одни люди продаютъ другимъ свою силу, свою жизнь, свою молодость, тѣло, душу. Люди убиваютъ другъ друга изъ-за хлѣба. Люди убиваютъ другъ друга на войнѣ. Почему жизнь человѣческая такъ плохо устроена? Гдѣ корень зла?

III.

Всѣ богатства трудомъ человѣческимъ добываются.

Домъ и дворецъ, хлѣбъ и пирожное, полотно и шелкъ, желѣзо и золото все трудомъ людскимъ дѣлается.

Зарой милліонъ денегъ въ землю,—не выростетъ ни копѣйки.

Фабрики и машины трудомъ рабочихъ созданы, но и громаднѣйшая фабрика безъ труда рабочихъ на ней сама ничего производить не можетъ. Это всякому ребенку должно быть ясно. Капиталы сами по себѣ ничего не производятъ.

Откуда же берутся баснословные доходы богачей, помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ, князей, генераловъ, царей? Съ труда!

Какъ съ труда? Вѣдь они же по большей части совершенно ничего не дѣлаютъ, а если дѣлаютъ, то по своей прихоти и работу ненужную?

Все добывается съ труда и, если они сами не трудятся, то, есть люди, которые за нихъ трудятся, на нихъ работаютъ, всѣ богатства имъ доставляютъ!

Кто же эти неразумные благодѣтели, что свой трудъ отдаютъ горсти богачей и правителей на роскошь, кутежи и всякія причуды?

IV.

Если человѣкъ родился въ бѣдной, честной семь[е] рабочаго или крестьянина, то, чтобъ жить, онъ прину[ж]денъ съ дѣтства трудиться.

Трудиться, надо имѣть гдѣ, на чемъ.

Земледѣльцу нужны поля, рабочему—фабрика, при[]казчику—магазинъ, товары.

Дѣло въ томъ, что лучшія земли, всѣ фабрики, за[]воды, магазины въ рукахъ у небольшого числа лицъ на[]ходятся. Какимъ образомъ это произошло, я здѣсь ка[]саться не буду, скажу только, что опять-таки всѣ богат[]ства трудомъ созданы, а своимъ трудомъ одинъ человѣк[ъ] или семья ни милліоновъ, ни десятковъ тысячъ не со[з]дадутъ—значитъ богатства и достались то богачамъ с[ъ] чужого труда.

Большинство крестьянъ, всѣ рабочіе, всѣ служащі[е] вынуждены, чтобы жить, обратиться къ тѣмъ, у кото[]рыхъ земли, фабрики, заводы, деньги, магазины Если бы эти владѣльцы, не брали съ крестьянъ аренды платили бы рабочему полностью за трудъ, то ясно, чт[о] никакой прибыли у нихъ не было бы. Однако-жь при[]быль помѣщиковъ, фабрикантовъ, купцовъ громадная, зна[]читъ они не полностью отдаютъ рабочему, что тотъ про[]изводитъ, значитъ они берутъ чужой трудъ. Доходы ге[]нераловъ, князей, царей съ налоговъ и податей, то ест[ь] съ труда рабочихъ и крестьянъ берутся.

Если мы скажемъ, что лишать человѣка плодовъ ег[о] труда, называется воровствомъ—то значитъ всякая прибыл[ь] съ капитала, всякій нетрудовой доходъ—есть воровств[о]

Позвольте, но вѣдь есть капиталисты, которые тож[е] трудятся? Да, есть. И тогда ихъ доходъ состоитъ из[ъ] двухъ частей, одна за ихъ трудъ, другая, которую он[и] получаютъ безъ личнаго труда, доходъ съ капитала, т[о] есть съ чужого труда.

Но за то капиталисты рискуютъ капиталомъ, могут[ъ] потерять милліоны, а рабочимъ терять нечего, говорят[ъ] люди въ защиту капитала.

Неправда! рабочій рискуетъ больше. Если фабрикантъ, у котораго тысяча рабочихъ, ведетъ плохо дѣла свои и фабрика останавливается, то фабрикантъ съ голоду не помретъ, у него есть знанія, у него есть родные, друзья-пріятели,—его устроятъ. Вмѣсто сотенъ тысячъ онъ будетъ получать десятки.

Другое дѣло рабочіе. Когда фабрика хорошо идетъ, они еле-еле пробавляются. Когда же, по неумѣнію хозяина, фабрика остановилась, тысячи рабочихъ безвинно осуждены голодать.

Капиталистъ въ производствѣ не нуженъ. Самыя сложныя и трудныя дѣла ведутся наемниками капитала управляющими, директорами. Доходъ съ капитала есть, не имѣющая оправданія, кража чужого труда.

Одни не дополучаютъ того, что своимъ трудомъ производятъ и потому осуждены на недоѣданіе, на нищету, на постоянныя заботы о кускѣ хлѣба, о завтрашнемъ днѣ, на то, чтобы плодить безправныхъ дѣтей, видѣть какъ они растутъ обездоленные, лишенные радости и свѣта.

Другіе съ чужого труда, получаютъ богатства, излишки, имѣютъ свободу жить и дѣйствовать и предъ ихъ дѣтьми открыта дорога ко всякой жизни.

Вотъ гдѣ главный корень всякаго зла.

V.

Возьмемъ худшее изъ золъ—войну.

Она не нужна трудящемуся народу.

Если бы всѣ работоспособные люди трудились, то при теперешнихъ машинахъ они могли бы въ каждой странѣ произвести достаточное количество продуктовъ, чтобы всѣмъ жить въ довольствѣ.

Но не объ этомъ заботятся люди. Рабочіе заняты заботой о кускѣ хлѣба, а власть находится въ рукахъ у властителей-капиталистовъ.

Властителямъ нужны доходы. И они готовы изъ-за

этого посылать на смерть сотни тысячъ рабочаго народа.

Изъ-за чего была русско-японская война?

Шайка значительныхъ чиновниковъ и купцовъ российскихъ задумали разрабатывать корейскіе лѣса, на эксплоатаціи корейцевъ и китайцевъ нажиться. Японскимъ промышленникамъ тоже прибыль нужна, и на тѣхъ же корейцевъ и китайцевъ они зубы точатъ.

И война загорѣлась. Кучкѣ богачей нужны новые милліоны, а умирать они посылаютъ за это солдатъ, т. е. крестьянъ и рабочихъ, которымъ отъ побѣды, какъ отъ пораженія, кромѣ увеличенія налоговъ ждать нечего. Улучшилось ли отвратительное положеніе японскаго рабочаго послѣ побѣды? Нѣтъ! За нищенскую плату онъ работаетъ при невѣроятно скверныхъ условіяхъ по 12—14 часовъ въ сутки. Блестящія побѣды затемнили его сознаніе и отвратили его отъ мысли о необходимости бороться за улучшеніе своего положенія съ главнымъ врагомъ—съ капиталистомъ.

Или англо-бурская война. Что дала она побѣдителямъ—англійскому народу? Увеличеніе налоговъ. Усиленіе гнета. Затемнѣніе сознанія. Чтобы англійскимъ милліонерамъ можно было бы нажиться на Южно-Африканскихъ копяхъ, англійскій народъ проливалъ и свою кровь и кровь неповинную бурскихъ крестьянъ.

Но вѣдь въ Англіи правительство выбирается изъ представителей народа, тамъ свобода слова, печати, собраній? Какъ же англійскій народъ не поднялся противъ гнуснаго предпріятія своихъ милліонеровъ?

Дѣло въ томъ, что корень зла—частное владѣніе на землю, фабрики, заводы крѣпокъ въ Англіи, а потому всѣ эти свободы обманъ для рабочаго человѣка.

Вся земля, фабрики, заводы въ Англіи принадлежатъ небольшому числу владѣльцевъ, остальная рабочая Англія остается въ нищетѣ и въ невѣжествѣ. Пятая часть Лондона на положеніи нищихъ. На фабрикахъ чернорабочіе работаютъ по 11-ти часовъ.

Правда, многіе рабочіе работаютъ 9 даже 8, а в

угольныхъ копяхъ даже 7 часовъ и плату получаютъ сравнительно недурную. Но эти аристократы труда, подобно буржуямъ, заботятся только о себѣ, а къ чернорабочему расположены непріязненно. Такъ, сподручные тѣхъ, которые въ копяхъ англійскихъ 7 час. работаютъ, принуждены работать 11 часовъ; когда въ рабочихъ союзахъ поднялся разъ вопросъ о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ для всѣхъ, то аристократы труда высказались противъ.

Огромная рабочая масса, растетъ въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ Европы, въ нищетѣ и въ невѣжествѣ, и не можетъ разобраться въ своихъ интересахъ. У капиталистовъ въ рукахъ газеты, у нихъ на службѣ ораторы.

Люди изъ образованнаго класса, которыхъ у насъ гнетъ самодержавнаго строя толкаетъ въ борьбу и на помощь къ рабочимъ, растутъ на западѣ въ семьѣ и въ школѣ, враждебно настроенныхъ къ рабочему классу и къ его борьбѣ за освобожденіе. Тѣ же, кто идетъ изъ образованныхъ классовъ къ рабочимъ, дѣлаютъ это часто, чтобы выдвинуться и устроиться, такъ какъ на западѣ не сидятъ въ тюрьмѣ, не ссылаютъ людей, занимающихся мирной организаціей рабочихъ. Наоборотъ, какой-нибудь французскій, швейцарскій, германскій адвокатъ или докторъ сразу выдѣляется среди темной массы рабочихъ и его выбираютъ въ думу или въ парламентъ. А иные, какъ напримѣръ во Франціи Милеранъ и Бріанъ, въ министерства пробираются, въ министерства, разстрѣливающія рабочія массы, какъ только онѣ пытаются забастовкой, сильной демонстраціей ослабить гнетъ богачей капиталистовъ.

Войну затѣяли капиталисты, а ихъ газеты и ораторы разжигали всѣ предразсудки невѣжественной массы, направляя ее противъ буровъ, увѣряли, что выгоды рабочаго класса требуютъ войны.

И темные рабочіе, сельскіе батраки, бѣдные арендаторы, занятые всегда работой, озабоченные завтрашнимъ днемъ (такъ какъ безработица свирѣпствуетъ во всѣхъ

странахъ и каждый можетъ очутиться въ рядахъ безработныхъ), одураченные богачами, этой войнѣ не воспротивились.

Такъ всякое зло въ жизни людей произростаетъ все изъ того же корня. У кого деньги, фабрики, земли — у того власть и возможность вредить рабочему классу, кто родился въ рабочей семьѣ — тотъ осужденъ въ рабство.

VI.

Болѣзнь найдена. Какъ ее устранить?

Надо прежде всего уничтожить корень зла.

Нужно, чтобы всѣ работоспособные люди трудились. Нужно, чтобы человѣкъ получалъ доходы своего труда. Для этого вся земля, фабрики, заводы, мастерскія, машины, капиталы должны перейти въ собственность всего трудящагося народа. Только тогда человѣкъ получитъ то, что создаетъ трудомъ своимъ, только тогда откроется путь къ развитію и усовершенствованію человѣка, путь, закрытый пока предъ рабочими какъ у насъ, такъ и на западѣ. Это поняли сознательные рабочіе запада и готовятся къ революціи, къ возстанію за трудовую (соціальную) республику.

Не легко далось это понятіе. Долго рабочіе проливали свою кровь, чтобы добиться политической свободы, то-есть равнаго для всѣхъ права на участіе въ выборахъ правителей государства, свободы слова, печати, сходокъ, союзовъ. Прошли десятки лѣтъ, рабство рабочихъ при политической свободѣ мало чѣмъ уменьшилось и, для окончательнаго освобожденія рабочему запада придется вновь подняться и проливать кровь свою.

Сравнительно недавно сознательнымъ рабочимъ стало ясно, что въ мірѣ идетъ борьба, каждый классъ защищаетъ свои интересы. Угнетенные должны разсчитывать только на себя, бороться, объединяться въ борьбѣ и возстать за политическую и экономическую свободу, то-есть за трудовую республику.

VII.

Есть ли достаточная сила, которой трудовая республика была бы выгодна, которая могла бы ея добиться? Да, есть.

Во-первыхъ, рабочіе конечно. Ничего не имѣя кромѣ рукъ своихъ, они создаютъ этими руками богатства капиталистамъ.

Во-вторыхъ громадное большинство крестьянъ.

Не отъ одного только самодержавнаго строя страдаютъ крестьяне. Ихъ трудъ уходитъ не на одни только подати и налоги. Нѣтъ! Громадное большинство крестьянъ страдаетъ отъ капиталистовъ, большая часть крестьянскаго труда уходитъ капиталистамъ.

Дѣйствительно, крестьянство страдаетъ отъ безземелья и малоземелья. У кого земли нѣтъ или мало ея, вынужденъ либо арендовать землю и платить за нее часть своего труда, либо наниматься и своимъ трудомъ поставлять доходы помѣщикамъ и богатымъ мужичкамъ.

У бѣдныхъ крестьянъ зачастую на посѣвъ хлѣба не хватаетъ, они вынуждены занимать и платить вдвое.

Классъ торговцевъ хлѣбомъ и другими сельскими продуктами, продающіе въ постоянномъ соперничествѣ (конкурренціи) другъ съ другомъ, какъ можно дешевле, вознаграждаютъ себя, скупая за безцѣнокъ трудъ, вѣчно нуждающагося въ деньгахъ крестьянина. Наконецъ и государство беретъ съ крестьянина налоги и часть отдаетъ на поддержку крупныхъ капиталистовъ.

Такимъ образомъ, огромное большинство крестьянъ страдаетъ отъ того, что земля и капиталы находятся въ рукахъ у отдѣльныхъ лицъ. Рабочіе и большинство крестьянъ получатъ неисчислимыя выгоды, когда вся земля, фабрики, машины перейдутъ всему трудящемуся народу.

Солдаты — тѣ же рабочіе и крестьяне.

Куда итти?

Только революція, вооруженное возстаніе всего народа можетъ уничтожить навсегда гнетъ богатыхъ и властныхъ, установить царство труда и правды, такъ какъ добровольно отъ возможности наживать богатства чужимъ трудомъ и чужими страданіями тѣ, которые съ дѣтства къ этому привыкли, не откажутся.

Народы не всегда готовы къ революціи, сознаніе ихъ затемнено, духъ ихъ подавленъ нищетой, лишеніями и стараніями сильныхъ міра сего и ихъ приспѣшниковъ.

Сдѣлать рабочій классъ способнымъ къ великому перевороту, такова должна быть цѣль всѣхъ людей, преданныхъ рабочему дѣлу. Прояснить сознаніе, поднять чувство человѣческаго достоинства, способность отстаивать свои права. Необходимо объединить рабочихъ для постоянной борьбы съ угнетателями.

Не дожидаясь революціи, но постоянно готовясь къ ней, рабочіе должны постоянно стремиться улучшить свое положеніе. Всякое завоеваніе сдѣланное рабочими въ борьбѣ съ капиталистами—есть шагъ впередъ.

Уменьшить рабочее время, чтобы имѣть возможность набираться мысли и силъ, увеличить заработную плату, чтобъ сдѣлать свою жизнь, хоть немного похоже на человѣческую. Добиваться человѣческаго обращенія со стороны хозяевъ, администраціи, начальства. Предъявлять государству буржуевъ, высасывающему налогами значительную часть рабочихъ силъ свои права. Требовать закрѣпленіе закономъ завоеваній сдѣланныхъ рабочимъ классомъ. Установленіе закона о 8-и часовомъ наибольшемъ рабочемъ днѣ, о наименьшей заработной платѣ

объ охранѣ здоровья рабочихъ, установленіе для тѣхъ, кто своимъ трудомъ создаютъ всѣ богатства страны, государственнаго обезпеченія на старость, на случай болѣзни, требовать уничтоженія постоянной арміи и т. д.

Рабочій долженъ не переставая бороться, предъявлять свои права на жизнь и поддерживать свои требованія боевыми выступленіями объединенныхъ силъ.

И въ постоянной борьбѣ прояснится сознаніе рабочихъ, закалится въ нихъ духъ борцовъ и чувство силы.

Но вотъ наступаетъ время революціи. Чаша терпѣнія народнаго переполнилась. Народъ возстаетъ противъ своихъ угнетателей. Угнетатели кровопролитіями стараются подавить народъ.

Гдѣ не могутъ силой, тамъ идутъ на всякія хитрости—если не подавить, то обмануть.

Здѣсь сознательнымъ рабочимъ надо быть на сторожѣ. Есть такіе шаги, которые могутъ быть успѣшно сдѣланы только во время революціи—захватъ власти, установленіе республики, захватъ земель, фабрикъ. Есть другіе шаги, которыхъ какъ разъ во время революціи не сдѣлаешь. Въ самый ея разгаръ производство остановится, рабочіе очутятся почти всѣ въ рядахъ безработныхъ. На закрытой фабрикѣ, если ее оставить хозяину 8 час. рабочаго дня не введешь. Если оставить богачамъ капиталы, то во время народнаго раззоренія никакихъ страхованій не проведешь.

Вы видите, товарищи, насколько важно разобраться въ вопросѣ, съ какими требованіями итти трудовому народу въ революцію. Здѣсь вы идете на смерть и зовете на смерть своихъ товарищей. Каждый долженъ своимъ умомъ продумать, чего достигнетъ рабочій классъ цѣною столькихъ жертвъ и усилій.

Велика ваша отвѣтственность предъ собою, товарищами и будущими поколѣніями. Революціи рѣдко повторяются въ жизни народа. Если теперь вы дадите себя обмануть, то уже послѣ долго долго не оправитесь. А потому все, что вамъ говорятъ, все, что вамъ предлагаютъ, провѣряйте своимъ умомъ. Вы хорошо знаете жизнь и

только такая наука настоящая, которая основана на знаніи жизни. Книжная наука о жизни людей и общества еще только зарождается. Она настолько слаба, что если одинъ ученый человѣкъ предлагаетъ одно, то находится другой ученый съ неменьшими знаніями, который какъ разъ предлагаетъ противное. Каждая партія имѣетъ своихъ ученыхъ, и всѣ эти ученые между собой не согласны, потому что жизнь не такъ проста и не въ какую науку цѣликомъ пока не укладывается. Ничего не принимайте на вѣру, товарищи.

Слишкомъ дорого обошлась народу вѣра. Народъ вѣрилъ въ царя и въ поповъ, и терпѣлъ, и былъ обманутъ.

Когда французскій народъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ возсталъ, бѣдные крестьяне и рабочіе повѣрили адвокатамъ, врачамъ и другимъ выходцамъ буржуазіи, которые увѣряли, что достаточно уничтожить королевскую власть и установить выборное правительство, чтобъ добиться „свободы, братства и равенства". Но богатства оставили богачамъ, а помѣщичьи земли отняли и перепродали крестьянамъ въ частную собственность. Народъ, который пролилъ свою кровь былъ обманутъ, остался въ темнотѣ и въ кабалѣ у богачей.

Полвѣка спустя Французскій народъ вновь поднялся въ 1848 г. противъ возстановленной королевской власти. Рабочіе опять проливали кровь свою и опять буржуямъ удалось ихъ одурачить. Въ Парижѣ вмѣсто того, чтобъ захватить фабрики и заводы, закрытые хозяевами, и крупные капиталы, рабочіе дали себя одурачить общественными работами. Правительство республиканское, какъ это потомъ было установлено, съ злымъ намѣреніемъ, устроило національныя мастерскія, гдѣ и работы въ концѣ никакой не было, а такъ выдавали по 80 коп. въ день рабочему, чтобы онъ не волновался. А когда весь народъ уже успокоился, то парижскихъ рабочихъ кого разстрѣляли, кого засадили въ тюрьму, кого сослали— остальные покорились.

Прошло еще лѣтъ 20 народныхъ страданій. Опять во Франціи революція, вызванная возстановленной импе-

раторской властью. Въ 1871 г. рабочіе уже понимаютъ свои права и захватываютъ власть въ свои руки (*капиталовъ они и на этотъ разъ не тронули, и этимъ сильно ослабили себя*). Но крестьяне, получившіе за 80 лѣтъ до того землю въ частную собственность, привыкли смотрѣть на землю какъ на товаръ и враждебно встрѣтили дошедшую до нихъ въ извращенномъ буржуазіей видѣ мысль парижскихъ рабочихъ—уничтожить корень зла—частную собственность на землю, фабрики, дорого стоющія орудія труда. Буржуазная республика жестоко подавила обезоруженный рабочій народъ (десятки тысячъ растрѣляны).

Прошло еще 35 лѣтъ. Значительная часть французскихъ рабочихъ прозрѣла и готовится къ новой революціи, и никакимъ адвокатамъ и другимъ буржуазнымъ болтунамъ теперь уже обмануть ихъ не удастся. Такъ какъ демократическая республика показала себя во всей красѣ. Тяжелый, плохо оплачиваемый трудъ, нищета и безработица-демократическая республика во Франціи, въ Швейцаріи, въ Соединенныхъ Штатахъ ничего этого не уничтожила.

А когда рабочіе *борются* тамъ, то въ нихъ тоже стрѣляютъ, ихъ бьютъ городовые, ихъ сажаютъ въ тюрьму. Рабочіе и сознательные крестьяне готовятся во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ къ возстанію за соціальную (трудовую) республику.

Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Дорого имъ обошлась вѣра въ другихъ.

Дорого обошлась бы нашимъ рабочимъ такая вѣра.

Люди говорятъ, что у *насъ сейчасъ возможна только такая революція, которая корня зла не уничтожитъ.*

Мы говоримъ, и доказываемъ, что рабочимъ такая революція не нужна, что они могутъ и должны уничтожить корень зла, установить не буржуазно-демократическую республику, а *трудовую республику.*

Вы же, товарищи рабочіе, познакомтесь съ тѣми и другими мнѣніями, не вѣря на слово никому ни намъ,

ни противникамъ, но зная жизнь рабочаго и русскаго крестьянина—разберитесь своимъ умомъ, кто правъ.

По нашему рабочій классъ, когда онъ возстанетъ, когда войска будутъ на сторонѣ народа—долженъ захватить всю власть, всѣ фабрики, заводы, банки и пр. въ свои руки, пойти на помощь другимъ народамъ и деревнямъ, гдѣ побѣда еще не обезпечена. Отнять у *богачей* (мелкихъ собственниковъ не трогать) награбленное богатство. Установить трудовую республику-общественное владѣніе всѣми богатствами и всѣми народными дѣлами *).

Достаточно ли для этого силъ у рабочихъ? Болѣе чѣмъ достаточно. Къ $5^1/_2$ милліонамъ рабочихъ на заводахъ и мастерскихъ прибавьте всѣхъ кто страдаетъ отъ гнета богачей, отъ гнета начальства, послѣ побѣды (если въ революціи народъ не побѣдитъ, ни о какихъ захватахъ власти говорить понятно не приходится), всѣ озлобленные противъ начальства и богачей составятъ такую силу, противъ которой сила хозяйская—ничто.

Кто можетъ подавить рабочихъ въ ихъ стремленіи передать всему трудящемуся народу землю, фабрики, капиталы?

— *Крестьяне*—говорятъ нѣкоторые книжные люди—русскіе крестьяне—говорятъ они подавятъ рабочихъ, которые бы возстали противъ барскаго гнета. Русскіе крестьяне—говорятъ эти умники—готовы уничтожить царскую, но не хозяйскую власть.

Но развѣ огромное большинство россійскихъ крестьянъ не страдаетъ отъ того же самаго гнета, какъ и рабочіе? Развѣ не богачи-помѣщики, не богачи—купцы пожираютъ всѣ труды крестьянина?

Большинство крестьянъ (трудовое крестьянство) страдаетъ отъ безземелья и малоземелья, отъ кабалы богачей, у которыхъ оно въ долгу.

Земля и власть въ рукахъ у богачей, у помѣщиковъ, у міроѣдовъ.

— Земля ничья, земля божья, земля тому, кто ее обрабатываетъ—говорятъ бѣдные крестьяне.

---

*) Прочти статью „трудовая республика“.

Съ восторгомъ встрѣчаютъ они проповѣдь—земля всему народу въ пользованіе тому, кто ее своимъ трудомъ обрабатываетъ.

Съ неменьшимъ восторгомъ встрѣчаетъ крестьянинъ мысль о томъ, чтобы вмѣсто скупщиковъ хлѣба, льна и другихъ сельскихъ товаровъ, было бы правильно выбранное и отвѣтственное земство. Каждый крестьянинъ чувствуетъ насколько его обкрадываетъ и обвѣшиваетъ городской купецъ. И вотъ тѣ крестьяне, которые скажутъ—земля народу торговля—въ руки народа—скажутъ: а фабрики, созданные нашимъ крестьянскимъ трудомъ и трудомъ нашихъ братьевъ рабочихъ—должны принадлежать богачамъ хозяевамъ? Не вѣрьте, товарищи.

Крестьяне будутъ отбирать земли, а фабрики оставятъ владѣльцамъ? Возставшіе крестьяне будутъ защищать фабрикантовъ противъ своихъ братьевъ рабочихъ? Крестьяне скажутъ: царя не надо, а господа купцы и фабриканты пусть пьютъ кровь рабочихъ? Не вѣрьте книжникамъ, ослѣпленнымъ плохо понятой книгой и не видящимъ жизни!

Деревенская бѣднота—это сила вашихъ братьевъ по труду и по страданіямъ—она будетъ на нашей сторонѣ. Не дайте только ученымъ буржуа ее одурачить. Одни только шкурные интересы и то бы заставили крестьянъ поддерживать рабочихъ. Земля—народу. Но земли вовсе ужъ не такъ много и чѣмъ лучше будетъ рабочимъ въ городѣ, тѣмъ меньше ихъ пойдетъ въ деревню, тѣмъ больше земли останется на долю каждаго земледѣльца. Это ясно для ребенка. Бѣдные крестьяне должны васъ поддержать и васъ поддержатъ.

Каждый человѣкъ, который во время революціи скажетъ: — „бѣдные крестьяне враги рабочему классу", явится самъ злѣйшимъ врагомъ и предателемъ рабочему дѣлу. Крестьяне не хотятъ общественнаго производства—говорятъ книжные умники. Да, крестьяне пока еще не понимаютъ пользы общественнаго производства въ *обработкѣ земли*, но вѣдь никто и не намѣренъ ихъ насильно заставлять сообща обрабатывать землю. *Но*

крестьяне вовсе не враги общественнаго (фабричнаго) производства въ городѣ. Вѣдь и теперь производство на фабрикахъ и заводахъ общественное (только владѣніе — частное хозяйское) и никогда крестьяне не выставляли нелѣпаго требованія разломать фабрику на части и по колесикамъ и кирпичикамъ раздѣлить ее между рабочими. *Противъ общественнаго производства, удешевляющаго товара крестьяне ничего не имѣли и не имѣютъ. Что же касается владѣнія, то во время революціи крестьяне будутъ за рабочихъ, противъ господъ.*

Какая же сила можетъ подавить рабочихъ? Стать за буржуазно-демократическую республику противъ трудовой? Мелкіе собственники городовъ, лавочникъ, ремесленникъ? Имѣющій жалкія сбереженія, позволяющія ему кое-какъ жить?

Посмотримъ, каковымъ должно быть его положеніе во время революціи. Даже въ обыкновенное время онъ жалуется на плохія дѣла. Его убиваетъ конкурренція фабрики, его убиваютъ большіе магазины, потребительныя общества, покупающіе все въ большомъ количествѣ, а потому дешевле. Мелкій лавочникъ или ремесленникъ живетъ въ постоянномъ страхѣ за завтрашній день. Дѣти его растутъ оборванными, и часто голодными. Ждетъ этихъ дѣтей подневольный трудъ и нищета. Это въ обыкновенное время. Во время революціи въ пору всеобщаго разстройства, съ какими бы требованіями не возсталъ народъ — мелкихъ собственниковъ отъ нищеты и голода можетъ спасти только трудовая республика. Въ самомъ дѣлѣ, если рабочіе не захватятъ власти и капиталовъ то, лишенные работы, они не могутъ заплатить долги мелкимъ лавочникамъ. Сырой матеріалъ ремесленнику и товары лавочнику въ долгъ въ такое время никто не вѣритъ.

Земля перешла безъ выкупа крестьянамъ — значитъ тысячи милліоновъ крестьянскаго, дворянскаго и другихъ банковъ идутъ прахомъ. Государственными билетами самодержавнаго правительства хоть комнаты оклеивай. Помѣщики, банкиры и другіе богатые давальцы

долговъ своихъ не платятъ. Сберегательныя кассы, имѣющія только государственныя бумаги и бумаги земельныхъ банковъ, лопаются, унося послѣднія жалкія сбереженія бѣднаго люда. Если не будетъ захвата капиталовъ у богачей—всей городовой бѣднотѣ придется очень плохо. Вотъ почему во время революціи мелкіе собственники поддерживаютъ всякую власть, всякую силу, которая имъ обѣщаетъ кусокъ хлѣба. Во время рабочаго возстанія 1871 г. въ Парижѣ мелкіе ремесленники оказали дѣятельную поддержку рабочему правительству, пока оно находилось у власти и покинуло его, когда рабочіе были подавлены.

Трудовая республика не угрожаетъ мелкому собственнику, наоборотъ во время всеобщаго раззоренія она его единственная спасительница. Трудовая республика—обезпеченный кусокъ хлѣба для каждаго трудящагося человѣка. Обезпеченная старость. Обезпеченная судьба семьи. Если мелкій лавочникъ пожелаетъ сохранить свою лавочку, а ремесленникъ, не пользующійся наемнымъ трудомъ свою самостоятельность — этого имъ никто не воспретитъ, только товары и сырой матеріалъ имъ придется брать у города, а не у фабриканта или купца.

Такимъ образомъ захвативъ власть рабочіе не только не возстановятъ противъ себя городской бѣдноты, но наоборотъ встрѣтятъ въ ней живую поддержку. Что касается собственниковъ—эксплоататоровъ, пользующихся наемнымъ трудомъ и которые бы могли выдержать всѣ невзгоды революціи, то противъ каждаго подобнаго паразита имѣется по крайней мѣрѣ нѣсколько его служащихъ или подмастерьевъ.

Насъ подавитъ буржуазія западныхъ государствъ, миллiонеры Мендельсоны и Ротшильды придутъ на помощь миллiонерамъ Морозовымъ, Бродскимъ, цари Вильгельмы и Эдуарды на помощь Николаю—говорятъ люди, желающіе запугать рабочій классъ угрозою иностраннаго вмѣшательства.

Намъ объявитъ войну буржуазія **Запада? Пусть!**

Развѣ кличъ—соціальный переворотъ, трудовая республика (république sociale) раздается только по одной Россіи? Развѣ изстрадавшійся рабочій народъ жертва этихъ Мендельсоновъ, Ротшильдовъ, Вильгельмовъ, всей этой малочисленной, но жадной шайки международныхъ хищниковъ, не готовится къ такой же революціи?

Пусть объединяются цари и богачи! Интересы рабочихъ всего міра одинаковы! Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь! Это не выдумка, не сказка — это надежда, которой живетъ подавленный рабочій классъ всего міра. Народы за насъ! Наше пораженіе грозный ударъ для дѣла освобожденія рабочихъ всего міра. Наша побѣда — міровая побѣда.

Несмотря на ухищренія буржуазіи $3^1/_4$ милліоновъ взрослыхъ людей подаютъ свои голоса въ Германіи за соціалистовъ. Во Франціи рабочій классъ объединяется въ боевые союзы вокругъ биржъ труда.

Когда короли и милліонеры Запада возымѣютъ безумную мысль двинуть войска противъ трудовой республики, то въ Россіи ихъ встрѣтитъ весь трудовой народъ, готовый съ оружіемъ въ рукахъ защищать всемирное рабочее дѣло противъ всемирныхъ паразитовъ, а съ тылу въ ихъ же собственныхъ государствахъ подымутся многомилліонныя силы рабочаго народа — и троны монарховъ и троны богачей развѣются въ прахъ!

Нѣтъ! Для каждаго человѣка, имѣющаго глаза, чтобъ видѣть, должно быть ясно, что у рабочаго класса въ случаѣ побѣдоноснаго народнаго возстанія (а безъ этого и демократической республики не устроишь) есть силы, чтобъ захватить власть, землю, фабрики и капиталы, и установить трудовую республику и нѣтъ въ мірѣ такой силы, которая бы могла подавить въ настоящее время трудовое государство. Но вотъ является другой вопросъ, сумѣетъ ли трудовой народъ, сумѣютъ ли выборные рабочаго класса справиться съ дѣлами производства и обмѣна товаровъ?

Сейчасъ производство и обмѣнъ идетъ, большинство трудится, голодаетъ и лишено необходимаго, меньшин-

ство накопляетъ богатства. Въ Россіи голодъ. Хлѣбъ и скотъ нашъ высылается за границу, чтобы дать поживу купцамъ. Народъ ходитъ рваный, ситецъ нашъ высылается въ Китай, ленъ и шерсть — за границу. Потому что производствомъ и торговлей владѣетъ не народъ, который хочетъ быть сытымъ, одѣтымъ и обутымъ, а богачи, которымъ нужна прибыль. И вотъ находятся люди, которые говорятъ, что всѣ эти господа купцы и фабриканты лучше справляются съ производствомъ, чѣмъ это могли бы сдѣлать выборные рабочаго народа.

Товарищи рабочіе, конторщики и приказчики! я обращаюсь главнымъ образомъ къ тѣмъ, которые работаютъ на самыхъ большихъ фабрикахъ, въ самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ, какъ брянскіе заводы, морозовская мануфактура, сахарные заводы Терещенко, нефтяные Нобеля и т. д., имѣющіе дѣло по закупкѣ сырья со всей Россіей, а по продажѣ товаровъ чуть ли не съ цѣлымъ міромъ. Товарищи, гдѣ вы и когда вы видѣли хозяина? Въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ никогда.

Акціонеры хозяева не имѣя о дѣлахъ никакого понятія, получаютъ доходы съ труда брянскихъ или другихъ рабочихъ, сами находятся за границей или въ Россіи далеко далеко отъ той фабрики, на которой въ непосильномъ трудѣ изнываютъ рабочіе; отъ той конторы, гдѣ свершаются всѣ дѣла.

На нѣкоторыхъ столичныхъ большихъ фабрикахъ вы видѣли хозяина.

Возвращаясь утромъ съ ночной смѣны, вы встрѣчали роскошную пару рысаковъ и коляску на резиновыхъ шинахъ, а тамъ развалившись возвращался съ ночныхъ кутежей въ Яру, въ Стрѣльнѣ, на Крестовскомъ столь „необходимый въ производствѣ хозяинъ“. Нѣтъ! Самыя трудныя, самыя сложныя дѣла ведутся безъ хозяевъ, наемниками капитала, рабочими, конторщиками, техниками приказчиками. Что же касается болѣе мелкихъ предпріятій, гдѣ работаетъ сотня рабочихъ, то веденіе дѣлъ тамъ часто настолько просто, что ими справляется

опять таки при вашей помощи, товарищи, полуграмотный купецъ.

Конторщики, приказчики, техники, все это люди съ необезпеченнымъ кускомъ хлѣба, работающіе часто до изнеможенія за скудное вознагражденіе, рискуя каждую минуту, не поладивъ съ капризами хозяина или директора, лишиться всего. Для этихъ людей — трудовая республика — такой же счастливый исходъ, какъ и для рабочихъ.

Что касается директоровъ заводовъ и директоровъ правленій, получающихъ баснословно громадное жалованье; которымъ хозяева выбрасываютъ часть награбленнаго у рабочихъ, то нужно сказать, что эти директора нужны хозяевамъ только какъ хорошія цѣнныя собаки, оберегающія хозяйскіе доходы противъ рабочихъ, во вредъ рабочимъ. Въ производствѣ они имѣютъ очень мало значенія. Все дѣлается ихъ помощниками и мелкими техниками, чертежниками и инженерами.

Если бы инженеры вздумали противиться трудовой республикѣ, то во первыхъ послѣ захвата фабрикъ и заводовъ имъ дѣться некуда будетъ, во вторыхъ инженеровъ требуется сравнительно очень мало и у насъ скоро послѣ успокоенія страны съ развитіемъ образованія появится избытокъ лицъ съ инженерскими знаніями.

Въ третьихъ, за границей имѣется большое количество инженеровъ и химиковъ, ищущихъ мѣсто. Хорошо знающіе свое дѣло инженеры и химики получаютъ во Франціи 50—100 руб. въ мѣсяцъ. Фабрикантамъ нашимъ они не нужны эти знающіе люди, а нужны помощники для грабежа чужого труда.

На зовъ трудовой республики, которая кромѣ жалованія обезпечитъ своимъ служащимъ пенсію на старость и на случай болѣзни, обезпечитъ судьбу дѣтей, откликнутся всѣ очень знающіе, но малоимущіе люди западныхъ государствъ, такъ что отказъ нѣсколькихъ инженеровъ богачей повредитъ не народу, а самимъ хищникамъ.

Такимъ образомъ и захватить, и вести производство народъ и имъ выбранное самоуправленіе вполнѣ сумѣетъ.

Но есть одинъ могучій врагъ у трудовой республики. И мы, желающіе ее, должны сказать тебѣ рабочій классъ: это чувство раба, воспитанное въ тебѣ самомъ вѣками гнета и нищеты. Ты не вѣришь въ свои силы; въ самое горячее время ты способенъ слушать враговъ своихъ, или неразумныхъ друзей, которые будутъ говорить тебѣ о твоей слабости, о томъ, что тебѣ, молъ не захватить, а если захватишь, то не удержать производства.

Оглянись! Посмотри сколько кругомъ бѣдныхъ и обездоленныхъ рабочихъ, крестьянъ и мелкихъ служащихъ, посмотри сколь ничтожны враги твои въ ихъ роскошныхъ костюмахъ, въ ихъ золотомъ шитыхъ мундирахъ, скрывшія свою слабость за рядами штыковъ твоихъ братьевъ — солдатъ и неспособныхъ свою за ратью служащихъ, умныхъ образованныхъ и трудолюбивыхъ. Настанетъ время — штыки перейдутъ на сторону народа, солдатъ почувствуетъ себя крестьяниномъ и рабочимъ (безъ этого побѣда революціи невозможна). И рать служащихъ капитала вмѣсто того, чтобы помогать кучкѣ хищниковъ наживать милліоны, съ радостью перейдетъ на почетную и вѣрную должность слугъ общества, слугъ народа.

Да и въ тебѣ самомъ революція совершитъ переворотъ—когда ты увидишь закрытыя фабрики, покинутыя трусливыми хозяевами, а самъ составишь огромную армію безработныхъ, но армію вооруженную, тогда ты почувствуешь свою силу и значеніе и не дашь себя обмануть ни обѣщаніями будущихъ благъ въ царствѣ богачей, ни жалкими общественными работами, которыми тебя попытаются успокоить. Ты не пойдешь за дурными пастырями—ты уничтожишь корень зла—и заложишь основу будущаго—свободы и счастья—трудовую республику.

Трудовая республика.

Я гимнъ пою труду. Я пѣснь пою народу
Пусть прозвучитъ она по родинѣ моей
И тотъ, кто знаетъ трудъ и тяжкую невзгоду
И скорбь, и нищету, да внемлетъ, внемлетъ ей.
Ник. Ив.

Первые шаги трудовой Республики[1]).

Трудовая республика — вотъ прямая цѣль нашей революціи.

Вся власть, вся земля, всѣ фабрики, заводы, все, что служитъ въ рукахъ частныхъ лицъ источникомъ порабощенія, должно перейти въ руки всего трудящагося народа для общаго пользованія, для общаго блага [2]).

Вопросъ въ томъ, какіе порядки сможемъ сразу установить мы, выросшіе въ ненависти, въ темнотѣ, развращенные всей нашей прошлой жизнью въ царствѣ лжи и насилія? Мы не способны осуществить наши порядки, которые требуютъ взаимной любви и довѣрія другъ къ другу.

Хищническія привычки, жажда праздности и наслажденій насчетъ трудовъ ближнихъ пропитали насквозь души многихъ изъ нашего поколѣнія. Всѣхъ буржуевъ и развращенныхъ буржуями революція не можетъ уни-

---

[1]) Мы перевели французскія слова republique sociale — трудовая республика, какъ болѣе соотвѣтствующимъ понятію этихъ словъ. Нѣмецкій ученый Менгеръ постоянно говоритъ о трудовомъ государствѣ".

[2]) „Прямо къ цѣли" стр. 5.

чтожить: враги трудовой республики притаятся, но по возможности будутъ вредить ей. Революція не просвѣтитъ сразу народныя массы и темнотой народной захотятъ еще воспользоваться разные проходимцы.

Поэтому необходимо установить такіе порядки, которые требуютъ обыкновенныхъ людей, а не ангеловъ, такіе порядки, при которыхъ мало мальски грамотный рабочій или крестьянинъ, могъ провѣрить своихъ выборныхъ, такіе порядки, которые бы создали труду уваженіе, а работоспособнымъ, но праздношатающимся людямъ, положеніе жалкое, чтобы производство развивалось, жизнь и трудъ становились все легче и разумнѣе. Однимъ словомъ, необходимо, чтобы по уничтоженію „корня зла" уничтожились какъ можно скорѣе разсѣянные по лицу земли плоды и открылся путь къ полной свободѣ и къ свѣтлому счастью для человѣка.

Во время вооруженнаго возстанія, когда побѣда будетъ на сторонѣ рабочихъ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ въ городѣ объявляетъ себя временнымъ правительствомъ, смѣщаетъ всѣ власти, захватываетъ всѣ банки, беретъ на себя продовольственное дѣло и дѣло народнаго вооруженія, захватываетъ типографіи, гдѣ немедленно въ большомъ количествѣ печатаетъ воззванія ко всему бѣдному населенію города и деревни, объясняя цѣли революціи и значеніе для всѣхъ трудовой республики. Выработавши совмѣстно съ выбранными вооруженнымъ народнымъ войскомъ военачальниками планъ защиты города, разослать немедленно отряды по деревнямъ, дабы именемъ возставшаго народа помочь крестьянамъ справиться съ врагами помѣщиками и деревенскими богатѣями и снабдить крестьянъ оружіемъ. Поднявши всю округу двинуться на помощь въ сосѣдніе города и села, разославъ передъ тѣмъ членовъ революціоннаго рабочаго правительства съ воззваніями къ бѣдному населенію. Въ этихъ воззваніяхъ какъ можно яснѣе и проще объяснить цѣли революціи и успокоить мелкихъ собственниковъ, среди которыхъ буржуазія будетъ сѣять самые нелѣпые слухи о намѣреніяхъ рабочихъ. Изъ каждой

сельской мѣстности, гдѣ революція побѣдитъ, выбирать крестьянскихъ депутатовъ, которые присоединятся къ рабочимъ и войдутъ во временное правительство. Въ это время революціонное правительство объявляетъ всенародной собственностью и временно завѣдуетъ землей, фабриками, домами. Рабочій народъ долженъ тѣсно сплотиться вокругъ своихъ депутатовъ, замѣняя недостойныхъ новыми, но оберегаясь подкупленныхъ буржуазіей людей, которые будутъ клеветать на рабочее правительство. Весь рабочій народъ долженъ всѣми силами помогать совѣту депутатовъ справиться съ тяжелыми обязанностями и всѣми средствами поддержать порядокъ. Мелкіе раздоры и дрязги должны быть забыты, мелкія обиды бѣдняковъ бѣдняками должны быть прощены другъ другу въ эти великіе дни; такъ какъ врагъ рабочаго класса дремать не будетъ и воспользуется каждымъ безпорядкомъ и всякой неурядицей, чтобы посѣять смуту, вызвать раздоры и возстановить власть правительства буржуазіи.

Совѣтъ депутатовъ, объявившій въ первые дни возстанія всеобщую забастовку, пускаетъ при первой надобности сразу въ ходъ булочныя, мясныя и все то, что необходимо для продовольствія, для снаряженія, для вооруженія революціонной арміи и для поддержки народа.

Если захваченныхъ въ банкахъ и у частныхъ богачей денегъ (золота, серебра и мѣди) не хватитъ, то рабочее правительство выпускаетъ временныя квитанціи на необходимую сумму, составляя точный счетъ имѣющимся деньгамъ и произведеннымъ расходамъ.

Послѣ того, какъ побѣда за трудовымъ народомъ обезпечена, свободныя рабочія силы приступаютъ къ работамъ на общественныхъ фабрикахъ. Со всей Россіи назначаются выборы въ учредительное собраніе.

Буржуазія, ничтожное меньшинство, лишенное своей единственной силы—капиталовъ, не опасна. Въ учредительное собраніе избираютъ всѣ граждане съ 18 лѣтъ, безъ различія пола, возраста, народности. Всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе.

Временныя правительства (совѣтъ крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ) слѣдятъ, чтобы не было неправильности въ выборахъ. Вотъ, что сумѣетъ и должно будетъ сразу осуществить учредительное собраніе.

Трудовая республика.

Земля, имѣющаяся на лицо, фабрики, заводы, рудники, орудія труда, требующія совмѣстной работы нѣскольких лицъ — объявляется всенародной собственностью.

Ни земля, ни фабрика не можетъ быть собственностью одного человѣка или группы лицъ, такъ земля и всѣ природныя богатства, не созданныя ничьимъ трудомъ, а фабрики и машины, созданныя умомъ и трудомъ всего народа и даже многихъ поколѣній — не могутъ безъ ущерба для всего народа и для будущихъ поколѣній быть присвоены кѣмъ бы то ни было. Земля, фабрики, заводы, рудники и проч. переходятъ въ собственность всего народа и въ пользованіе тѣхъ, кто на нихъ сами трудятся.

Въ виду того, что Россія громадна и разнообразна по условіямъ жизни и что если бы всѣми дѣлами завѣдывало одно только, хотя бы и выбранное, но находящееся, въ одномъ какомъ нибудь городѣ (напримѣръ Петербургѣ) учрежденіе, то это бы потребовало огромное число чиновниковъ, затруднило бы развитіе промышленности, примѣненіе новыхъ машинъ, а главное, затруднило бы провѣрку дѣйствія избранниковъ ихъ избирателями, во главѣ производства какой-либо области ставится мѣстное областное самоуправленіе, выбранное всѣмъ населеніемъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ.

Эти областныя самоуправленія (областные муниципалитеты) берутъ въ свои руки, какъ постановку и контроль надъ производствомъ, такъ и обмѣнъ товаровъ между городами, городами и деревнями и между областями.

Торговля съ заграницей вся переходитъ въ руки всероссійскаго народнаго самоуправленія, избраннаго всеобщей прямой, равной и тайной подачей голосовъ.

Каждый рабочій, каждый служащій уже этимъ есть членъ рабочаго союза его профессіи. И въ устоновленіи расцѣнковъ и внутреннихъ распорядковъ на фабрикахъ участвуетъ областной муниципалитетъ, рабочій союзъ и представитель всего государства. Мелкіе собственники (лавочники, ремесленники, не пользующіеся наемнымъ трудомъ) получаютъ кредитъ отъ самоуправленія въ суммѣ не превышающей установленной закономъ нормы.

Имѣя постоянно предъ глазами своихъ избранниковъ въ муниципалитетахъ, дающихъ частые отчеты во всѣхъ дѣйствіяхъ и мѣропріятіяхъ, каждый трудящійся избиратель провѣряетъ дѣйствія своихъ избранниковъ и имѣетъ право внести на разсмотрѣніе самоуправленія новые планы въ порядкахъ или въ производствѣ.

Въ мѣстныхъ дѣлахъ мѣстное самоуправленіе самостоятельно, если только его постановленія не вредятъ интересамъ остального народа, въ этомъ же только случаѣ представитель государства отмѣняетъ постановленіе и передаетъ этотъ случай на разсмотрѣніе всероссійскаго народнаго самоуправленія (центральный парламентъ).

Центральный парламентъ устанавливаетъ законы наибольшаго рабочаго дня (на первое время не свыше 8-ми час.). Право пенсіи на случай старости, болѣзни, призрѣніе неспособныхъ къ труду, обязательное и безплатное всеобщее обученіе дѣтей, предоставляи самый размѣръ вспомоществованія установить мѣстному самоуправленію, такъ же какъ и постановку школьнаго дѣла, при ограниченіи возможности прививать дѣтямъ человѣконенавистническіе предразсудки.

Центральный парламентъ устанавливаетъ подъ своимъ контролемъ комитеты (статистическіе), гдѣ собираются и печатаются свѣдѣнія о поставкѣ производства и о рабочихъ силахъ со всего государства.

Каждое мѣстное самоуправленіе имѣетъ такой же статистическій комитетъ для данной мѣстности.

Центральный псрламентъ вѣдаетъ почтово-телеграфное дѣло, дѣло путей сообщенія, дѣло вооруженія народ-

ныхъ массъ для самообороны на случай нападенія со стороны буржуазныхъ государствъ, дѣло высшаго народнаго образованія, дѣло народнаго здравія, дѣло созиданія мѣновыхъ знаковъ и обмѣна товарами съ заграницей, центральный парламентъ вѣдаетъ всѣ эти дѣла при содѣйствіи соотвѣтственныхъ профессіональныхъ союзовъ или избранныхъ комитетовъ—спеціалистовъ.

Право вводить улучшеніе какъ въ общежитіи, такъ и въ производствѣ принадлежитъ муниципалитету.

Налоги устанавливаются съ суммы производства какъ центральнымъ парламентомъ для своихъ нуждъ, такъ и мѣстныхъ для своихъ. Дѣло религіи—это дѣло каждаго человѣка въ отдѣльности. Представляется право гражданамъ трудовой республики соединяться по своимъ вѣрованіямъ, языку, народности при условіи, чтобы эти союзы ни для кого обязательной силы не имѣли и не были бы враждебно настроены всему прочему населенію.

Дѣло огражденія личной и общественной безопасности вѣдаетъ мѣстное самоуправленіе при содѣйствіи всѣхъ гражданъ и судей избранныхъ гражданами изъ своей среды.

При этихъ вполнѣ осуществимыхъ первыхъ шагахъ трудовой республики—человѣкъ обрѣтаетъ право на полный продуктъ своего труда (часть которая взимается государствомъ возвращается ему въ видѣ больницъ, школъ, обезпеченія безопасности и пр.) обезпеченную и спокойную старость, обезпеченную судьбу семьи. Исчезаетъ навсегда безработица и эксплоатація труда капиталомъ, открывается закрытый до сихъ порчу насъ и на западѣ путь къ полному развитію человѣка, къ полному его освобожденію. Это еще несчастье, человѣкъ еще теменъ, его могутъ обмануть, еще существуютъ—хотя и съ обрѣзанными крыльями хищныя птицы, но все выборно, отвѣтственно,

подотчетной при этомъ всеобщее, равное, обязательно обученіе.

Въ деревнѣ, въ большинствѣ случаевъ еще каждый обрабатываетъ отдѣльно свой участокъ земли, тотъ участокъ который онъ можетъ обработать своимъ трудомъ. Но есть машины, выгодныя, для земледѣлія, они дорого стоютъ, каждый участокъ земля въ отдѣльности не выкупитъ расходовъ на машину только соединившись всѣмъ міромъ можно обзавестись ею, можно хорошо использовать удобренія. Уже и теперь крестьяне во многихъ мѣстахъ понимаютъ выгоды машинъ и удобреній, когда же свѣтъ проникнетъ въ самые отдаленные уголки, первые удачные опыты соединенія участковъ для совмѣстной обработки земель, дѣлаются благодаря газетамъ и учителямъ достояніемъ всей Россіи и понемногу крестьяне уничтожаютъ межи, на которыя зря уходитъ годная земля, уничтожаютъ изгороди— нѣтъ противъ кого огораживаться, заводятъ общій складъ хлѣба и другихъ продуктовъ, распредѣляютъ между собой сколько нужно для себя для посѣва и про запасъ, избытокъ свозится въ городъ въ обмѣнъ на мѣновые знаки (деньги) дающіе возможность деревнѣ пользоваться благами жизни.

Въ городѣ въ это время мелкій ремесленникъ, мелкій лавочникъ все яснѣе и яснѣе видитъ насколько выгоднѣе, насколько сберегаетъ трудъ, насколько удобнѣе работа-сообща и присоединяется къ обществу.

Въ началѣ повсюду предпринимается огромное строительство, и повсюду требуется огромное количество товаровъ; недохватка рабочихъ силъ заставляетъ производить преимущественно производство предметовъ первой необходимости, но въ дальнѣйшемъ силы рабочія развиваются, населеніе растетъ, земля обрабатывается все лучше и лучше, вводятся новыя машины дѣлающія трудъ легче и производительнѣе, одновременно развивается дѣятельность статистическихъ комитетовъ мѣстныхъ и всероссійскихъ, дающихъ государству, муниципалитетамъ и частнымъ лицамъ полные и точные указанія о состоя

ніе производительныхъ силъ, гдѣ требуется и въ какой отрасли рабочіе, какія потребности нуждаются въ ближайшемъ удовлетвореніи.

Да, мы можемъ увѣренно сказать, что съ установленіемъ трудовой республики дается могучій толчекъ для развитія промышленности, наукъ и искусствъ, для новыхъ открытій, изобрѣтеній, улучшеній.

Въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ способный человѣкъ, который изобрѣлъ машину сдѣлалъ открытіе, но у него нѣтъ денегъ—умираетъ иногда отъ голода и лишеній раньше чѣмъ его изобрѣтеніе обогатитъ и безъ того богатаго фабриканта. Тамъ, гдѣ трудъ рабочаго дешевъ, нѣтъ разсчета фабриканту вводить новыя машины. Наконецъ сколько способныхъ и даровитыхъ людей гибнетъ въ нищетѣ, за черной работой въ то время какъ будь у нихъ знаніе и возможность развивать свои трудовыя дарованія, они бы могли облагодѣтельствовать все человѣчество своими произведеніями.

Когда во главѣ производства и жизни будетъ стоять не фабрикантъ или купецъ, цѣль которыхъ одна—наживать деньги, а выбранный или отвѣтственный муниципалитетъ, задача котораго удовлетворить своихъ избирателей, т. е. сдѣлать ихъ жизнь пріятнѣе и трудъ легче и производительнѣе, тогда всякое полезное открытіе, всякое выдающееся произведеніе науки и искусства будетъ восторженно принято, всякій способный человѣкъ встрѣтитъ поддержку, на средства муниципалитета онъ сумѣетъ сдѣлать всѣ свои изысканія, всѣ свои работы, промышленность, наука и искусство должны развиться въ трудовой республикѣ въ самой разнообразной и высокой степени.

Вопросъ о народностяхъ (національный вопросъ) можетъ разрѣшить только трудовая республика. Сейчасъ капиталисты въ жаждѣ прибыли привыкли сами ненавидѣть и прививать ненависть къ тѣмъ, кто ведя подобное его дѣлу мѣшаетъ ему безгранично наживаться. Съ другой стороны рабочіе, которымъ вѣчно угрожаетъ безработица боятся рабочихъ другого народа, которые могутъ, за-

нявшихъ мѣста противъ своей воли лишить ихъ куска хлѣба. Кромѣ того богачи и самодержавное правительство, которымъ страшнѣе всего объединенiе трудящихся въ одну семью, стараются сѣять и разжигать ненависть между народами и между людьми разныхъ вѣрованiй, стараются натравить русскихъ на евреевъ, татаръ на армянъ и т. д.

Трудовая республика, при которой каждая мѣстность пожелаетъ имѣть какъ можно больше людей, такъ какъ чѣмъ больше народу, тѣмъ больше производится товаровъ, тѣмъ меньше приходится работать каждому, тѣмъ лучше ему живется.

Трудящимся людямъ, живущимъ съ своего труда обезпеченнымъ въ кровѣ, пищѣ и одеждѣ ссориться не изъ за чего. И съ развитiемъ сознанiя умретъ въ человѣкѣ всякое человѣконенавистническое чувство, каждый народъ дастъ свободно развиваться другому, чтобы свободно соединиться въ дальнѣйшемъ въ одну всечеловѣческую семью.

И преступленiя человѣка противъ человѣка тоже исчезнутъ. Въ настоящее время на преступленiя толкаютъ людей голодъ, нищета бѣднаго населенiя и развращенность въ высшихъ классахъ. При трудовой республикѣ голодъ исчезнетъ, каждый сумѣетъ найти работу и каждый работоспособный долженъ будетъ работать. Неработоспособные (больные, увѣчные, старики) будутъ содержаться всѣмъ народомъ и потому главная причина всѣхъ преступленiй исчезнетъ. Когда старые закоренѣлые преступники вымрутъ, выроститъ новое поколѣнiе, воспитанное въ экономическомъ равенствѣ безъ развращающаго примѣра жизни нашихъ хищниковъ.

— Что ты намъ сказку разсказываешь? скажутъ голодные терпящiе нищету и лишенiя и всякiя обиды.

Нѣтъ это не сказка—трудовая республика уничтоживъ корень зла частную собственность на народныя богатства, этимъ самимъ уже неизбѣжно открываетъ путь къ дальнѣйшимъ улучшенiямъ.

— Гдѣ возьметъ трудовая республика деньги

первоначальное устройство? спрашиваютъ люди, не понимающіе ясно: что такое деньги.

Деньги это мѣновые знаки, выпускаемые въ настоящее время каждымъ государствомъ въ отдѣльности. Золото и серебро на добываніе которыхъ ушло много труда имѣютъ цѣнность только, если государство, ихъ выпускающее, пользуется довѣріемъ.

Отдѣльные купцы и фабриканты выдаютъ тоже бумаги (векселя) и эти бумаги, если купецъ или фабрикантъ богатъ и пользуется довѣріемъ принимаются въ банкахъ и другими купцами и фабрикантами наравнѣ съ деньгами.

Трудовая республика—богатѣйшій въ мірѣ собственникъ, землевладѣлецъ, фабрикантъ и купецъ, къ ней можно питать безграничное довѣріе.

На что нужны въ промышленности деньги?—На закупку сырья, на плату рабочимъ и служащимъ, на покупку машинъ. Хлѣбъ, кожа, нефть, желѣзо и прочіе сырые матеріалы находятся у насъ въ Россіи въ изобиліи. Рабочіе и служащіе живутъ всѣ въ Россіи и участвуютъ всѣ въ выборахъ подотчетнаго и выборнаго самоуправленія.

Выпуская приблизительное количество бумажныхъ и мѣдныхъ денегъ годового производства трудовая республика распредѣлитъ ихъ въ видѣ безпроцентнаго займа между областными самоуправленіями, въ соотвѣтствіи съ ихъ годовымъ производствомъ.

Изъ за границы намъ требуется сравнительно небольшое количество товаровъ, усовершенствованныхъ машинъ (и только на первое время) и предметовъ роскоши (безъ которыхъ въ крайнемъ случаѣ можно было бы обойтись). На все это у насъ богатствъ болѣе чѣмъ достаточно.

Само собою разумѣется, что долговъ сдѣланныхъ самодержавнымъ правительствомъ заграничнымъ хищникамъ, трудовая республика ни въ коемъ случаѣ платить не станетъ, и тогда у насъ свободнымъ окажется наличный запасъ золота и серебра—сотни милліоновъ. Кромѣ того съ переходомъ земли къ трудовому крестьянству, коли-

чество воздѣланной земли увеличится, а значитъ и количество сельскихъ товаровъ, то же самое общественное самоуправленіе гораздо лучше справится, гораздо въ большей степени займется разработкой угля, желѣза, нефти, расширитъ сахарную и другіе отрасли промышленности. И получится избытокъ товаровъ, которыхъ въ Россіи дѣвать некуда будетъ и вмѣстѣ съ ежегодно добываемымъ количествомъ золота и серебра—это составитъ такую изрядную сумму, которая на много превыситъ сумму стоимости всѣхъ необходимыхъ намъ заграничныхъ товаровъ.

Если наша революція вопреки нашимъ ожиданіямъ и мнѣніямъ ученыхъ соціалистовъ запада (Маркса, Каутскаго) не послужитъ сигналомъ всемірной соціальной революціи, если, вмѣсто того, чтобы объявить намъ убійственную для насъ войну, буржуазія Запада, наоборотъ, значительными уступками постарается усыпить у себя рабочій классъ и этимъ предотвратить свою гибель, какъ это ни маловѣроятно, но надо всегда быть готовымъ къ худшему; что, если будетъ такъ? Каковымъ должно быть положеніе трудового государства среди остальныхъ буржуазныхъ?

Самымъ блестящимъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудовая республика можетъ продавать только отъ избытковъ, только то, что намъ не надо; пока есть одинъ не вполнѣ сытый человѣкъ, она не можетъ продать хлѣба, пока есть въ Россіи люди нуждающіеся въ одеждѣ, въ обуви, она не можетъ продавать за границу ни ситца, ни льна, ни шерсти, ни кожи. Но, какъ мы уже видѣли, избытки у насъ будутъ, заграничныхъ товаровъ намъ требуется очень не большое количество, а потому на всемірномъ рынкѣ трудовая республика займетъ самое выгодное положеніе, положеніе богатаго промышленника между нуждающимися; богатый всегда продаетъ и покупаетъ при лучшихъ условіяхъ, чѣмъ нуждающійся.

Но не сумѣютъ ли заграничные капиталисты, которые насъ возненавидятъ, устроить намъ даже у насъ въ Россіи конкуренцію, побить своими фабричными това-

рами наши? Они безсильны. Трудовое государство, самый крупный промышленникъ въ мірѣ, ничьей конкуренціи не боится. Капиталисту нужна прибыль, трудовой республикѣ она не нужна. Достаточно будетъ ту часть промышленности, которой будетъ угрожать конкуренція западныхъ буржуевъ, избавить на болѣе или менѣе продолжительное время отъ налоговъ, удешевить товары, (кромѣ того мы выигрываемъ въ провозѣ) и никакой милліонеръ не выдержитъ конкуренціи съ нами.

Вдобавокъ, если бы наша революція и не вызвала соціальной революціи на Западѣ, то во всякомъ случаѣ она повыситъ значительно требованія нашихъ западныхъ товарщей рабочихъ, улучшитъ ихъ положеніе. Промышленники Запада вынуждены будутъ ввести у себя 8-ми часовой рабочій день и иныя улучшенія, а въ дальнѣйшемъ—трудовая республика всегда на сторонѣ народа противъ буржуевъ. Всякая забастовка, всякая борьба нашихъ западныхъ товарищей-рабочихъ съ ихъ угнетателями найдетъ могучую поддержку въ нашей трудовой республикѣ. При такихъ условіяхъ никакая конкуренція со стороны буржуазіи, единственная цѣль которой—прибыль, намъ не страшна. Наоборотъ, наша побѣда должна неминуемо повести за собой если не немедленное, то очень быстрое освобожденіе всего рабочаго класса въ цѣломъ мірѣ.

Еще нѣскосько словъ! По установленіи трудовой республики, вѣдь народъ не сразу просвѣтится, не можетъ ли здѣсь быть злоупотребленія со стороны хотя бы нашихъ избранниковъ? Да, можетъ и, по всей вѣроятности кой-гдѣ будетъ. Но по нашему плану, если во главѣ производства будутъ мѣстныя избранныя, отвѣтственныя и подотчетныя областныя самоуправленія, то злоупотребленія не могутъ долго продолжаться. Если бы избранные среди предлагающихъ свои услуги руководители производства для работающихъ въ немъ вовсе не такая трудная и сложная вещь. Неужто среди остальныхъ тружениковъ не найдется грамотныхъ, умныхъ и честныхъ людей, которые бы вывели негодяевъ на чистую воду и

при полной свободѣ слова, печати и критики негодяи будутъ съ позоромъ изгнанны изъ общества, а на ихъ мѣсто поставятъ людей честныхъ и преданныхъ общественнымъ интересамъ. Нужно помнить, что трудовая республика есть еще только первый шагъ къ свободѣ и къ счастью, что имъ еще ничего не кончается. На первое время каждый, не довѣряя даже избранникамъ, пусть зорко стоитъ на стражѣ своихъ и общественныхъ интересовъ.

Я кончилъ. Предлагаемый планъ нуждается въ поправкахъ, въ разработкѣ, въ пополненіи, въ отдѣлкѣ.

Если ты, читатель рабочій, крестьянинъ, или жаждущій труда и правды на землѣ интеллигентъ, увидишь недочеты, то не покидай мысли о необходимости соціальнаго переворота и трудовой республики.

Въ недочетахъ виноватъ я, составившій эту книжку. Ты же приложи свой умъ и знанія для того, чтобы внести поправки и пополненія.

Совмѣстная работа всего нашего поколѣнія борцовъ и мыслителей соціалистовъ—должна заложить основы времірнаго освобожденія,

Россійскую Трудовую Республику, а можетъ быть одновременно съ нашей и Всемірную трудовую республику.

Ник. Ив—чъ.

О „Полемикѣ“ противъ максималистовъ.

Безпредѣльными страданіями обездоленныхъ всего міра жертвами всѣхъ своихъ борцовъ и мучениковъ и трудами великановъ всемірной соціалистической мысли зажглося наше соціалистическое ученіе и свѣтъ его не погасить ни грязью клеветы и лжи, кидаемой въ насъ подлой буржуазіей, ни черному покрывалу, сотканному изъ лже-научныхъ построеній и грубыхъ издѣвательствъ половинчатыхъ соціалистовъ.

Пусть Мэри *) и сотни писакъ изъ буржуазныхъ листковъ и изданій твердятъ о томъ, что максимализмъ это—„руки вверхъ“, это дуванъ награбленнаго, это маска шайки грабителей, жаждущихъ роскоши и разгула; но спокойной поступью идетъ Володя Мазуринъ на эшафотъ, и грязь кидаемая въ него падаетъ и покрываетъ собою кидающихъ. „Руки прочь“, говоритъ палачу „Соколовъ-Медвѣдь“, и эти слова относятся ко всѣмъ палачамъ и клеветникамъ. Клевета не коснется людей, которые геройской смертью предъ лицомъ всего міра закончили славную жизнь борцовъ за народное освобожденіе—жизнь въ подпольи полную лишеній и страданій.

Пусть наши товарищи минималисты въ цѣляхъ агитаціи противъ максимализма, подхватившіе чужую пѣсенку о томъ, что капиталисты еще нужны въ производствѣ, что соціализмъ не дай Богъ какая

---

*) Рядъ статей „о максималистахъ“ въ Петербургскомъ листкѣ.

сложная вещь*), пусть эти половинчатые соціалисты, признающіе все таки возможность у насъ въ странѣ земледѣлія и природныхъ богатствъ экспропріаціи въ общетсвенное владѣніе всей земли и ея нѣдръ называютъ насъ демагогами, вульгарными соціалистами и хихикая, издѣваются надъ каждою пропущенной запятой, надъ каждымъ неудачнымъ выраженіемъ авторовъ максималистовъ—непоколебленными остались всѣ основныя положенія выставленныя и обоснованныя нами.

Никакія демократическія республики при сохраненіи частной собственности на средства и орудія производства не освободятъ трудящихся отъ эксплоатаціи, не сдѣлаютъ человѣчество способнымъ къ осуществленію великихъ идеаловъ, требующихъ взаимнаго довѣрія и любви между людьми.**)

Въ великой революціи (а только великая революція можетъ избавить отъ монархіи) у насъ будутъ на лицо всѣ экономическія и психологическія предпосылки, обусловливающія возможность соціальной революціи ***).

Русскіе рабочіе, въ крупномъ и среднемъ производствѣ представляютъ у насъ въ городахъ внушительную силу ****).

Русскіе рабочіе безоружные предъ лицомъ самодержавнаго правительства и буржуазіи выставившіе требованіе несовмѣстимаго съ господствомъ *право человѣка на трудъ* во время революціи, когда кризисъ пріостановитъ производство когда пролетаріатъ, будетъ вооруженъ когда вся западно-европейская жизнь и соціалистическая наука укажутъ ему единственный для него исходъ—не дадутъ себя обмануть жалкими

---

*) См. В. Черновъ „Вульгарный соціализмъ" Мысль N

**) Свѣтловъ „Задачи Грядущаго" стр. 11—14, Современная борьба стр. 1—4.

***) Свѣтловъ ів, стр. 15—33 Энгельгардъ М., Задачи Момента, Таг-инъ. „Принципы трудовой теоріи" стр,

****) Свѣтловъ тамъ-же стр. 19—21, стр, 19—32

общественными работами; и не лженаучнымъ теоріямъ ихъ удержать отъ захвата фабрикъ и заводовъ, въ значительномъ числѣ покинутыхъ трусливыми хозяевами.

Мелкіе собственники, городовъ, разоренные безработицей бѣднаго населенія, которому отпускали въ долгъ и неминуемымъ крахомъ земельныхъ и другихъ банковъ*), гдѣ находились ихъ жалкія сбереженія во время революціи, поддержатъ ту силу, которая, не посягая на мелкую собственность, обезпечитъ ихъ кусокъ хлѣба.

Трудовое крестьянство, выдвигающее и вынужденное выдвинуть (этого только одни ослѣпленные книжной теоріей могутъ не видѣть) требованіе: земля трудящимся—трудовое крестьянство**) чувствующее гнетъ хищныхъ посредниковъ не менѣе чѣмъ гнетъ помѣщика или урядника, поддержитъ конечно пролетаріатъ, когда онъ заявитъ: земля, фабрики, заводы всему трудящимуся народу, обмѣнъ продуктовъ въ руки правильно избраннаго земства.

Для уничтоженія рыцарства капитала (экспропріація экспропріаторовъ) требуется ненависть къ барскому гнету и сила. Эта ненависть имѣется въ избыткѣ и возрастетъ съ революціэй въ трудовыхъ слояхъ.

Сила трудового народа несомнѣнна въ побѣдоносной революціи.

Для установленія и сохраненія трудовой республики требуется, чтобы народъ былъ подготовленъ къ избранію представителей, могущихъ не хуже наслѣдственныхъ паразитовъ справиться съ производствомъ. ***)

Эту зрѣлость народа долженъ признать каждый убѣжденный республиканецъ.

---

*) Свѣтловъ ів, стр. 22—29.
**) Современнная борьба.
***) Современная борьба.

Въ случаѣ иностраннаго вмѣшательства-трудова республика, имѣя могучаго союзника въ лицѣ проле таріата всего міра, непобѣдима [1]). Отказъ отъ захва власти и капиталистической собственности въ гор дахъ можетъ повредить осуществленію полностью программы минимумъ [2]) соціалистическихъ партій,

Если интересы эксплоатируемыхъ однородны, т интересы эксплоататоровъ предъ лицомъ возставша народа также одинаковы; и если нападаютъ на при ципъ частной собственности въ одной области, т было бы безуміемъ отступать предъ буржуазіей в другой и дать ей возможность воспользоваться св ей силой (единственная ея сила-капиталъ), чтоб устроить грандіозную провокацію могущую лиши трудовой народъ плодовъ его нобѣдъ.

Вотъ положенія выставленныя и обоснованны максималистами, и по существу люди, носящіе сла ную кличку соціалистовъ-революціонеровъ, на ничего не возражаютъ или ограничиваются голо ломными утвержденіями противъ нашихъ конечны выводовъ. Это не мѣшаетъ полемическимъ статья минималистовъ быть довольно объемистыми.

Всѣ противники максималистовъ стараются ув рить читателей, что они тоже хотятъ соціализма какъ будто кто-нибудь изъ максималистовъ выразил въ этомъ сомнѣніе. Всѣ расхваливаютъ красоту пр граммы минимумъ [4]), какъ будто максималисты ос риваютъ полезность для рабочихъ выполненія тре ваній, помѣщенныхъ въ программѣ минимумъ.

Самъ Черновъ приводитъ лозунгъ выставленн

---

[1]) Современная борьба.

[2]) Прямо къ цѣли, см. „Пролетаріатъ и программа-минимум

[3]) В. Вадимовъ „О максималистахъ", стр. , А. Руди стр. 1.

[4]) В. Черновъ, Программа макс. и пр. мин. Мысль Н. В. В димовъ, стр. , В. Черновъ. Сознательная Россія, стр. , А. Р динъ, стр. 17.

однимъ изъ насъ въ революціонное время *): восьмичасовой рабочій день и 1 рубль минимальной заработной платы, Всѣ авторы минималисты отлично знаютъ, что мы боролись и будемъ бороться за 8-часовой рабочій день, за повышеніе заработной платы и пр. Но вопросъ, который мы ставимъ: Это съ какой программой выступать рабочему классу въ революціи, и минималисты обязаны обосновать и серьезно обосновать необходимость урѣзыванія, необходимость отказаться отъ нашей главной цѣли. Всѣ эти господа Рудины и Вадимовы, наточившіе свои полемическія булавки, въ борьбѣ съ соціал-демократами, упрекаютъ насъ. Но наша программа максимумъ не есть программа максимумъ, **) не смотря на наше категорическое заявленіе, что мы сами считаемъ нашу программу максимальной, только въ классовой борьбѣ (экспропріація экспропріаторовъ уничтоженіе частной капиталистической собственности) только исходной точкой къ нашему великому идеалу.

Назовите нашу программу какъ хотите, но отъ ученыхъ господъ, негодующихъ по поводу выступленій вульгарныхъ и невѣжественныхъ соціалистовъ, мы вправѣ ожидать болѣе серьезности въ вопросѣ съ какими требованіями долженъ идти трудовой народъ въ революціи.

Вы заявляете, что откладываете выступленіе съ программой максимумъ до времени, когда реальное соотношеніе силъ позволитъ ее осуществить, но всѣ эти фразы, простите, пустая болтовня, такъ какъ никто, конечно не мыслитъ осуществить то, чего реальное соотношеніе силъ не позволитъ.

---

*) Выдумавъ для нашего пользованія формулу „Все или ничего" и выступивъ въ горячій и побѣдоносной споръ съ этой несуществующей формулой, Черновъ приводитъ этотъ лозунгъ, какъ противорѣчіе самимъ себѣ въ рядихъ максималистовъ.

**) В. Вадимовъ „Сознательная Россія" N. стр. , А. Рудинъ, О „Максимализмѣ" — Коллективный сборникъ статей, стр. 13—14.

Вы выступаете противъ лозунга трудовая (соціальная) республика и въ тоже время твердите, что ничего не урѣзывается, кромѣ недостижимаго въ предстоящей революціи; а потому вы обязаны точно указать, что вы считаете осуществимыми, а что нѣтъ.

Трудовой народъ по вашему готовъ къ осуществленію программы минимумъ полностью? Къ демократизаціи и децентрализаціи управленія страной, къ соціализаціи земли, національзаціи природныхъ богатствъ? У него есть матеріальныя силы для завоеванія и интеллектуальныя, чтобы удержать заводы на Уралѣ, городскія предпріятія и проч. *)?

Значитъ по вашему общественное, народное самоуправленіе не съумѣетъ справиться съ желѣзодѣлательнымъ производствомъ, съ мануфактурой, съ посреднической дѣятельностью? Укажите предѣлъ въ экспропріаціи капиталистическихъ препріятій, котораго за время революціи не перейдешь ни въ коемъ случаѣ. А если вы такого предѣла не можете указать, то вы тоже „максималисты“ но вашъ максимализмъ—максимализмъ слѣпцовъ: увѣряя рабочихъ въ томъ, что они не съумѣютъ устроиться съ общественнымъ производствомъ, ослабляя въ нихъ соціалистическое сознаніе и энергію въ борьбѣ съ буржуазіей, вы въ тоже время признаете возможность **) у насъ полной соціальной революціи.

Иль можетъ быть, когда мы доказываемъ неосуществимость программы минимумъ за время революціи и долго, долго послѣ нея, если рабочіе городовъ не захватятъ власти и капиталистической собственности (въ этомъ случаѣ они осуществляютъ программу максимумъ) мы ломимся въ открытую дверь, можетъ быть вы даже не *надѣетесь* провести минимальную программу полностью, но тогда заявите объ этомъ.

---

*) А. Рудинъ, Ib. стр. 29.

**) Хотя бы и потому что наша революція можетъ послужить сигналомъ къ всемірной соціальной революціи, какъ это предвидѣлъ Марксъ и проч. теоретики соціализма.

Укажите тѣмъ, которыхъ вы зовете на баррикады, предѣлъ ихъ завоеваній и тогда легко будетъ измѣрить насколько широка та пропасть, которая по мнѣнію Вадимова [1]) отдѣляетъ минималистовъ отъ насъ. А всѣ ваши изысканія въ области нашей родословной: происходимъ ли мы отъ аграрныхъ террористовъ [2]) или же отъ анархистовъ [3]), находимся ли мы въ законной связи съ экспропріаторами [4]), всѣ голословны утвержденія—капитализмъ недоразвился, нѣтъ экономическихъ и психологическихъ предпосылокъ,—всѣ ваши придирки къ словамъ и всѣ полемическія выходки насъ задѣть не могутъ.

Однако многіе ваши упреки основательны.

Застигнутые врасплохъ самоурѣзываніемъ минималистовъ, видя какъ ученые ученики Чернышевскаго, Лаврова, Михайловскаго отреклись отъ ученія своихъ учителей, далекихъ въ своей теоріи отъ всякой половинчатости, отъ всякаго самоурѣзыванія, мы рядовые работники, замѣтивъ пропасть раскрывшуюся передъ пролетаріатомъ, обязаны были предупредить. Мы это сдѣлали какъ умѣли. Въ виду уже начавшихся схватокъ между народомъ и правительствомъ, работа наша стала спѣшной.

Здѣсь было не до запятой, здѣсь было не до тщательной отдѣлки выраженій.

Въ нашихъ произведеніяхъ много описокъ, много выраженій не вполнѣ соотвѣтствующихъ нашей мысли, много недосказаннаго, чѣмъ недобросовѣстный противникъ можетъ воспользоваться и высмѣять насъ.

Но пусть наши противники не торжествуютъ.

---

[1]) В. Вадимовъ. „О максималистахъ" стр.

[2]) А. Рудинъ. стр. 1-3,

[3]) В. Черновъ. утверждая, что максимализмъ есть недоразвившійся анархизмъ направляетъ доводы, выставляемые обыкновенно соціалистами противъ анархистовъ, уже прямо противъ максималистовъ.

[4]) А. Рудинъ примѣчаніе къ стр. 3.

Описки и неточныя выраженія будутъ исправлены а жизнь доскажетъ недосказанное. *).

---

*) Рекомендую всѣмъ интересующимся вопросомъ о максимализмѣ внимательно прочесть брошюрку Свѣтлова „Задачи Грядущаго", Появилась она въ видѣ журнальной статьи въ „Освободительномъ Движеніи" вслѣдъ за статьями Александровича (М. Энгельгардта) въ Журналѣ для всѣхъ „Задачи момента". Велико было наше удивленіе, когда, вмѣсто возраженія противъ положеній выставленныхъ въ этихъ статьяхъ, В. Черновъ посвятилъ два тяжеловѣсныхъ фельетона существующему взгляду *„все или ничего"* Затѣмъ появился сборничекъ агитаціонныхъ статей „Прямо къ цѣли" въ 16 страницъ, изъ нихъ максимализму посвящено болѣе 8; и вотъ умалчивая о характерѣ этого изданія В. Черновъ обрушился на него фельетономъ „Вульгарный Соціализмъ". Весь свой блестящій талантъ полемиста употребилъ на то, чтобы исказивъ смыслъ сказаннаго, даже путемъ невѣрныхъ цитатъ (объ этомъ мы въ свое время послали въ редакцію „Мысли" письмо, тамъ понятно не напечатанное) пользуясь недоговореннымъ (а недоговореннаго было очень много) высмѣять наше теченіе. Затѣмъ появились „Принципы трудовой теоріи" Тагина, гдѣ съ глубоко продуманнымъ обоснованіемъ субъективистко—соціалистическаго міровоззрѣнія находится нѣсколько спѣшно написанныхъ страницъ, которыхъ авторъ (объ этомъ оговоренно въ предисловіи) по уважительнымъ причинамъ не могъ тщательно отдѣлять, посвященныхъ максимализму.

Противъ Тагина и листовки „Прямо къ цѣли" направились громы и молніи товарищей минималистовъ (О „задачахъ грядущаго" Свѣтлова, О „Задачахъ момента" Энгельгардта, О „Современной борьбѣ"—молчокъ. Любопытна статья В. Чернова въ Сознательной Россіи 4, гдѣ авторъ прибѣгнулъ къ такому ловкому полемическому пріему—Максималисты—копія съ анархистовъ, а потому я буду разбивать анархистовъ. И статья Рудина въ „Коллективистѣ", гдѣ споръ о задачахъ предстоящей революціи настолько же затемненъ, насколько велико богатство полемическими перлами, доходящая до непристойности.

Вывести изъ тупика на настоящую дорогу споръ о задачахъ Россійской революціи—такова цѣль моей вышепомѣщенной статьи.

Прямо къ цѣли.

Намъ мщенье и голодъ
Сковали тотъ молотъ,
Которымъ тирановъ дробимъ!
Не кроткой любовью,
А жертвами, кровью.
Мы каждый свой шагъ закрѣпимъ!
Надъ смертью смѣемся,
И къ цѣли мы рвемся,
А цѣль наша--царство труда!
И жатва ужъ спѣетъ,
Бурлитъ, пламенѣетъ
Въ горнилѣ кровавомъ руды.
Чѣмъ злѣе расправа,
Тѣмъ больше отравы
Накопится въ сердцѣ рабовъ..,
И лопнетъ терпѣнье,
И выростетъ мщенье
Изъ крови погибшихъ борцовъ.
Не мирныя стачки
Для жалкой подачки,
Борьбу мы одну признаемъ!
И землю и волю,
И полную долю,
И фабрики съ бою возьмемъ!
Тираны—вампиры,
Права—ихъ кумиры,
А собственность главный ихъ богъ!
Погибнутъ безслѣдно

Въ день битвы побѣдной,
Падетъ когда царскій чертогъ.
Довольно терпѣли,
Идемъ прямо къ цѣли,
Пусть ненависть въ сердцѣ кипитъ;
Вѣдь лишенье и голодъ
Сковали тотъ молотъ,
Который тирановъ дробитъ.

А. Л.

Революціонная фразеологія и ея представители.

Глава I,

Германія.

Диктатура пролетаріата — говорилъ Черновъ на 1-мъ съѣздѣ русскихъ с.-р — овъ — выцвѣла и полиняла у современныхъ соц.-д—овъ. Въ ихъ рукахъ она превратилась въ булаву—швейцара—это весьма невинное украшеніе; несмотря на унаслѣдованный отъ невозвратнаго прошлаго грозный видъ. Такимъ же невиннымъ украшеніемъ служитъ у нихъ большинство формулъ, заимствованныхъ имъ у революціоннаго марксизма 1848 года. Эта характеристика, примѣнимость которой къ самимъ с.-р—амъ мы разсмотримъ ниже, нуждается однако въ нѣкоторой поправкѣ. Въ тогу революціонной фразеологіи драпируются лишь старики изъ современныхъ соц.-дем. Революціонная фраза, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе тускнѣющая, — это послѣдняя дань ихъ грѣхамъ своей юности, живымъ связямъ съ старыми революціонерами. Молодые, выражающіе фактическое состояніе и тенденціи партіи, — уже не тѣ. Грубо-нетактичные къ учителямъ они бравируютъ свой умѣренностью и аккуратностью. За вычетомъ этой оговорки характеристика Чернова — въ общемъ вѣрна. Задача дальнѣйшаго—иллюстрировать ее изложеніемъ „революціонной“ тактики двухъ корифеевъ соц.-дем—тіи — Энгельса и Каутскаго...

Ихъ произведеніями за послѣднее время наводненъ русскій книжный рынокъ; на нихъ русскіе „ученики“ усиленно стремятся воспитать рабочій классъ. Тѣмъ важнѣе

разсмотрѣть доброкачественность этого матеріала. Основной вопросъ въ данномъ случаѣ можно поставить такъ. легальны или нелегальны соц.-д — ты? Если они дѣйствуютъ въ рамкахъ буржуазнаго права законными средствами, то они мирные соціалисты, такъ какъ государство одно лишь служитъ сейчасъ монополистомъ насильственнаго принужденія. Если они легальны и мирны—то они эволюціонны; такъ какъ легальное и мирное движеніе—всегда постепеновщина... Мирная и легальная тактика, тактика постепеновцевъ—называется тактикой либераловъ. Напротивъ революціонеръ будетъ тотъ, кто борется за свои цѣли вопреки праву незаконными средствами, насильственными пріемами... Какую же тактику рекомендуютъ соц.-д—ты? и прежде всего въ борьбѣ за соціалистическій строй? Этимъ вопросомъ подробно занимается старикъ Энгельсъ въ своемъ предисловіи къ брошюрѣ Маркса: „Революція и контръ-революція въ Германіи". Все это предисловіе, не смотря на отчаянныя замалчиванія этого Плехановымъ (предисловіе къ коммунистическому манифесту Маркса) есть отходная революціонной тактикѣ и открытая проповѣдь легальнаго и мирнаго парламентарнаго соціализма. Вспоминая, какъ они Марксъ, твердо вѣрили въ 1848 году, что они присутствуютъ при началѣ соціальной революціи, Энгельсъ пишетъ; „исторія однако показала, что нашъ тогдашній взглядъ былъ иллюзіей. Она пошла еще дальше, она не только разрушила наше тогдашнее заблужденіе, но въ корень измѣнила и условія борьбы пролетаріата. Способъ борьбы 1848 года теперь во всѣхъ отношеніяхъ устарѣлъ" (412).

На мѣсто вооруженныхъ возстаній и вообще революціонной тактики теперь выдвигается избирательное право и „центръ тяжести европейскаго рабочаго движенія переносится изъ Франціи въ Германію" (418). Заслуга нѣмецкихъ рабочихъ состоитъ между прочимъ въ томъ, что они показали своимъ товорищамъ всѣхъ странъ новое и притомъ одно изъ самыхъ острыхъ оружій—дали примѣръ, какъ надо пользоваться избирательнымъ правомъ" (419)

„Германскіе рабочіе, выражаясь словами французской марксистской программы, преобразовали избирательное право“ *„де моаен де дю перикъ, ки а этэ жюск иси эн энструмантъ демансипативъ“*—изъ средства обмана, чѣмъ оно было до сихъ поръ, въ орудіе освобожденія (420 курсивъ А. Б.). Постояннымъ увеличеніемъ числа избирательныхъ бюллетеней и количества соціалистическихъ депутатовъ можно въ концѣ концовъ совершенно измѣнить смыслъ парламента, какъ политической формы господства буржуазіи. „Оказалось,“ продолжаетъ Энгельсъ, „что государственныя учрежденія, въ которыхъ организуется господство буржуазіи, тоже могутъ послужить орудіемъ для борьбы рабочаго класса противъ этихъ *самыхъ учрежденій.* Правительство и буржуазія стали страшиться легальныхъ дѣйствій рабочей партіи гораздо больше, чѣмъ нелегальныхъ и результатовъ выборовъ гораздо больше, чѣмъ результатовъ возстанія (421). А возстанія стараго тона, уличная борьба съ баррикадами... теперь значительно устарѣли (421—422). Уже въ 1849 г. шансы возстанія были довольно таки плохи (423). Но съ этого времени еще многое сильно измѣнилось и все въ пользу войска (424) и невыгодъ инсургентовъ. При такихъ условіяхъ прямо преступно звать рабочій классъ на вооруженную борьбу. Вѣрный и надежный путь: „медленная работа пропаганды и парламентарная дѣятельность“. Она быстро, чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаетъ соціалистовъ господами общества. Уже теперь мы (германскіе соціалисты) можемъ расчитывать на $2^1/_4$ милл., избирателей. Если это продолжится такъ и дальше, то къ концу столѣтія на нашей сторонѣ будетъ большая часть среднихъ слоевъ общества—мелкіе буржуа какъ и мелкіе крестьяне, и мы выростемъ въ рѣшающую силу страны, силу, предъ которой должны будутъ склониться другія силы, хотятъ они этого или нѣтъ“ (428). Эта восхитительная перспектива наводитъ его на слѣдующія маниловскія размышленія въ духѣ „діалектическаго“ метода: „иронія всемірной исторіи все ставитъ на голову. Мы „революціонеры“ „разрушители“ — мы несравненно

болѣе преуспѣваемъ, пользуясь легальными средствами, чѣмъ при нелегальныхъ средствахъ, непосредственно направленныхъ къ перевороту. Партіи порядка, какъ они сами себя именуютъ, погибаютъ отъ ими самими созданнаго легальнаго положенія. Въ отчаяніи они кричатъ вмѣстѣ съ Одилономъ Барро: *„ла легалите ну тю“*. Законность насъ убиваетъ. Между тѣмъ мы при этой законности пріобрѣтаемъ крѣпкіе мускулы и румяныя щеки и выглядимъ какъ вѣчная жизнь“ (428).

Предъ нами законченный типъ соціалиста-либерала... Трудно представить себѣ болѣе выпуклую ребячески наивную апологію легальнаго парламентаризма... Правда самъ Энгельсъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ сочиненій оговаривается, что онъ хватилъ здѣсь черезъ край въ угоду соц.-д—кимъ парламентаріямъ—дабы они могли своей умѣренностью и легальностью заполучить себѣ пужливыхъ избирателей. Однако развитая выше точка зрѣнія настолько подробно и серьезно излагается Энгельсомъ, что мы скорѣе его позднѣйшую оговорку должны отнести насчетъ совершенно безплодныхъ воспоминаній своей молодости или какой-нибудь новой „дипломатіи“... Критиковать этотъ взглядъ совершенно излишне: такъ онъ ребячески-наивенъ въ своемъ жалкомъ парламентскомъ кретинизмѣ.

Перейдемъ теперь къ Каутскому. Онъ никогда не договаривается до такихъ откровенностей, какъ это мы видѣли съ Энгельсомъ... Напротивъ свѣжій читатель долженъ безчисленное количество распутаться при чтеніи Каутскаго и лишь съ великимъ трудомъ докопаться въ концѣ концовъ до умѣреннаго и аккуратнаго содержанія. Каутскій—величайшій виртуозъ революціонной фразеологіи... Такія напримѣръ выраженія, какъ избирательная „кампанія“ вмѣсто избирательной агитаціи, „рѣшительная битва“ вмѣсто перебаллотировки или еще чего-нибудь въ этомъ родѣ—вполнѣ невинныя и въ то же время какъ бы грозныя—отмѣчены истиннымъ духомъ Каутскаго.

Путаница невыразимая начинается у Каутскаго уже

съ самаго понятія „революція“... „Реформы и революція“, „На другой день послѣ соціальной революціи“,- —гдѣ онъ ведетъ шумные дебаты и заканчиваетъ по всѣмъ правиламъ „нереволюціонеровъ“—реформистовъ,—громко именуя свою партію „революціонной“ „непримиримой„ и т. д.—Все это сразу же ставитъ читателя на ложный путь... Онъ сдѣлаетъ крупный шагъ, если усвоитъ, что современные соц.-д—ты терминъ революція понимаютъ не въ *тактическомъ*, а въ програмномъ смыслѣ. Это революціонеры—принциповъ. Буржуазный строй зиждется на опредѣленныхъ основахъ, антиподомъ которыхъ является соціализмъ. Если онъ включенъ въ вашу программу, то вы революціонеръ ,по принципу и пріобрѣтаете право безконечно проституировать „революціей“ склоняя и спрягая и т. д. ее на всякіе лады. Весьма понятно конечно, что вы отъ этого не перестаете быть либераломъ. Въ резолюціи Каутскаго, предложенной Дрезденскому Партейтагу, мы читаемъ: „Партейтагъ отвергаетъ самымъ энергичнымъ образомъ ревизіонистскія попытки. Слѣдствіемъ ревизіонистской тактики было бы превращеніе партіи, которая ставитъ своею цѣлью возможно скорѣйшее преобразованіе буржуазнаго общества въ соціалистическое—партіи *въ силу этого* революціонной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, въ партію, довольствующуюся реформированіемъ бурж. общества (18). Партейтагъ, а вслѣдъ за нимъ весь международный *парламентарный* соціализмъ, такъ какъ резолюція Дрездена принята на Амстердамскомъ конгрессѣ 1904 г., знаетъ такимъ образомъ лишь революцію принципа, программы. Имя революція для него понятна только какъ революція въ дурномъ, худшемъ смыслѣ этого слова...

По буквальному тексту конгресса выходитъ также и то, что всѣ ревизіонисты, какъ бы это ни было ужасно для русскихъ соц.-дем., при помощи ревизіонизма, прикрывающихъ свое революціонное убожество—тоже *революціонны*... Именно потому, что они ставятъ своей задачей преобразованіе буржуазнаго строя въ соціалистическій, они тоже революціонеры въ лучшемъ смыслѣ

этого слова. Вопреки обычному вранью и невѣжеству ни Бернштейнъ, ни Герцъ, ни даже—*хоррибиле-дикту*—Зомбартъ никогда не отказывались отъ соціалистической программы. Это вполнѣ признается за ними, какъ мы видѣли и конгрессомъ и нѣмецкими православными, напримѣръ, Каутскимъ. Разница тутъ въ тактикѣ: въ послѣдствіяхъ ревизіонистскаго образа дѣйствія. Ревизіонисты думаютъ, что ихъ пріемы вѣрнѣе ведутъ къ соціализму,—а православные отстаиваютъ свое. Различеніе этихъ пріемовъ—двухъ теченій, прекрасно уживающихся между собой,—дастъ намъ новое понятіе „революціи“ и придвинетъ, дальше въ сущность „революціонной тактики“, самой революціонной партіи въ мірѣ. „Можно быть, говоритъ Каутскій, соціалистомъ, т. е. стоять за соціальную революцію въ мирномъ смыслѣ этого слова, но быть въ то же время соціалъ-реформаторомъ, т. е. стремиться достигнуть того — реформами, а не революціей (6). Этимъ санкціонируется первое пониманіе „революціи“ и намѣчается второе. Оказывается, что соціальной революціи можно достигнуть—реформами. Мозгъ читателя начинаетъ себя чувствовать нѣсколько неладно отъ этого сочетанія. Съ другой стороны ему пріятно сознаніе, что не всѣ же думаютъ достигнуть соціальную революцію реформами есть и „революціонные“ „соціалисты-революціонеры“... „Между реформами и революціями—разъясняетъ Каутскій—лежитъ въ качествѣ демаркаціонной черты идея завоеванія политической власти новымъ классомъ. Если буржуазія, какъ классъ проводитъ соціализмъ, то это реформы; если же пролетаріатъ, захватитъ власть, то это революція“ (7). „Революціонеръ всякій, кто стремится къ тому, чтобы *новый классъ* завоевавъ себѣ государственную власть. Соціалъ-реформистъ тотъ, кто останавливается на владѣніи старымъ классомъ государственной власти и на основѣ этого думаетъ достигнуть своихъ цѣлей“ (8). Предъ нами понятіе соціальной революціи въ *узкомъ* смыслѣ этого слова. Существенный признакъ здѣсь—„завоеваніе государственной власти пролетаріатомъ“ — по-

литическая революція. Какъ предварительное условіе введенія соціализма, читатель, конечно, долженъ напречься, чтобы представить себѣ буржуазію, уничтожающей самою себя и вводящей соціализмъ. Эти соціалъреформаторы—дѣйствительно оригинальные люди. Каутскій рѣзко отъ нихъ отстраняется... Онъ за предварительную „политическую революцію“ пролетаріата. Политическая революція—это, какъ успокоительно объясняетъ намъ Каутскій, означаетъ переходъ государственной власти въ руки новаго класса, въ данномъ случаѣ пролетаріата. Ни больше, ни меньше. Какими способами пролетаріатъ „завоюетъ“ государственную власть, этимъ еще ничего не говорится, и читатель не долженъ впадать въ заблужденіе по поводу словечка „завоюетъ“. Завоеванія, какъ извѣстно, бываютъ и мирныя. Слѣдовательно политическая революція точно также, какъ соціальная, какъ и соціализмъ вполнѣ могутъ быть либеральными, мирными и легальными... опредѣлить цвѣтъ Каутскаго, кто онъ либералъ или революціонеръ въ своей тактикѣ, читатель можетъ, однако, далеко не сразу. Онъ долженъ присутствовать при безпощадной войнѣ, которую ведетъ на шести съ половиной десяткахъ страницъ Каутскій, стремясь—доказать, что буржуазія не уничтожитъ саму себя и не возьметъ на себя роль опытныхъ и благожелательныхъ архитекторовъ и строителей соціалистическаго зданія въ подарокъ нѣжно любимому пролетаріату... Битва, конечно, идетъ со всѣмъ словеснымъ жаромъ. Но вотъ на 73 страницѣ читатель замѣчаетъ заглавіе? „Формы и оружіе соціальной революціи“. Наконецъ-то. И главное „оружіе“. Безспорно, лидеръ соціалдемократіи развернетъ здѣсь въ этомъ спеціальномъ отдѣлѣ во весь ростъ свою революціонную физіономію. И о ужасъ! Каутскій кокетничаетъ, секретничаетъ и даже доводитъ любопытнаго читателя до отчаянія. Каковы будутъ формы борьбы между господствующимъ классомъ и пролетаріатомъ? — „Дать опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы —трудно“ (75--76), отвѣчаетъ великій дипломатъ, подготавливая читателя къ переходу отъ „оружія“

къ мирному и легальному либерализму. „Величайшая ошибка, въ которую часто впадаютъ революціонеры и ихъ противники—это представлять себѣ грядущую революцію по образцу прежнихъ революцій; нѣтъ ничего легче, какъ показать, что такого рода революціи уже невозможны“ (77). „Теперь“, аргументируетъ Каутскій „не только сила эксплоатируемыхъ классовъ, но и силы эксплоатирующихъ значительнѣе, чѣмъ при абсолютизмѣ: они пользуются находящимися въ ихъ распоряженія средствами борьбы болѣе свирѣпо и болѣе безпощадно, нежели само правительство (соціалдемократическая зубатовщина, А. В), которое стоитъ уже теперь не надъ ними, а подъ ними“ (78). „Мы не имѣемъ никакихъ оснований предполагать,“ продолжаетъ Каутскій съ игривостью и деликатностью парламентарія„ что, *вооруженное возстаніе* (курсивъ его), битвы на баррикадахъ и т. п. военные эпизоды (какъ мило А, В) могли еще теперь играть рѣшающую роль—доказательства этого положенія приводились такъ часто, что мнѣ нѣтъ надобности еще останавливаться на нихъ“ (79). И такъ значитъ революціонная тактика въ ея высшихъ формахъ ни болѣе ни менѣе какъ устарѣвшіе „военные эпизоды“, мѣсто которыхъ не въ жизни, а въ архивѣ исторіи и воспоминаніи поколѣній... Такъ. Но можетъ быть, на манеръ—кадетовъ, пассивнымъ сопротивленіемъ можно взять цитадели буржуазнаго государства, напримѣръ, причиняя ему финансовыя затрудненія? И этого нѣтъ. „Столь же мало, какъ и отъ вооруженныхъ возстаній, можемъ мы ожидать крушенія существующаго строя и отъ *финансовыхъ затрудненій* (курсивъ Каутскаго) (79). И это вполнѣ понятно: буржуазія грабитъ и она же правитъ. Не станетъ же своимъ слугамъ она отказывать въ содержаніи?“ Какія же еще есть средства борьбы за государственную власть? „У пролетаріата есть стачка“. Но при словѣ стачка предъ испуганнымъ взоромъ Каутскаго встаютъ ужасныя фигуры анархистовъ и французскихъ синдикалистовъ, т. е. собственно носителей революціонной мысли и носителей и революціоннаго дѣла. Отъ стачки и спе-

ціально всеобщей одинъ шагъ къ вооруженному возстанію. При чемъ же тогда парламентаріи? И, наконецъ, въ такіе моменты на мѣсто власти фразы выступаетъ какъ извѣстно власть безъ всякой фразы... Каутскій, конечно, отъ всей души отвергаетъ соціальную стачку; онъ признаетъ одну лишь политическую, въ *поддержку* парламенту. Стачка при этомъ должна быть мирная, легальная, „со скрещенными руками". Всеобщая стачка поможетъ парламенту. Она усилитъ и дополнитъ его, но никакъ не можетъ замѣнить его, какъ думаютъ анархисты и французскіе синдикалисты (8): А если стачка не поможетъ? Вѣдь на чемъ основывается значеніе стачки? На экономическомъ и соціальномъ давленіи. „Пролетаріату нечего противопоставить денежной мощи капитала и штыкамъ военнаго государства, кромѣ своей необходимости для производства и своихъ организацій" (168). Пролетаріатъ, конечно, необходимъ для буржуазіи, но буржуазія, какъ думаетъ Каутскій — необходима или нѣтъ для пролетаріата. Кажется, что мирные и легальные пролетаріи едва ли въ моментъ всеобщей стачки перестанутъ хотѣть ѣсть и врядъ ли доставятъ имъ хлѣбъ своими языками жалкіе парламентаріи... Врядъ ли можно сомнѣваться, кто будетъ въ комъ скорѣе нуждаться— буржуазія, которая, все ставитъ на карту, въ пролетаріатѣ, или же голодный пролетаріатъ въ буржуазіи Арсеналъ „оружія" Каутскаго собственно весь нами исчерпанъ Однако, онъ и самъ чувствуетъ его недостаточнымъ. Шутка ли въ самомъ дѣлѣ. Десятки лѣтъ утверждалъ, что соціализмъ наступитъ съ неизбѣжностью закона природы, а почему—достаточныхъ основаній не оказалось. Поневолѣ пустишься въ разныя сомнительнаго качества туманныя разглагольствованія. Такимъ убѣжищемъ является для Каутскаго возможность войны. „Средствомъ, способомъ ускорить политическое развитіе страны и передать политическую властѣ въ руки пролетаріата можетъ быть и война" (87). Вотъ истинное— авось. „Можетъ быть и война". Однако, спѣшитъ предупредить по его мнѣнію возможное недоразумѣніе — „это

отнюдь не значитъ, что я желаю войны“ (87) и это значитъ средство не выгорѣло. Кто его тамъ знаетъ, какъ обернется? Можетъ быть кровопусканіе-то и не послужитъ на пользу пролетаріату. А потомъ и самая-то война все равно, что „либо дождикъ, либо снѣгъ, либо будетъ, либо нѣтъ“. Каутскій переминается съ ноги на ногу и въ концѣ концовъ рѣшаетъ: „Средства борьбы внѣ нашихъ желаній“. Намъ важно лишь вытравить въ рабочемъ классѣ революціонный духъ превратить его въ филистера, а тамъ посмотримъ, какъ-нибудь сдѣлаемся... Можно, напримѣръ, устроить соглашеньице съ буржуазіей, попросивъ ее продать себя по хорошей цѣнѣ, такъ чтобы хватило на долго потомъ, когда мы будемъ устраивать соціалистическій строй. Во всякомъ случаѣ наше желаніе поступать всегда и вездѣ мирно-легально, развѣ только насъ заставятъ по необходимости вступить на иной путь: „Если бы все зависѣло отъ нашихъ желаній, кто изъ насъ не отдалъ бы предпочтеніе мирному пути предъ насильственнымъ, который быть можетъ окажется не по плечу нашимъ силамъ, которые быть можетъ поглотитъ насъ“ (88) будущее—однимъ словомъ—темно и самое лучшее въ него не заглядывать. Важно настоящее—избирательныя кампаніи, „рѣшительныя битвы“, число депутатскихъ креселъ и т. п. Все остальное приложится само собой. Будемъ медленно пропагандировать и „мирно“ заниматься въ парламентахъ, будемъ расти непрерывно, а тамъ глядишь незамѣтно, безъ всякихъ потрясеній, тихо безшумно и въѣдемъ въ соціалистическій строй. Таковъ, читатель, второй корифей „самой революціонной“ партіи въ мірѣ... Революціонеры Запада уже достаточно ее раскусили и поняли ея вождей, выпускающихъ свои бѣлыя лапки и по спинамъ пролетаріата, взбирающихся на тепленькія общественныя мѣстечки, вродѣ мягкихъ депутатскихъ креселъ. Сознательный революціонный пролетаріатъ Запада уже давно порвалъ и каждымъ днемъ все болѣе порываетъ связь съ этими господами. Пора это сдѣлать и русскимъ рабочимъ. Пусть легальные парламентаріи спекулируютъ

на буржуазіи. Буржуазія консервативна; она нуждается въ правѣ своего буржуазнаго государства, чтобы укрощать пролетаріевъ и развращать ихъ мысль. Ей нужны для этого и парламенты. Рабочій не заинтересованъ въ этихъ ловушкахъ. Они не дадутъ ему ничего, кромѣ лишнихъ цѣпей и новыхъ господъ...

Женскіе профессіональные союзы въ Англіи.

Англія съ давнихъ поръ была классической страной профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, или трэдъ-юньоновъ.

Громадное развитіе трэдъ-юньоновъ именно въ Англіи вполнѣ понятно,

Англія первая выступила на путь промышленнаго капиталистическаго развитія; она первая примѣнила у себя паръ, какъ двигательную силу; тамъ впервые были введены тѣ тысячи тысячъ мелкихъ и крупныхъ техническихъ усовершенствованій, благодаря которымъ англійскій фабрикантъ и заводчикъ сталъ господиномъ на міровомъ рынкѣ. Въ теченіе всей первой половины XIX столѣтія Англія, можно смѣло сказать, была не только владычицей морской,—какой считается она и до сего дня,—но и царицей промышленности и торговли.

Это быстрое и побѣдоносное выступленіе крупной англійской фабрично-заводской промышленности стянуло сотни тысячъ рабочихъ на фабрики и заводы. Здѣсь, рабочіе до изнеможенія за однимъ станкомъ, подъ тактъ одного громаднаго махового колеса, сгибаясь подъ гнетомъ одного и того же господина—капитала, рабочіе скоро стали объединяться, сплачиваться въ одно цѣлое, образуя какъ бы единое рабочее тѣло, съ своей рабочей душей, съ своимъ рабочимъ сердцемъ, съ своими рабочими нуждами и интересами. Политическая свобода,—свобода слова, печати, сходокъ, союзовъ и отвѣтственность каждаго гражданина за свои поступки только лишь передъ обыкновеннымъ судомъ присяжныхъ,—все это также сильно помогло объединенію рабочаго міра.

Надо сказать, что нигдѣ въ западной Европѣ, даже и въ республиканской Франціи, общество не воспользовалось такъ широко своимъ правомъ свободы собраній и союзовъ, какъ именно здѣсь, въ Англіи. Такъ, во Франціи, хотя свобода печати и право собираться на публичные митинги и пріобрѣтены въ полномъ объемѣ, но право устраивать общества и союзы все еще очень ограничено: никакое общество состоящее больше, чѣмъ изъ двадцати человѣкъ, — за исключеніемъ коммерческихъ предпріятій и лицъ, занятыхъ однимъ и тѣмъ же ремесломъ,—не можетъ быть организовано безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ или префекта полиціи *) Иное дѣло въ Англіи. Тысяча тысячъ обществъ и союзовъ густой сѣтью покрываютъ всю страну, и сотни новыхъ вновь нарождаются каждый годъ. Цѣли этихъ обществъ такъ же разнообразны, какъ разнообразны бываютъ мысли и чувства людей. Какихъ только обществъ вы здѣсь не найдете! Вы встрѣтите здѣсь и „Общество холостяковъ", и „Общество друзей свободы угнетенныхъ народовъ", и „Общество для защиты религіи", и „Общество атеистсвъ" и т. д. и т. д.—безъ конца. Среди этихъ тысячъ обществъ, отъ разнообразія которыхъ вы положительно теряетесь, есть немало смѣшныхъ, чудаческихъ. Такъ, дамы фешенебельнаго лондонскаго общества имѣютъ свой „мышиный клубъ". Его цѣль—дать возможность познакомиться между собой любимцамъ-мышамъ, которыхъ нѣкоторыя великосвѣтскія дамы держатъ при себѣ, занимаясь ими, балуя и холя ихъ,какъ наши свѣтскія дамы—болонокъ, левретокъ, мопсовъ и попугаевъ.

Зато та же политическая свобода дала возможность и рабочимъ Англіи объединиться между собой въ многочисленные рабочіе союзы для борьбы за улучшеніе своего положенія.

Было бы однако большой ошибкой думать, что это

---

*) Лоуэлль К. Правительство и политическія партіи въ государствахъ западной Европы. Москва. 1906 г., стр. 23.

объединеніе рабочихъ въ союзы произошло легко, само собой, безъ борьбы.

Законы англійскіе, какъ и нѣмецкіе, и французскіе,— какъ *всѣ* законы современнаго *буржуазнаго* государства, долго и зорко охраняли исключительные интересы фабрикантовъ и заводчиковъ. Капиталисты англійскіе, какъ и капиталисты другихъ странъ, вели долгую и упорную борьбу противъ рабочихъ союзовъ. Рядомъ законодательныхъ мѣръ они преслѣдовали малѣйшую попытку рабочихъ сплотиться для борьбы противъ капитала. Они всѣми силами старались не допустить повышенія заработной платы; англійскіе капиталисты, какъ и ихъ русскіе собратья, упорно старались всячески прижать рабочаго.

До 1867 года и въ „свободной" Англіи нарушеніе договора рабочими наказывалось, какъ *уголовное преступленіе* *) Только съ этого времени англійскіе законы, регулирующіе взаимоотношенія рабочаго и хозяина, труда и капитала, были значительно смягчены, и обѣ борющіяся стороны были прязнаны равноправными. Съ этого 1867 года и начинается особенно сильное развитіе рабочихъ профессіональныхъ союзовъ въ Англіи.

Въ настоящее время во всѣхъ тредъ-юньонахъ Англіи и Шотландіи насчитывается около двухъ милліоновъ объединенныхъ рабочихъ или, точнѣе: **) въ 1892 г,—1.505.238 чел.; въ 1900—1.915.718 чел.; въ 1901—1.927.952 чел.; въ 1902—1.915.506 чел.

Всѣ они группировались въ 1236 трэдъ-юньонахъ. Въ нихъ входила почти четверть всего фабрично-заводскаго рабочаго населенія страны.

Совершенно иное наблюдается среди англійскихъ работницъ.

Съ перваго же дня появленія на сцену паровой машины, не требовавшей уже отъ рабочаго долгой технической выучки, женскій трудъ выступилъ сильнымъ кон-

---

*) Веббъ С. Исторія англійскихъ трэдъ-юньоновъ.
**) The Labour Gaxtte. 1904. January.

куррентомъ мужского труда. Какъ занимающій среднее мѣсто между трудомъ квалифицированнымъ и совершенно необученнымъ, женскій трудъ съ перваго же момента своего выступленія сталъ цѣниться гораздо ниже труда мужчины. Часто онъ оплачивался почти наравнѣ съ трудомъ подростковъ.

Благодаря своей большой отсталости и разрозненности, работницы долгое время оставались вполнѣ беззащитными. Это давало возможность капиталистамъ еще больше насѣдать на нихъ, удлиняя ихъ рабочій день и понижая ихъ заработную плату. Несмотря на такое свое тяжелое положеніе, женщины-работницы долго оставались вдали отъ рабочаго и общественнаго движенія. Виной этому были впрочемъ отчасти и сами рабочіе: они долго и упорно противились принятію женщинъ въ число членовъ своихъ трэдъ юньоновъ. Только позже, въ половинѣ 70-хъ годовъ, когда рабочіе горькимъ опытомъ убѣдились, что неорганизованность женщинъ - работницъ является угрозой и ихъ собственному трэдъ-юньонскому дѣлу, что безъ активной поддержки со стороны работницъ, врядъ ли и сами рабочіе смогутъ далеко уйти впередъ, многое завоевать,—только тогда трэдъ-юньоны стали принимать въ свою среду женщинъ, какъ равноправныхъ членовъ, и стали заботиться объ образованіи самостоятельныхъ женскихъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ.

Правда, подъ вліяніемъ идей Роберта Овена, нѣкоторое изъ передовыхъ трэдъ-юньонистовъ еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія высказывались за участіе въ трэдъ-юньонахъ женщинъ, на равныхъ правахъ съ мужчинами. Такъ, въ 1834 году былъ составленъ даже планъ образованія „Національнаго Рабочаго Союза“, который долженъ былъ охватить своими отдѣленіями или „лигами“ все Соединенное Королевство. Въ союзъ этотъ предполагалось ввести и женщинъ, группируя ихъ въ особыя „рабочія лиги“.

Но планъ этотъ, какъ многіе грандіозные планы Р. Овена, разбился о несозрѣвшую дѣйствительность и

былъ потомъ окончательно потопленъ и унесенъ прочь той волной реакціи, которая поднялась и покрыла собой всю Англію вслѣдъ за неудавшимся возстаніемъ чартистовъ. И вотъ сорокъ лѣтъ спустя, въ 1872 году, образовался въ Шотландіи первый рабочій союзъ — „Союзъ обойщиковъ и обойщицъ", гдѣ женщины рука объ руку съ мужчинами выступили на борьбу за улучшеніе положенія рабочаго класса въ Англіи.

Иниціаторшей этого движенія была г-жа Петерсонъ, женщина съ громадной энергіей и всей душой преданная рабочему дѣлу.

Но при первыхъ же шагахъ ей пришлось одолѣть массу трудностей. Труднѣе всего оказалось побороть инертность самихъ работницъ. Благодаря ихъ бо̀льшей экономической забитости, культурной и политической отсталости, сравнительно съ мужчинами, работницы встрѣтили холодно, насмѣшливо и даже враждебно первыя попытки миссъ Петерсонъ сорганизовать ихъ и возбудить въ нихъ желаніе борьбы за свои интересы. *)

Болѣе подробно о тѣхъ трудностяхъ, которыя приходится преодолѣвать лицамъ, работающимъ среди англійскихъ работницъ надъ ихъ сплоченіемъ и развитіемъ въ нихъ классового самосознанія, сообщаетъ миссъ Броди въ своемъ докладѣ женскому конгрессу, бывшему въ 1899 году въ Лондонѣ.

Миссъ Броди начала свою пропагандистскую и организаторскую дѣятельность въ Бирмингэмѣ на фабрикѣ стальныхъ перьевъ. Тамъ работало постоянно до 120 женщинъ. Ознакомившись съ условіями женскаго труда на этой фабрикѣ,—для чего она сама проработала нѣкоторое время въ качествѣ сортировщицы,—миссъ Броди стала усиленно пропагандировать и устно, и путемъ печати свою идею о необходимости работницамъ сорганизоваться въ союзъ для улучшенія условій своего труда. Каждую недѣлю она выпускала къ своимъ товаркамъ.

---

*) Tagnot F. Remmé hivtouque du syndicalisme anglais Paris. 1903.

работницамъ листки. Для изданія ихъ ей оказывали денежную помощь двѣ ея подруги. Раздавала же она ихъ сама, по субботамъ, когда работницы расходились по домамъ. За шесть мѣсяцевъ такой усиленной пропаганды миссъ Броди успѣла однако сорганизовать всего 12 работницъ. Главныя причины такого поразительно малаго успѣха, по мнѣнію самой докладчицы, были узость интересовъ работницъ, равнодушіе ко всему, что выходитъ за предѣлы ихъ ежедневной будничной жизни, ихъ крайняя матеріальная необезпеченность и боязнь за завтрашній день. Сильное также противодѣйствіе образованію союза среди работницъ этой фабрики оказывалъ и хозяинъ: онъ начиналъ преслѣдовать и безжалостно тѣснить работницъ, вступавшихъ въ союзъ. **)

Этотъ случай еще разъ указываетъ намъ, что и въ свободной Англіи капиталисты также властно распоряжаются судьбами своихъ рабочихъ. Нигдѣ, какъ, въ Англіи, нѣтъ такой полной правовой свободы. Но и тамъ у каждаго капиталиста есть тысячи способовъ прижать рабочаго, заставить его не дѣлать того, что ему, хозяину, нежелательно. Объединеніе рабочихъ въ союзы, цѣль которыхъ—помощь членамъ-безработнымъ и борьба ихъ съ капиталистами,—особенно не по душѣ послѣднимъ. И капиталисты всѣми правдами и неправдами стараются задавить, уничтожить въ самомъ зародышѣ попытку рабочихъ сорганизоваться Если же рабочіе все-таки добиваются своего, сорганизовываются, образуютъ крѣпкій союзъ, то капиталисты начинаютъ усиленно прижимать рабочихъ, примкнувшихъ къ союзу. Они жмутъ ихъ на тысячу ладовъ, пользуясь всѣмъ: и разрозненностью рабочихъ, и ихъ временнымъ упадкомъ энергіи въ отстаиваніи своихъ интересовъ, и пониженіемъ боевого настроенія при отстаиваніи ихъ. Позднѣйшая исторія англійскихъ тредъ-юньоновъ доказываетъ намъ это особенно убѣдительно и ярко.

**) Conhten Aberdin. Rapports of the Women Conhress iu London. 1903.

Успѣхъ и расцвѣтъ профессіональныхъ рабочи: союзовъ создалъ въ средѣ англійскихъ рабочихъ н сколько преувеличенный взглядъ на значеніе этихъ орг низацій въ борьбѣ съ капиталомъ. Многіе склонны был думать, что лишь одной массой, *численностью* члено трэдъ-юньоновъ и *богатствомъ* ихъ рабочихъ кас можно успѣшнѣе всего отстаивать рабочіе интересы. Бл годаря этому они стали мало обращать вниманія на не обходимость постоянной борьбы какъ для новыхъ улу шеній своего положенія, такъ и для закрѣпленія за раб чими того, чего они уже добились раньше. Благода господствующему положенію Англіи на міровомъ рынк англійскіе фабрики и заводы вплоть до 70-хъ годов прошлаго столѣтія, когда выступили на сцену Америка Германія, были постоянно завалены работой, нуждали въ рабочихъ рукахъ и дорожили ими. Потому они был чувствительны ко всякому натиску на нихъ рабочихъ в видѣ хорошо организованныхъ стачекъ. Англійскому ра бочему стоило, такъ сказать, только встать и, сложив на груди мощныя руки, твердо и настойчиво заявить капиталисту о своихъ нуждахъ, какъ послѣдній, завален ный срочными заказами, спѣшилъ покончить „недоразу мѣніе" миромъ, старался войти съ бастующимъ рабочим въ сдѣлку, въ соглашеніе болѣе или менѣе выгодное дл обѣихъ сторонъ. Отсюда—оригинальный ходъ рабочаг законодательства въ Англіи развитіе его *снизу вверхъ*, какъ и самой англійской конституціи, что отмѣчаетъ в своемъ трудѣ по исторіи англійскаго законодательств такой знатокъ даннаго вопроса, какъ Лоуэль *). Въ про тивоположность континентальному законодательству, нор мирующему отношенія труда къ капиталу *сверху*, обще государственнымъ законодательствомъ, большинство ра бочихъ законовъ, проведенныхъ чрезъ англійскій парла ментъ, представляютъ собой не что иное, какъ просту сводку, систематизацію того, что уже раньше, до изда

---

*) Lowell. The Labour Lagislation: the Conclision London 1898.

ія того или иного закона, вошло въ жизнь *путемъ непрестаннаго напора организованной части рабочихъ на своихъ хозяевъ*. Благодаря такой переоцѣнкѣ внѣшнихъ, чисто случайныхъ историческихъ моментовъ, благопріятствующихъ первоначальнымъ *мирнымъ* побѣдамъ англійскихъ рабочихъ надъ капиталомъ, благодаря сосредоточенію затѣмъ рабочими всей энергіи на *организаціи* силъ и на *накопленіи* союзныхъ капиталовъ, вмѣсто развитія все болѣе упорной и рѣшительной *борьбы* съ капиталомъ могучее трэдъ-юньонское движеніе въ Англіи стало замѣтно хирѣть, мельчать и вырождаться.

Оно все больше превращалось въ мелкую борьбу за лишній пятачекъ, за ту или иную заплату на бѣдственномъ положеніи рабочаго класса. Короче, оно выродилось постепенно въ „экономизмъ" мелкаго пошиба со всѣми его слабыми сторонами: боязнью широкой постановки рабочаго вопроса, боязнью затронуть самые корни эксплуатаціи—частную собственность во всѣхъ ея видахъ. *Мирныя* стачки, *мирныя* демонстраціи, дружескія *соглашенія* съ фабрикантами и заводчиками, полное пренебреженіе активной политической борьбой за дѣло всего рабочаго класса,—вотъ что стало больше и больше развиватьсявъ средѣ англійскихъ трэдъ-юньоновъ; словомъ добившись нѣкотораго матеріальнаго улучшеніе англ. раб. начинаетъ ослабѣвать въ борьбѣ. Замѣтивъ это ослабленіе боевой энергіи въ рядахъ трэдъ-юніоновъ англійскіе капиталисты нанесли имъ наконецъ въ 1901-мъ году жестокій ударъ: палата лордовъ вынесла свой окончательный, безапелляціонный приговоръ по знаменитому Тафъ-Вейлскому процессу. По этому приговору рабочій союзъ желѣзнодорожныхъ служащихъ присуждался къ уплатѣ 50,000 ф. ст. (около 500,000 руб.) за убытки, причиненные стачкой одной желѣзной дорогѣ. Притомъ палата лордовъ рѣшила, что и впредь кассы трэдъ-юньонистовъ отвѣчаютъ за всѣ потери и убытки, которые наносятъ рабочіе фабриканту при стачкѣ, если эта стачка сопровождается насильственными дѣйствіями со стороны рабочихъ. Проведеніемъ такого закона, несомнѣнно, имѣ-

лось въ виду раззорить трэдъ-юньоны, сорвать ихъ многочисленныя кассы и такимъ образомъ лишить трэдъ-юньоны ихъ могучаго оружія въ борьбѣ съ капиталистами. *)

Тогда-то многіе представители трэдъ-юньоновъ поняли свою ошибку: они поняли, что не только организація, но *организація плюсъ развитіе боевой энергіи* въ ея членахъ представляютъ силу рабочаго класса и залогъ его будущаго, иными словами, для завоеванія своего лучшаго будущаго, рабочіе всѣхъ странъ должны сплотиться объединиться, но и закалить себя въ процессѣ непрерывной наступательной борьбы. Борьба эта должна охватывать все болѣе широкіе слои рабочаго люда и подрывать все сильнѣе *самыя основы* современнаго буржуазнаго строя: *частную собственность и государственную власть*, какъ юридическое выраженіе ея. Ибо изъ организаціи и борьбы выросли всѣ права и улучшенія рабочаго класса, и только борьбой ихъ можно ему удержать за собою, расширить и довести до желательнаго конца.

Англійскія работницы организуются двояко: или въ самостоятельныя женскіе союзы, или же входятъ полноправными членами въ общіе трэдъ-юньоны. Изъ такихъ смѣшанныхъ трэдъ-юньоновъ отмѣтимъ „Союзъ прядильщиковъ и прядильщицъ“ „Ланкашира“, „Федерацію чулочниковъ и чулочницъ“, „Союзъ сапожниковъ и башмачницъ“ и нѣсколько мелкихъ трэдъ-юньоновъ, входящихъ въ составъ „Объединенной шотландской федераціи рабочихъ“.

Благодаря совмѣстной дружной борьбѣ женщины-работницы добились значительного повышенія заработной платы и различныхъ улучшеній въ условіяхъ труда. Такъ, прямымъ результатомъ совмѣстной борьбы муж-

*) Таково мнѣніе Кейръ Харди, одного изъ лидеровъ англ. рабоч. движенія. См. The XIX Century andalter 1903 july.

скихъ и женскихъ трэдъ-юньоновъ явился такъ называемый „Trouck Acts" законъ, запрещающій выдавать рабочимъ плату товарами, законъ о включеніи времени уплаты жалованья въ рабочіе часы, законъ о немедленномъ возвращеніи по суду несправедливо задержаннаго жалованья и пр.

Но особенно замѣтно сказалось вліяніе женскихъ трэдъ-юньоновъ на повышеніе заработной платы. Постепенное пониженіе заработной платы женщинъ наблюдается повсюду въ фабрично-заводской части Англіи. За послѣдніе 20 лѣтъ эта понижательная тенденція особенно замѣтна. Такъ, въ 1883 г. за кусокъ пряжи, за который платили раньше 46 шиллинговъ, платили лишь 15 шиллинговъ (23 руб.—7½ руб.).

Наряду съ этимъ количество женщинъ, занятыхъ въ промышленности и торговлѣ Англіи, съ каждымъ годомъ увеличивается съ громадной силой. Такъ, въ 70-хъ годахъ женщинъ было лишь 30% общаго числа рабочихъ; въ 1901 году ихъ было уже 43%. *)

Это постепенное вытѣсненіе гдѣ только можно работника женщиной-работницей не есть случайность. Это явленіе наблюдается рѣшительно во всѣхъ странахъ, вступившихъ на путь интенсивнаго капиталистическаго развитія. Карлъ Марксъ въ своемъ „Капиталѣ" не разъ отмѣтилъ это явленіе промышленной жизни новаго времени и доказалъ всю неумолимость этого процесса. „Улучшеніе машинъ,—писалъ онъ,—требуетъ не только уменьшенія числа занимающихся взрослыхъ рабочихъ для достиженія опредѣленнаго результата, но оно замѣщаетъ одинъ классъ рабочихъ другимъ, болѣе искусныхъ—менѣе искусными, взрослыхъ—дѣтьми, мужчинъ—женщинами. И всѣ эти перемѣны производятъ постоянныя колебанія нормы рабочей платы". **)

Естественно, потому, что усилія женскихъ трэдъ-юньоновъ, какъ мы уже сказали, были направлены

*) The Encycl, Butanica, vol. XXIV. W.
**) К. Марксъ. Капиталъ, т. I стр. 383, изд. 1872 г.

именно на борьбу за заработную плату. И эта борьба оказалась успѣшной. Такъ, въ стальной промышленности къ 1893-му году заработная плата возросла уже на 28—30%. Въ бумагопрядильной промышленности въ 1833 году работница получала обыкновенно 8,5 шиллинговъ въ недѣлю, а въ 1899-мъ 16—24 шиллинга, т. е. плата увеличилась почти въ 2—2,5 раза. И при этомъ, — что особенно важно замѣтить,—въ то же время длина рабочаго дня уменьшилась на 20%. Въ Іоркширѣ женщины, организованныя въ союзъ, добились заработной платы, равной мужской, между тѣмъ какъ работницы, оставшіяся неорганизованными, получаютъ тамъ на 25% меньше [1]).

Изъ самостоятельныхъ женскихъ трэдъ-юньоновъ надо отмѣтить Тилманскій и Бельфастскій союзъ. Работницы Бельфасткаго союза также добились сильнаго повышенія своей заработной платы; съ 6 шиллинговъ 9 пенсовъ она дошла уже до 18 шиллинговъ 6 пенсовъ въ недѣлю (съ 3 руб. до 8 руб. 52 коп.). Но особенно много сдѣлалъ этотъ женскій трэдъ-юньонъ при агитаціи въ пользу проведенія закона „Frouck Acts", о которомъ было сказано выше.

Изъ другихъ союзовъ отмѣтимъ союзъ портнихъ. Въ Лондонѣ всѣ портнихи объединены въ три большихъ союза. Общее число членовъ ихъ доходитъ до трехъ тысячъ. Условія труда портнихъ особенно тяжелы. Отъ 60 до 70% изъ нихъ зарабатываютъ не болѣе 8 шиллинговъ въ недѣлю (3 руб. 46 коп.). При томъ около 10% изъ нихъ постоянно остаются безъ работы. Портнихи Лондона, какъ портнихи и всѣхъ другихъ большихъ городовъ, даютъ особенно большое количество проститутокъ. Условія труда портнихъ крайне трудно поддаются улучшенію. Потому на организацію женскихъ портновскихъ союзовъ обращено въ Англіи въ послѣднее время особенное вниманіе. Ихъ собратья по труду—портные—уже организованы въ болѣе или менѣе крѣпкіе юньоны. Пол-

---

[1]) Conntess Aberdin.

ная неорганизованность женщинъ наноситъ постоянно ударъ за ударомъ этимъ мужскимъ юньонамъ, понижая постоянно плату и давая изъ среды неорганизованныхъ женщинъ замѣстителей во время портновскихъ стачекъ. И это заставило рабочихъ портновскихъ трэдъ-юньоновъ взяться дѣятельно за организацію подобныхъ-же союзовъ и среди портнихъ.

Женскій трудъ находитъ также себѣ значительное примѣненіе въ переплетныхъ мастерскихъ. Но всѣ попытки организовать союзъ переплетчицъ имѣли мало успѣха. За двадцатилѣтнее свое существованіе союзъ переплетчицъ завербовалъ себѣ лишь 300 членовъ. Въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ существуютъ также небольшіе союзы обойщицъ, Въ 380 человѣкъ, и перчаточницъ—въ 170 человѣкъ. въ Лидсѣ, Глазго и Эдинбургѣ имѣются союзы перчаточницъ, цвѣточницъ и папиросницъ. Много мелкихъ союзовъ разбросано по всѣмъ уголкамъ Англіи и Шотландіи. Въ Ирландіи женскихъ трэдъ-юньоновъ почти нѣтъ.

Приведемъ здѣсь окончательныя данныя о количествѣ организованныхъ женщинъ-работницъ. По даннымъ миссъ Нелли Хусенъ, число работницъ трэдъ-юньонистокъ было въ 1899 году 119,775 человѣкъ. Это по ея вычисленію составляетъ 7,5% всѣхъ трэдъ-юньонистовъ Англіи [1]).

По Фаньо, число женщинъ, организованныхъ въ трэдъ-юньоны, и чистые и смѣшанные, насчитывалось въ 1901 г. 120.078 [2]). Наконецъ по даннымъ Жена, женщинъ трэдъ-юніонистокъ въ 1902-мъ году было 122.047 [3]). Изъ нихъ—,

¹) C. Aberdin. Kapports of the Women Congres sin London. Miss Nelly Hausen's Rapports, pp. 176.

²) Fagnot F. Resumé historique du syndicalisme anglais. Nelly Hausen's Rapport, p. 176.

³) Jeune Wmen's Industrial Work aud Combination The Encycloped. Buk. 1903. vol. XXXII, p. 860.

занятыхъ въ текстильной промышленности, 108.982, въ работахъ по металлу 12.000, въ платяномъ дѣлѣ 431..., въ остальныхъ отрасляхъ промышленности 7550. Принимая число всѣхъ трэдъ-юніонистовъ Англіи въ 1901-мъ году въ 1,927,952 и въ 1902-мъ году въ 1,915,506—мы находимъ соотвѣтственно 23% и 6,37%, т. е. % женщинъ трэдъ-юніонистокъ относительно понизился. Съ другой стороны, рабочихъ, занятыхъ только въ фабрично-заводской промышленности Англіи, было въ 1901-мъ году 10,000,000, изъ нихъ 7,000,000 мужчинъ и 3,000,000 женщинъ.

Принимая данное количество женщинъ трэдъ-юніонистокъ въ 120,078 и мужчинъ трэдъ-юніон. въ 1,937. 952—120, 078-1, 807,874 за тотъ же 1901 годъ, мы находимъ, что въ то время какъ мужчины трэдъ-юніонисты составляли собой почти четверть промышленно-заводскаго мужского населенія страны, женщины—лишь одну двадцать пятую часть женской части того же населенія. Или, выражая то же въ процентахъ, находимъ: 27,56% мужч. трэдъ-юніон. приходилось на 4% женщинъ, т. е. мужчинъ участвовало въ трэдъ-юніонахъ почти въ 7 разъ болѣе, чѣмъ женщинъ.

Такъ медленно и туго идетъ организація женщинъ-работницъ въ Англіи не смотря на то, что эта страна—первая въ Европѣ по силѣ степени своего торгово-промышленнаго развитія и самая старѣйшая по развитію политической свободы.

Организаціей чисто женскихъ рабочихъ союзовъ занимаются въ настоящее время главнымъ образомъ слѣдующія общества: 1) женскій индустріальный совѣтъ (The Women Industrial Conncil), 2) совѣтъ Глазговскихъ женскихъ рабочихъ союзовъ (The Glasgom-Women Trade-Unions Concill), 3) лига женскихъ трэдъ-юніоновъ (The Women Trade-Unions Liqne), 4) совѣтъ Манчестерскихъ трэдъ-юніоновъ (The Manchester Trade-Unions Concill).

Самымъ старымъ по времени и самымъ дѣятельнымъ учрежденіемъ является Лига женскихъ трэдъ-юніоновъ. Она существуетъ уже болѣе 70 лѣтъ.

Путемъ митинговъ и печати Лига дѣятельно пропагандируетъ идею организаціи работницъ. На собираемыя средства она отправляетъ своихъ ораторовъ для пропаганды трэдъ-юніонизма въ различные города Англіи и Шотландіи. Пріѣзжая въ городъ, они устраиваютъ рядъ митинговъ и лекцій и стараются организовать тамъ хотя небольшое ядро среди мѣстныхъ работницъ. Черезъ своихъ друзей и единомышленниковъ Лига добилась проведенія въ парламентѣ ряда законовъ, охраняющихъ здоровье работницъ въ различныхъ тяжелыхъ и особенно вредныхъ отрасляхъ труда. Такъ, Лига подняла первая вопросъ объ уничтоженіи желтаго фосфора въ спичечномъ производствѣ, стала первая хлопать объ урегулированіи труда въ свинцово-бѣлильныхъ заводахъ и пр.

Для пропаганды своихъ идей Лига издаетъ свою еженедѣльную газету: „Женскія индустріальныя новости“. Тамъ дается обзоръ женскаго проффессіональнаго движенія въ Англіи и въ другихъ странахъ, сообщается о всѣхъ парламентскихъ узаконеніяхъ, касающихся огражденія женскаго труда, тамъ же, наконецъ, даются обыкновенно отвѣты на тысячи вопросовъ мелкихъ, но важныхъ для повседневной борьбы работницъ за свое общерабочее дѣло.

Индустріально-женскій союзъ былъ основанъ въ 1894 году. Онъ работаетъ, главнымъ образомъ, въ Восточномъ Лондонѣ (East-End). Эта самая бѣднѣйшая часть Лондона и центръ мелкихъ портновскихъ, сапожныхъ, картонажныхъ, конфектныхъ и другихъ мастерскихъ. Здѣсь эксплуатація женскаго труда свирѣпствуетъ съ особой силой и достигаетъ наивысшей степени. Именно здѣсь часто можно встрѣтить женщинъ, зарабатывающихъ при десятичасовомъ интенсивномъ трудѣ по 8 — 9 шиллинговъ (4 р.—4 р. 50 к.) въ недѣлю. Поднять экономическій и культурный уровень этихъ „бѣлыхъ рабынь“ и взялъ на себя главной задачей Индустріальный женскій союзъ. Союзъ устраиваетъ для дѣвушекъ-работницъ клубы, гдѣ бы онѣ могли просто хотя провести вечеръ, провести въ теплѣ, съ нѣкоторымъ комфортомъ, что совершенно не-

доступно имъ у себя дома. Союзъ имѣетъ также свою газету: „Женскій Индустріальный Вѣстникъ“, выходящую каждую субботу. Въ ней помѣщаются главнымъ образомъ свѣдѣнія о состояніи различныхъ отраслей домашней промышленности, маленькіе разсказы и отвѣты на вопросы подписчицъ по самымъ различнымъ предметамъ, начиная съ того, какъ выводить чернильныя пятна со скатерти и какъ готовить хорошій плумъ-пуддингъ, кончая тѣмъ, какъ заставить платить отца за воспитаніе незаконно прижитаго сына. Благодаря стараніямъ этого союза основаны за послѣдніе годы въ Истъ-Эндѣ Союзъ папиросницъ, и не безъ его же участія обошлось устройство женскихъ портновскихъ трэдъ-юніоновъ, о которыхъ было сказано выше.

Приблизительно по той же схемѣ организованы и работаютъ Манчестерскіе и Глазговскіе союзы.

II.

Итакъ, развитіе женскихъ трэдъ-юніоновъ въ Англіи показываетъ, что, несмотря на всѣ благопріятныя для того условія: интенсивное развитіе фабрично-заводской промышленности и большое скопленіе рабочихъ въ городахъ, полную и широкую политическую свободу, несмотря на все это,—женщины-работницы организуются очень туго и медленно.

Женскіе трэдъ-юніоны охватываютъ здѣсь собой едва $4^0/_0$—$6^0/_0$ всѣхъ фабрично-заводскихъ работницъ Англіи. Мало того, начавшись, по примѣру общаго трэдъ-юніонскаго движенія, на узко-экономической почвѣ, женское профессіональное движеніе съ первыхъ же шаговъ пріобрѣло видъ сѣренькой, будничной борьбы за пятачекъ. Это отсутствіе широкаго размаха, идейнаго оживленія заставляетъ трэдъ-юніонское движеніе топтаться на мѣстѣ и отстраняетъ отъ него самыхъ энергичныхъ лицъ.

Впрочемъ, упадокъ англійской промышленности и торговли и вытѣсненіе повсюду англійскихъ товаровъ германскими и американскими, какъ то наблюдается за послѣднее время; громадное развитіе отсюда безработныхъ, не имѣющихъ возможности, благодаря высокимъ взносамъ, вступать въ рабочіе союзы; наступательный характеръ всей политики правящихъ буржуазныхъ классовъ по отношенію къ трэдъ-юніонамъ; развитіе, наконецъ, идей соціализма и анархизма въ передовыхъ слояхъ рабочихъ,—все это начинаетъ выбивать англійскаго трэдъ-юніониста изъ его проторенной коллеи *мирной* борьбы съ капиталомъ. Все чаще и громче начинаютъ раздаваться голоса о перемѣнѣ задачъ и тактики борьбы. Все сильнѣе подчеркивается такими видными представителями рабочаго міра, какъ Гайдманъ и Керъ-Гарди, необходимость выставить лозунгомъ борьбы широкіе идеалы соціализма, а самую борьбу перенести изъ примирительныхъ камеръ на улицу, какъ и въ другихъ странахъ.

Н. Сосковъ

О «вольныхъ ловцахъ».

Вся южная часть Астраханской губерніи заселена ловцами, какъ ихъ иначе называютъ „свободными“ (?!) рыбаками. Когда-то, очень давно, забитое массой острововъ устье Волги и побережье Каспійскаго моря дало пріютъ вольному, бѣжавшему изъ центровъ, отъ „хорошаго житья-бытья“ люду. Сначала въ землянкахъ, камышевыхъ палаткахъ и кошемныхъ кибиткахъ, перенятыхъ у киргизовъ и калмыковъ, жили эти люди, никому невѣдомые, никѣмъ не управляемые, не знающіе никакого начальства. „Сварганили они себѣ лодки, частью, можетъ быть, и украли у населенія повыше устья, сплели сѣти, надѣлали крючковъ и стали себѣ ловить рыбу. А этого богатства оказалось сколько угодно“. Въ то время какъ средняя Волга была уже подчинена „всѣмъ правиламъ официальной ихтіологіи“, т. е. воды были отданы въ аренду капиталистамъ-рыбопромышленникамъ, а побережные жители-рыбаки отданы были въ кабалу послѣднимъ подъ строгимъ наблюденіемъ особливаго Рыбнаго Управленія и прочихъ управленій, имѣющихъ непосредственную связь съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; въ то время, какъ гдѣ-то въ Петербургѣ изучили и „жизнь, нравы“ рыбьи и въ результатѣ установили закономъ разные запреты на время лова, на тѣ или другія снасти, на величину сѣтей и даже на величину сѣтныхъ дырокъ (ячей); въ то время, какъ тамъ неписанный законъ установилъ цѣну за сдаваемую рыбаками рыбопромышленникамъ рыбу—втрое, впя-

теро, вдесятеро ниже дѣйствительной, — на взморьѣ ловцы вытягивали неистощимое богатство и по хорошей цѣнѣ сбывали его въ городъ и вверхъ по Волгѣ, съ успѣхомъ конкурируя съ разными фирмами милліонеровъ. Дѣла пошли хорошо. На мѣсто землянокъ, шалашей и „вигвамовъ" появились поселки, никѣмъ не указанные и нигдѣ не зарегистрированные: официальная карта показывала здѣсь воду, песокъ, морскихъ птицъ, ракушки и увѣряла въ полномъ отсутствіи человѣческаго подобія. Поселки получили бытовыя названія: „Оля", „Семирублевое", „Джамбай", „Чаганъ" и т. д., жители же прибавляли къ этимъ отличительнымъ названіямъ и общее характеризующее ихъ наименованіе: „вольный поселокъ", а себя предпочитали величать „вольными ловцами". Такой-то оказался, съ точки зрѣнія россійской государственности, непорядокъ: живутъ люди россійскіе, податей никакихъ не платятъ, законамъ никакимъ не подчиняются, паспортовъ не имѣютъ; нѣтъ у нихъ ни урядниковъ, ни становыхъ; нѣтъ церквей и кабаковъ; никто ихъ не сѣчетъ и въ холодную не сажаетъ; ни воинской, ни какой другой повинности не отбываютъ; на диво сами собой управляются; торгуютъ и богатѣютъ, да какую-то артельную правду блюдутъ: рыбку ловятъ не всю, а по-божески—на потребу да на продажу, а въ запасъ только на зиму малую толику. Ну точь-въ-точь республика, открытая русскимъ правительствомъ лѣтъ 10 тому назадъ гдѣ-то въ Влтайскихъ горахъ, состоящая изъ русскаго населенія и доблестно завоеванная правительствомъ вплоть до насажденія исправника изъ отставныхъ казнокрадовъ и наложенія податей, налоговъ и повинностей.

Долго не знали рыбопромышленники-капиталисты, откуда это на рынокъ рыба идетъ, цѣну сбиваетъ, ихъ барыши уменьшаетъ. Думали, что съ Дона да съ Урала. Попробовали въ соглашеніе войти—толку мало вышло. Нашлись, однако, любители пониже по

Волгѣ со своими промыслами и выходами спуститься: раньше туда не забирались, потому что тамъ мало льду бываетъ зимою, а имъ нуженъ запасъ его на лѣто, чтобы рыбу хранить не только въ соленомъ, но и въ свѣжемъ видѣ. Спустились рыцари наживы и рты разинули. Они думали, что пустыни найдутъ, а тамъ, оказывается, не только люди, но и цѣлыя селенія есть.

— А мы сюда рыбки половить,—съ опаской сказали они ловцамъ,—чай не бѣда, если мы сѣтченку-другую закинемъ?

— А что-жъ, пущай! — отвѣтили имъ вольные ловцы,—мѣста всѣмъ хватить, лови съ Господомъ, кормись, устраивайся!

— Да вѣдь спервоначалу надо начальство спросить, милые люди?

— На кой тебѣ лядъ начальство!—воды-во! Куда ни глянь... Тѣсно не будетъ. И безъ начальства живемъ тихо, смирно. Плохого здѣсь не увидишь, обиды тебѣ никакой не будетъ, а мы не помѣха. Воду-то не мы сюда напустили, а такъ ужъ Богъ устроилъ. Вотъ кабанъ донимать будетъ, али тигра — сосѣди помогутъ, а тебѣ=говядина.

Поняли тогда рыбопромышленники, откуда рыба идетъ, а понявши, посовѣтовались да къ начальству.

— Такъ и такъ, вольница разбойная объявилась, всю рыбу изъ Каспія выловила, начальство не почитаетъ, податей, солдатъ не даетъ, и, видимо, въ Бога не вѣруетъ, соблазнъ безцерковный распространяетъ. Отъ этой вольницы на свѣтѣ намъ житья не стало, а начальству прямой ущербъ и убытокъ. Смилуйтесь, благодѣтели!

Натурально, пошла переписка, командировки, прогонныя, суточныя, понадобились солдаты. Пошли выговоры: недосмотрѣли, допустили, попустили; упущеніе, нерадѣніе и т. д. Долго-ли, коротко-ли, но въ концѣ концовъ привели все дѣло въ православный

видъ, пріобщили къ губерніи и заполнили Красноярскій уѣздъ. Появились становые, урядники, сборщики податей, построили храмы, волостныя правленія, назначили поповъ, надсмотрщиковъ. За ловлю рыбы стали особые налоги собирать установили всякіе запреты. Сдали казенныя воды и земли въ аренку именитымъ купцамъ-милліонерамъ, а «вольныхъ» ловцовъ закономъ обязали рыбу только *имъ*, и по назначенной только *ими* же цѣнѣ сдавать. За нарушенія же этого закона обѣщаны строгія наказанія. Дѣтей „вольныхъ поселенцевъ“ стали во флотъ отдавать, благо тамъ служба вдвое да втрое дольше, такъ вольную спесь-то всю повыбьетъ... Паспорта завели, холодныя, розги, кабаки—все какъ слѣдуетъ, «по россейски», по-православному. И стали вольные ловцы тощать да пьянствовать, да мыкаться, да старое вспоминать... А рыбопромышленники стали богатѣть да жить припѣваючи, да въ городѣ Астрахани купецкій жиръ-нравъ съ веселыми дѣвицами ублажать, осетровъ въ шампанскомъ купать...

Давно это было—дѣды отъ отцовъ еще слыхали, а вольные ловцы и по-сейчасъ еще старое помнятъ да поговариваютъ: „Что-жъ, силой да хитростью взяли; а вода—она ничья, скажемъ такъ, что Божья... Ловить въ ней каждому невозбранно. Насчетъ же вылова, такъ мы по Божьи: мы знаемъ, когда какую тварь и ловить можно безъ сумнѣнія, когда и вздоху ей дать, опять же таки мы не запруду во всю Волгу изъ сѣтей дѣлаемъ. Рыба—она умная, не вся въ сѣть лѣзетъ, коя и мимо идетъ“.

Десятки лѣтъ протекли. Несмотря ни на какіе законы, ни на какую охрану, хищническое хозяйничанье рыбопромышленниковъ, теперь. дѣйствительно перегородившихъ уже все устье Волги своими сѣтями и вылавливающихъ даже самую молодую рыбу,—довело дѣло до того, что появилось серьезное опасеніе за истощеніе естественнаго запаса рыбныхъ богатствъ. Кто не знаетъ этого, кто не помнитъ зна-

менитыхъ беззубиковскихъ рыбныхъ кладбищъ, устроенныхъ для того, чтобы не дать вылавливать рыбу конкурентамъ и не понизить тѣмъ цѣну на рынкѣ? Кто не знаетъ, что рыбопромышленники подъ покровительствомъ правительственнаго Рыбнаго Управленія нарушаютъ всѣ законы и сваливаютъ все на «вольныхъ» ловцовъ, несущихъ въ чужомъ пиру похмелье—всевозможныя кары за преступленія богатѣевъ и начальства? Такова ужь роль темной, безправной, забитой сермяжной Руси. Такое положеніе ловцовъ породило дѣтище суровой, опасной и безправной жизни—рискъ. Для ловца—жизнь копейка. Съ молокомъ матери онъ всосалъ презрѣніе къ опасности. Безшабашная удаль для него добродѣтель: все равно изъ-подъ гнета не вырвешься, такъ зачѣмъ же слишкомъ стараться охранять эту безпросвѣтную жизнь! И въ разныхъ рискованныхъ предпріятіяхъ ловцы гибли десятками, и никто этому не удивлялся особенно, и никто особенно не сокрушался. Хоть часъ да мой; хоть мигъ да мой: хотя бы и рисковалъ ловецъ не для своей пользы-выгоды, а въ ненасытную утробу капиталиста. А капиталистъ издѣвается. Если выбился ловецъ, не пропилъ заработанныя отъ хищническаго лова деньги, конечно, вдесятеро меньшія, чѣмъ могъ бы добыть раньше при хищническомъ ловѣ, — захотѣлъ поставить свой выходъ, свой промыселъ,—то законъ предоставилъ рыбопромышленнику-съемщику воды—разрѣшать это ловцу или нѣтъ, а если такой станъ уже существуетъ, — то закрыть его или позволить существовать... Рѣдкій рыбопромышленникъ рѣшитъ такой вопросъ положительно. Чтобы еще понизить ловцамъ цѣну (они имѣютъ свои сѣти, свои лодки) капиталисты обзавелись и „посудою" и „снастями", построили у своихъ промысловъ немудрящіе сараи-бараки и стали подряжать на ловъ крестьянъ изъ сосѣднихъ губерній за плату — особую для каждой „путины", т. е. разрѣшеннаго времени для лова ры-

бы массами весною во время прохода ея изъ моря вверхъ по рѣкѣ и осенью — во время обратнаго хода. Пошли въ ходъ задатки и другія кабальныя мѣры, дающія громадную прибавочную стоимость нанимателямъ.. Создался отхожій промыселъ для нашихъ безземельныхъ деревень, а для вольныхъ ловцовъ появилась неодолимая конкуренція рабочихъ рукъ. Куда ни кинь—все клинъ: здѣсь мѣсто свободное, но запретное для всякаго лова (бакенная полоса), тутъ ловить не запрещено, но законъ велитъ рыбу владѣльцу водъ сдавать по „свободно" заключенному контракту... Есть мѣсто въ открытомъ морѣ—лови сколько хочешь, но тамъ какъ разъ ничего не ловится. Пришлось уступить. „Пейте нашу кровь, толстопузые, наживайтесь да помните, что придетъ когда-нибудь и наша пора". И пора эта наступитъ, она уже близко, она уже задѣла однимъ краешкомъ наше время.

Для боя тюленя, для битья птицы, и самозащиты отъ кабановъ, волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей ловцы привыкли имѣть дѣло съ ружьемъ, предпочтительно съ винтовками. Хорошо владѣютъ они и топорами: лодку надо срубить и починить, избу поставить, кольевъ натесать для неводовъ и вентерей. Люди, слѣдовательно, вооруженные. Рѣдко, правда, но все же бывали раньше столкновенія у ловцовъ съ надзоромъ и правительства, и рыбопромышленниковъ, поэтому владѣніе оружіемъ считалось по закону также запретнымъ. Но ловцы умѣли скрывать свое оружіе въ густомъ и высокомъ камышѣ, которымъ сплошь покрыты всѣ прибрежныя части многочисленныхъ ериковъ и взморья. Оружіе вѣдь всегда пригодится.

Русско-японская война взяла у ловцовъ множество работниковъ, утопленныхъ правительствомъ въ Тихомъ океанѣ, главнымъ образомъ при Цусимѣ. Мало изъ нихъ вернулось домой и тѣ ничего не

разсказывали, а только зубами скрипѣли да сквозь зубы цѣдили: „Погоди, вотъ ужо“...

Еще въ 1904 году осталось множество семей безъ работниковъ, развѣ у кого проживалъ на отдыхѣ старый дѣдъ. Плохо стало дѣло, кормиться нечѣмъ, а правительство вмѣсто пособія только тюрьмой да штрафами за обловъ грозитъ.

Пропасть ли съ голоду, или на днѣ морскомъ во время бури-непогоды, или въ тюрьмѣ разоренным до тла, пасть-ли отъ пули корсака-киргиза, пользующагося легкой добычей при отсутствіи сильнаго, работающаго съ артелью хозяина,—не все-ли равно! Старики, бабы, малолѣтки, а за ними и оставшіеся ловцы—всѣ пустились въ самый откровенный обловъ. Вотъ глубокій старикъ, въ лодкѣ котораго сидятъ четыре мальчугана одинъ другого меньше, а пятая дѣвочка валяется на мокромъ днѣ и играетъ съ мелкой рыбешкой; пользуясь хорошей погодой, кряхтя и сопя, вытягиваетъ онъ свою сѣтку и выбираетъ оттуда попавшую рыбу. Трудно ему, жарко... Непокрытую голову печетъ іюльское солнце... Лодка накренилась подъ тяжестью дѣдовскаго тѣла. Онъ радъ: уловъ хорошій, руки то и дѣло нащупываютъ рыбу, выдираютъ ее изъ сѣтки и бросаютъ въ открытый люкъ полной водою средней части лодки, гдѣ съ боковъ прорѣзаны насквозь дыры. Мальчуганы палками гоняютъ пойманную рыбу и со смѣхомъ дѣлятся другъ съ другомъ своими впечатлѣніями. Всѣ увлеклись и не видѣли и не слышали, какъ безшумно выскользнулъ изъ сосѣдняго рукава рѣки баркасъ управленія и вплотную, съ застопоренной машиной, только по инерціи, подошелъ къ лодкѣ.

— Что, старый хрычъ, обловомъ занялся?—какъ съ неба свалился грозный окрикъ „барина“—смотрителя рыбнаго управленія. Но дѣдъ не особенно удивился и не торопясь, медленно, поднялъ голову.

— Вишь ты, уловъ-атъ Осподь далъ хорошій.

ребятенки-то, гляди, и не подохнутъ съ голоду! А тебѣ рыбы што-ли надоть? Возьми вотъ—всѣмъ хватитъ, еще посолить останется, на-кось вотъ—воболк какая крупная попалась!

Такой наивностью „баринъ“ былъ пораженъ, команда и стражники одни сочувственно, другіе съ ехидствомъ улыбались. Одинъ стражникъ взялъ багоръ и зацѣпилъ лодку за бортъ, другой такимъ же багромъ приготовился вылавливать сѣть, такъ какъ и снасть, и рыба должны быть конфискованы, а обловщикъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности.

— Рыбка, старое чучело! А забылъ, что запретъ, что и сѣть, и рыба въ казну пойдутъ, а съ тебя судъ штрафъ взыщетъ, а то въ тюрьму запрячетъ. Михайловъ, выдирай сѣть! Петровъ, прыгай въ лодку выбирай изъ прорѣзи рыбу да зачаль лодку къ кормѣ! Командиръ, давайте тихій впередъ!..

Старикъ понялъ все и голова его склонилась на грудь.

— А внуки-то какъ-же?

Младшая уже громко заплакала отъ испуга, а старшіе со страхомъ прижались къ дѣду, И дѣдъ во мгновеніе преобразился: все равно погибать!—Проклятые!—съ рыданіемъ въ голосѣ закричалъ онъ,—кровопивцы! Сына на войну взяли, оставили сиротъ пятерыхъ на бабу беременную, промысловые куска не даютъ; и такъ, говорятъ, долговъ не платилъ. Чѣмъ, какъ кормить-то ихъ, сиротъ-то, скажи, ненасытный? Способія нѣтъ, рыбу ловить не велятъ... Такъ бери, бери насъ всѣхъ и корми, а то уходи, сейчасъ уходи!

Старикъ схватилъ топоръ и замахнулся на склонившагося у борта баркаса смотрителя. Мелькнулъ багоръ, и вышибленный изъ дѣдовскихъ рукъ топоръ полетѣлъ въ воду. Старикъ обезумѣлъ, голосъ его охрипъ, шея налилась кровью.

— Такъ на же тебѣ и ихъ, подавись, злодѣй,

можетъ, душѣ твоей матери отъ того легче будетъ, получай награду!

И въ воду полетѣлъ онѣмѣвшій отъ страха и неожиданности одинъ изъ мальчугановъ. Но тутъ же опомнившійся дѣдъ, самъ бросился за внукомъ, поймалъ его и съ помощью багра вновь взобрался въ лодку. Багоръ ему представилъ одинъ изъ матросовъ баркаса. Блѣдный, трясущійся баринъ упавшимъ голосомъ отдалъ приказаніе: „Отставь багры, право рул-, впередъ—до полнаго“! И баркасъ, описавъ большую дугу, быстро побѣжалъ вверхъ по Волгѣ, оставляя за собой густую черную волну клубящагося дыма. Изъ ближайшихъ камышей раздался выстрѣлъ, пуля ударила и разбила вдребезги иллюминаторъ носовой, смотрительской каюты. Вслѣдъ за выстрѣломъ изъ камышей вынырнуло до десятка косныхъ лодокъ и въ пароходъ посыпались круглыя, тяжелыя каменныя грузила отъ сѣтей. Камни защелкали по бортамъ, трубѣ, по палубѣ, разбили нѣсколько стеколъ, ранили стражника. Пароходъ прибавилъ ходу, а вслѣдъ ему летѣли проклятія и отборныя ругательства и угрозы. Старикъ успокоился немного и трясущимися руками сталъ выжимать рубашенку внука, время отъ времени гладя его по головѣ и добавляя: „ничего, дитятко, горячій я—песъ, вотъ ужо-тка уху сваримъ, такъ я въ лавочкѣ гостинца вымѣняю“. А затѣмъ и онъ и дѣти продолжали свое дѣло. Лодки ушли въ ближайшій ерикъ. Оказывается, артель ловцовъ, вышедшая на работу и замѣтившая казенный баркасъ, давно слѣдила за „бариномъ“, прячась въ камышахъ, какъ утки отъ охотника, и замѣчая курсъ парохода по дыму: они лишь искали удобнаго мѣста и случая, чтобы прогнать изъ участка ненавистный надзоръ. Кстати, пришлось освободить и дѣда изъ сосѣдняго имъ поселка.—Это—разсказъ одного изъ матросовъ баркаса, подтвержденный и самимъ „бариномъ“. Но это вовсе не исключительный случай: встрѣчаться съ отпоромъ

надзоръ сталъ все чаще и чаще, отпоры сдѣлались все смѣлѣе и смѣлѣе. Часто баркасъ, завидя издали въ подзорную трубу обловщиковъ и, замѣтивъ, какъ въ камышахъ мелькнули двѣ—три головы, медленно поворачивалъ назадъ и плылъ въ другую совсѣмъ сторону. Или, идетъ баркасъ мимо двухъ—трехъ лодокъ, въ которыхъ работаютъ нѣсколько бабъ и подростковъ, баринъ стоитъ на палубѣ и смотритъ въ противоположную сторону и вся команда обратилась въ ту-же сторону... Смѣются всѣ и баринъ смѣется, а все-таки для очистки чиновничьей совѣсти говоритъ: „Бери правѣй, бери правѣй, вонъ, кажется, косная на облавѣ“. И берутъ курсъ на какой-нибудь выдавшійся песчаный бугоръ, чтобы не такъ ужъ замѣтно удрать поскорѣе. Точно какъ и не видѣлъ никто и ничего...

На слѣдующее лѣто стражниковъ вооружили, но и ловцы посмѣлѣли. Идутъ выборы въ Думу. Народъ туда своихъ посылаетъ законы негодные на справедливые мѣнять. Народъ добылъ хоть кой-какія права. Много крови народной было пролито, много жизней загублено, дорогихъ и полныхъ могучей трудовой силы, много хорошихъ, уже теперь знакомыхъ нѣсколько, честныхъ и смѣлыхъ людей правительствомъ въ полонъ взято, по тюрьмамъ, въ Сибири упрятано. Но слухъ идетъ: землю всю народу отдать, чтобы всякій, кто хочетъ, могъ обрабатывать ее да не могъ продавать или сдавать въ аренду, чтобы всякій взялъ столько, сколько можетъ обработать семьей или артелью, но не могъ бы рабочихъ-батраковъ нанимать и ихъ трудомъ, какъ машиной, пользоваться. А разъ землю—народу, по-божески, по равненію, то и воду, стало быть. Землю никто не сдѣлалъ, такъ и воду тоже. Земля отъ пахоты не убудетъ, а вода отъ ловли—и подавно. Земля была свободна, ничья, ее казна да помѣщики силой захватили и она собственностью стала. Вода также была свободна, наши дѣды по ней разъѣз-

жали и рыбу ловили беззапретно, безданно, безпошлинно, и воду захватили—казна да рыбопромышленники. Гдѣ люди безъ земли отъ холода-голода издыхаютъ, а мы безъ воды погибаемъ. Гдѣ аграрный (у насъ выговариваютъ „аграрный“), а у насъ акварный вопросъ. Воды—во!.. Куда ни глянь—всюду ловить можно. Вездѣ рыба есть, а стѣсненіе такое, что на хлѣбѣ сидишь, а съ голоду брюхо подводитъ: чужое—руку протянулъ, значитъ укралъ, а укралъ—въ тюрьму, семья въ разоръ. Нѣтъ, ужъ коли землю народу, такъ и воду ему-же. Вода еще лучше: никакихъ знаковъ на ней не установишь; ты ли ее пахалъ, я ли ее пахалъ,—не узнаешь, а рыба все идетъ, просторъ большой, и никто ему не помѣха, развѣ только рыбопромышленникамъ царство да рай навѣки за память отойдутъ. Ну, да и то сказать, ихъ десятки, а насъ—то десятки, а то и сотни тысячъ. Пусть работаютъ, пусть ловятъ наравнѣ съ нами, а промысла свои въ общества отдадутъ, мы имъ за нихъ, пожалуй, и деньги заплатимъ, только не сразу.—Для земли нужна наука, чтобы не испахалась и продолжала родить, и для водныхъ богатствъ нужна наука, чтобы не пресѣкся, а наоборотъ размножился рыбій родъ... Мы это знаемъ. Пусть будутъ законы справедливые, да по наукѣ, а не по начальническому да хозяйскому вкусу,—и увидятъ всѣ, какъ мы ихъ чтить и соблюдать будемъ безъ всякихъ смотрителей, становыхъ, урядниковъ и стражниковъ. Такъ пусть же дастъ намъ Дума—всему народу—всю волю, всю землю, всю воду!

И тѣмъ временемъ ловцы ловили рыбу, кто хотѣлъ, когда хотѣлъ, гдѣ хотѣлъ и какъ хотѣлъ... Бывало по какой-нибудь Воложкѣ, для сокращенія пути во время полой воды, пароходы ходили, а теперь тамъ снуютъ рыбацкія лодки, во входѣ и выходѣ Воложки изъ коренной рѣки сѣтки отъ берега до берега поставлены, и рыбацкій караулъ выставленъ

Ни смотритель съ вооруженными стражниками, ни пароходы частные не пытались нарушить условій труда ловцовъ: сначала—совѣтъ идти другой дорогой, не слушаются—летятъ камни, хотятъ употребить силу—вынимается оружіе, и масса лодокъ угрожающе отчаливаетъ отъ береговъ и направляется къ мѣсту спора. Побѣда остается за ловцами. Они уже забыли почти о выправкѣ билетовъ па ловъ въ Управленіи, объ ярлыкахъ, которые прибивались на носъ лодки, забыли о другихъ налогахъ, забыли о взяткахъ, которыя необходимо было давать раньше и чиновникамъ, и хозяйскимъ приказчикамъ и стражникамъ то по тому, то по другому поводу. *Надѣлъ* вода была *захвачена* людьми, непосредственно работающими на ней. Рыбопромышленники хоть и продолжали вести борьбу съ обловомъ въ отдѣльно ихъ водахъ, но дѣло ихъ не выгорало: они должны были мириться съ происшедшимъ фактомъ, да кстати и воспользовались безсиліемъ начальства, что бы вдесятеро превзойти ловцовъ и поспѣшить нажиться въ видутемнаго для нихъ и печальнаго будущаго. А ловцы твердили: «Все равно, вся вода отойдетъ народу"—и не обращали никакого вниманія ни на начальство, ни на рыбопромышленниковъ. Все дѣлалось открыто, и начальство трогать ихъ побаивалось, политично исхлопатывая имъ у высшаго начальства разныя, ненужныя теперь ловцамъ, льготы.

Вдругъ надежды опрокинулись! Дума разогнана, разогнана самымъ наглымъ и подлымъ образомъ безъ предварительнаго объявленія объ этомъ. Значитъ, правы были революціонеры, значитъ, вѣрно, что Дума безсильна. Значитъ, правительство добровольно никогда не уступитъ, несмотря ни на какіе признаки народной воли, несмотря на страшную, роковую необходимость уступки. Значитъ, единственный выходъ - *самому народу объединиться, вооружиться, и самому силой взять свое право на жизнь, на трудъ, на блага природы*. Зачѣмъ только сознаніе это пришло такъ

поздно. Сколько времени нужно, чтобы понять большинству, объединиться и организоваться! Терпѣнія народнаго не хватитъ, а у насъ, ловцовъ, привыкшихъ считать жизнь дешевле копейки,—и подавно. Борьба. борьба!.. Партизанская война!., Война на два фронта —противъ правительства и противъ рыбопромышленниковъ. Что выборы во вторую Думу? Разогнали первую, разгонятъ и вторую. Гдѣ гарантіи, что нѣтъ? Гдѣ силы, чтобы воспрепятствовать этому? Зачѣмъ, наконецъ, лицемѣрно издавать законы, когда знаешь, что выполняться они не будутъ? Правительство и черносотенцы подъ прикрытіемъ войскъ затопчутъ ихъ въ грязь. Вотъ и кровь народная опять полилась рѣкой... Началась эпоха казней, военно—полевыхъ судовъ... Жизнь и смерть—дѣло какого-то слѣпого случая. Не высоко мы цѣнили раньше жизнь свою, а теперь... стоитъ-ли о ней разговаривать! Таково было настроеніе наиболѣе революціонныхъ по сознанію и характеру ловцовъ, уже довольно близко ставшихъ къ мѣстной организаціи, и ознакомившихся съ различными способами и методами борьбы.

Небольшая часть ловцовъ зимой переходитъ обыкновенно на какую-нибудь профессіональную работу: одни-котельщики, другіе-слесаря, третьи конопатчики, маляры, плотники и т. п. Во время ремонта судовъ они нанимаются наравнѣ со спеціалистами, профессіональными рабочими, имѣютъ съ ними общеніе, посѣщаютъ партійные кружки, охотно бываютъ на массовкахъ, читаютъ литературу и бесѣдуютъ; среди нихъ нѣкоторые выдаются предпріимчивостью, независимистью, беззавѣтной смѣлостью и преданностью революціонной идеѣ. Послѣ разгона Думы они не долго задумывались. Видя, что организація не въ силахъ быстро сплотить ихъ, организовать, вооружить и повести *прямо къ цѣли*, они стали, кто какъ могъ, бросаться въ бой. „Пойдемъ, и нашъ примѣръ увлечетъ другихъ! Сдѣлаемъ натискъ. Или намъ головы жалко“... „Нельзя“ такъ—го-

ворятъ имъ комитетчики,—нужна подготовка, нуженъ хоть какой-нибудь шансъ на успѣхъ". „Что-жъ? Работайте. Можетъ быть, вы и правы... Но намъ не втерпежъ ждать. Мы всѣ жданки переѣли. Вы организуйте, агитируйте, пропагандируйте, а мы постоянными нападеніями будемъ безпокоить врага и будить сознаніе въ нашихъ товарищахъ, воочію покажемъ имъ, что борьбу мы ведемъ за наше общее право, за нашу попранную снова свободу, во имя общаго блага, равенства и братства, во имя мести за несбывшіяся по милости правительства и капиталистовъ народныя надежды".

И они не жалѣли своей жизни. Во главѣ подобранной артели на нѣсколькихъ ловецкихъ лодкахъ отправлялись они на ловъ съ твердымъ намѣреніемъ не отступать передъ равной силой и по возможности противодѣйствовать силѣ большей. Были они въ черняхъ да заводяхъ, далеко отъ всякихъ жилыхъ мѣстъ, поддерживать сообщеніе съ городомъ не могли, городскіе же близкіе люди не имѣли средствъ установить сними постояннаго сношенія Поэтому никакимъ руководствомъ пользоваться не могли: дѣйствовали на свой страхъ и рискъ. Дѣятельно агитировали они среди товарищей—ловцовъи рабочихъ на промыслахъ. Обловъ продолжался, всѣ промысла наводнивооруженными стражниками, все устье Волги запѣнилось отъ винтовъ казенныхъ и частныхъ смотрительскихъ пароходовъ. Тогда эти подобранныя артели совершенно превратились въ „ушкуйниковъ", готовыхъ, какъ въ старыя времена, кричать: „Сарынь на кичку", но только теперь уже на начальство и рыбопромышленниковъ. Никакихъ грабежей ловцами не допускалось. Пошли частыя нападенія на пароходы. Стражники во многихъ случаяхъ отказывались и стрѣлять, и даже служить, а раза два допустили даже отобрать у нихъ оружіе. Газеты то и дѣло сообщаютъ о перестрѣлкѣ съ обловщиками чиновъ надзора и считаютъ полученныя послѣдними раны.

Счета же погибшихъ ловцовъ никто не ведетъ. Жизнь—копейка! Убитъ—въ морѣ. Только товарищи павшихъ безвѣстно кладутъ эти смерти на счетъ своимъ врагамъ.

До самыхъ заморозковъ плавали боевыя артели: тамъ сожгли баржи съ мазутомъ, принадлежащія рыбопромышленнику, тамъ уничтожили рыбницу, наполненную снастями, здѣсь отбили у богача цѣлый условъ или спалили часть промысловыхъ построекъ. И ничто не могло помѣшать этому акварному террору. И это только начало. Неизвестно, что принесетъ будущая весна. Что же касается зимняго лова, такъ—наз. аханнаго, то правительство заранѣе постаралось установить многія льготы, чтобы и ловцовъ успокоить, и престижъ свой поддержать: не вырвали—де у насъ, а мы сами дали, жалючи... Но врядъ-ли много помогутъ всѣ эти заигрыванія правительства съ нижне-волжскими ловцами. Ловецъ уже понялъ, чью руку держитъ правительство. Ловецъ уже почуялъ первый предразсвѣтный вѣтерокъ, новой, свободной, привольной жизни. Онъ уже тянется къ оружію... И нашъ долгъ, товарищи, не думской болтовней, а *дѣломъ* помочь ловцамъ съ наступленіемъ весны съ удесятиренной силой броситься *въ прямую борьбу* за землю, за воду, за полную волю всего трудового народа.

Рыболовъ.

На пароходѣ.

Разсказъ.

Ууу-ууу....—звонко несется пароходный свистокъ, перебѣгаетъ черезъ рѣку до другого берега, и громкимъ эхомъ отдается въ горахъ, гдѣ-то далеко, далеко замирая въ ущельѣ.

Надъ рѣкой стоитъ густой туманъ. По холодной водѣ скользятъ рыбачьи лодки, пристаютъ къ пароходу, къ песчаному, слегка подернувшемуся инеемъ берегу. Опять отплываютъ и гдѣ-то далеко скрываются въ туманѣ.

У пристани стоитъ причаленный пароходъ. Черная труба, слегка подавшаяся назадъ, дымитъ. Грузчики торопливо, одинъ за другимъ, согнувшись, кряхтя отъ тяжести, таскаютъ съ пристани, съ берега тюки, огромной величины ящики, длинныя желѣзныя полосы.

— Бабка, сторонись, не мѣшай...—Подмостки гнутся, трещатъ, работа кипитъ.

— Послѣдній пароходъ? Спрашиваетъ толстый, круглый, какъ шаръ, пристанщикъ.

— Послѣдній,—нехотя отвѣчаетъ капитанъ.

Опять раздается пароходный свистокъ, опять громкое эхо несется черезъ рѣку и трижды отвѣчаетъ пароходу. Низкорослый, коренастый матросъ съ бляхой на кожаной, безъ козырька фуражкѣ, ловитъ обрывокъ веревки, привязанной къ колокольчику, и звонитъ: разъ, два, три. Легкое дрожаніе пробѣгаетъ по воздуху. Пассажиры разомъ оживляются, торопливо покупаютъ газеты, пироги, булки, воблу; толкая другъ друга, бѣгутъ съ подмостковъ на пристань, хватаютъ свой багажъ, запи-

мають свободныя каюты, лавочки, нары. Надъ сонной рѣкой и берегомъ оживленіе. На пароходѣ шумъ, стукъ, плачъ, давка, крикъ,—все это смѣшивается въ какой-то смутный базарный гулъ.

— Фу-ухъ... Упарился, ажъ потъ прошибъ.

— Какъ чортъ тутъ возишься, а все толку нѣтъ...

— Пузатый чортъ, піявка ненасытная. Надулъ, ахъ ты...

Оборванные, съ красными, потными лицами, недовольные грузчики, сплевывя въ сторону, гуськомъ сходятъ на берегъ и ругаются. Тяжелый вздохъ машины рвется наружу, заглушая говоръ людей и бабій плачъ. Старуха, затертая въ толпѣ, горько, горько плачетъ.

— Прощай, сыночекъ, Тима...

Она крѣпко прижимаетъ къ груди своего сына - молодого парня въ короткомъ полушубкѣ, безъ шапки, съ нечесанной косматой головой.

— Остальный разъ... Прощай, мама. Не плачь... Може, живъ буду—пріѣду.

Слезы ручьемъ бѣгутъ изъ глазъ парня и крупными каплями катятся по его румянымъ щекамъ. Сынъ порывается уходить, нахлобучивая шапку, но мать хватается за сына и не пускаетъ изъ своихъ объятій.

— Остальный сынокъ, Тима-а!..

Сходни убираютъ. Толпа совсѣмъ отѣсняетъ старуху въ сторону. Сынъ еще разъ прощается съ матерью и прыгаетъ неуклюже прямо на бортъ.

— Эхъ ты, медвѣдь. Небось научатъ въ солдатахъ, выровняютъ.

— Полный!—съ мостика говоритъ въ мѣдный рупоръ капитанъ

Пароходъ съ шумомъ отваливаетъ отъ пристани, на которой машутъ платками, фуражками, шляпами. Съ парохода отвѣчаютъ тѣмъ же.

Старушка, съежившись въ своей старенькой, сильно поношенной курточкѣ смотритъ на удаляющійся пароходъ, желая разглядѣть среди толпы сына.

— Живъ буду—пріѣду-у-у... несется безнадежный го-

лось съ кормы. Слова ясно выдѣляются среди общаго шума и крика и больно ударяютъ по разбитому сердцу матери. И страшное, безпомощное рыданіе, отчаянный вопль вырывается изъ груди матери и вмѣстѣ съ причитаніемъ бѣжитъ за пароходомъ.

— Сыночекъ, Тима... Сыночекъ, родной... Кормилецъ, погубятъ на чужой сторонѣ... Злые вороги погубятъ... погубятъ...

Старушка качнулась впередъ, ноги подкосились и она упала безъ чувствъ,

А пароходъ быстро удаляется внизъ по теченію, глухо ударяя колесами по водѣ. Изъ пасти трубы выбрасываются вмѣстѣ съ искрами густые, черные клубы дыма, и застилая пароходъ, высоко, высоко—чуть не до самаго неба—подымаются надъ пробудившейся Волгой крутыми обрывистыми берегами, поросшими высокими и зелеными соснами, кленами съ падающими пожелтѣвшим и листьями и сучковатыми дубами. Пассажиры третьяго и четвертаго класса—торговцы, крестьяне, богомольцы, женщины съ ребятами,—кутаясь кто чѣмъ могъ, располагаются поудобнѣе на грязныхъ нарахъ, тюкахъ, лавочкахъ, на своемъ багажѣ, иные садятся за узенькіе зеленые, уже сильно загрязнившіеся столики, требуютъ кипятку и закусываютъ.

Тихонъ, согнувшись, сидитъ на своемъ сундукѣ и съ грустью смотритъ, какъ удаляются пестрыя красивыя горы съ зелеными соснами и глубокими ущельями. Все это родныя знакомыя мѣста, куда по зимамъ Тихонъ ходилъ съ ружьемъ на охоту и за валежникомъ. Смотритъ на другой берегъ: кругомъ сѣрые песчанные валы. Почти у самой воды ютятся рыбачьи землянки, въ которыхъ Тихонъ вмѣстѣ съ отцомъ прожилъ восемнадцать лѣтъ, переходя каждый годъ изъ одной землянки въ другую. Тяжелая жизнь была, голодная, холодная, а Тихону жалко теперь покидать родныя мѣста. Сердце у него больно защемило, становилось грустно, грустно и жутко и страшно передъ новой, непонятной солдатской жизнью, вдали отъ родного дома среди чуждыхъ людей.

Пароходъ бѣжитъ и бѣжитъ; знакомые берега медленно плывутъ въ одну сторону и прячутся отъ Тихона въ туманной дали. Съ убитымъ видомъ Тихонъ подходитъ близко къ борту и долго смотритъ, какъ цѣна кружится, какъ колеса торопливо хлопаютъ по водѣ какъ валы одинъ за другимъ бѣгутъ къ берегамъ и, ударившись о каменный берегъ, расшибаются и обращаю въ бѣлую пѣну. Изъ-за горы показывается блѣдное солнце. Туманъ слегка разсѣивается. Небо сѣрое, скучное. Негрѣщее солнце прячется въ свинцовыхъ, осеннихъ облакахъ. Капитанъ мѣрными шагами ходитъ на мостикѣ. Изъ столовой I-го класса несется веселый хохотъ, звонъ хрусталя и тарелокъ. Тихонъ достаетъ изъ сумочки лепешку и, прихлебывая водицей, равнодушно жуетъ. Мѣрными шагами возлѣ Тихона ходитъ солдатъ въ новенькой сѣрой шинели, на груди болтается круглая серебрянная медаль на красной лентѣ. Лицо его задумчивое, какъ у Тихона, но не грустное. Солдата не мучаютъ тяжелыя думы о невѣдомой солдатской жизни, нѣтъ,—все это онъ пережилъ, а теперь онъ живетъ пріятными картинами о домѣ, какъ онъ встрѣтится съ женой, матерью, отцомъ и сыномъ Васюткой. Сосѣди будутъ завидовать ему. А онъ будетъ важничать и... много поразскажетъ того, что не знаетъ деревня, гдѣ онъ былъ, что видѣлъ, какія заслуги получалъ отъ начальства. Солдатъ улыбнулся, посмотрѣлъ на часы, потрясъ цѣпочкой и съ важностью опять спряталъ за пазуху и опять зашагалъ, съѣдаемый нетерпѣніемъ, когда-же, наконецъ, пароходъ причалитъ къ пристани родного села. Время тянется медленно, скучно, однообразно. Вѣтеръ холодными струйками тянется по пароходу. Тихонъ всталъ, поскребъ свою косматую голову, сталъ бродить по пароходу возлѣ тюковъ, спящихъ и сидящихъ пассажировъ. Жгучая боль немного какъ будто улеглась.

Тихонъ останавливается погрѣться возлѣ машиннаго люка. Движущіяся безпрерывно части машины приковываютъ Тихона. Подходятъ сюда же нѣсколько мужиковъ, равнодушно оглядываютъ пассажировъ, брезгливо окиды-

ваютъ проходившаго солдата, который важно продолжалъ расхаживать по пароходу. Одинъ изъ мужиковъ хлопнулъ по плечу Тихона.

— Што? закручинился, въ солдаты небось... не ропь: внутреннихъ враговъ усмиришь, вишь—получилъ за это медаль. И ты тоже заслужишь...

Ѣдкая улыбка скользнула по лицу говорившаго кудластаго мужика въ полушубкѣ, лаптяхъ, въ дырявой шапкѣ изъ вязенки—по виду это былъ волжанинъ-рыбакъ. Тихону какъ будто кто кольнулъ въ сердцѣ, и замѣтная злоба пробѣжала по его лицу... Онъ отвернулся, нахлобучивъ низко на лобъ свою шапку, и опять загрустилъ.

— Што не ндравится небось?

— Да будетъ тебѣ, Митрій, што ты присталъ къ нему, чай человѣку не до тово, а ты еще тово... разстройство дѣлаешь!

Мужики долго смотрятъ внутрь, откуда не переставая раздавался тяжелый вздохъ машины, которая послѣ любознательныхъ замѣчаній становится предметомъ оживленнаго разговора. Тихонъ, молча, опрокинувъ голову черезъ перила, не отрывался отъ вертѣвшагося вала.

— Вотъ ты, Митрій, и смотри—вѣдь хитрость человѣческая, надо все это тово—приладить, пригнать и пустить въ ходъ.

— Ну и сила.

— Да!—поддакиваетъ кудластый мужикъ,—значитъ человѣкъ подчинилъ природу и ищо не до тово додумается.

— На то человѣкъ—царь природы, все ему корись.

— Додумался это онъ, значитъ, и приказываетъ служить и приносить человѣку пользу. Природа рабъ, человѣкъ—господинъ. Небось теперь тянулъ бы лямку отъ Ставрополя до дому-то, а тутъ на пароходѣ въ двое сутокъ докатимъ.

— На машинѣ я ѣздилъ—тамъ скорѣе.

— Все единственное, значитъ, паромъ двигается, такъ ужъ устроено, придумано, не только...

— Што только?—спросилъ мужикъ съ рыжей бородкой, длинными жидкими волосами, худой.

— Все это въ чужихъ рукахъ.

— Тоись?

— У капиталистовъ, да у разныхъ князей въ рукахъ.

— А какъ же?

— Да также. Вѣдь человѣкъ же все это придумалъ, може всю жизнь жилъ наукой, все думалъ для пользы человѣческой, сдѣлалъ открытіе, примѣрно, паръ, электричество и прочее.

— А што толку-то въ твоемъ пару-то и электрич.... рыжая бородка запнулся и жадно произнесъ: „вотъ земли-бы"!..

— Земли, земли, какъ намъ безъ земли, безъ кормилицы...—заговорило нѣсколько голосовъ.

— Земли, земли,—передразиилъ кудластый мужикъ,—глупая твоя башка, дожили до сѣдыхъ волосъ, а не понимаютъ... Ты вотъ скажи: ѣздилъ ты прежде на машинѣ или на пароходѣ?

— Нѣтъ.

— То-то вотъ и есть! Человѣкъ не зналъ секрету, а теперь открылъ, т. е. силу паръ, сила здоровая, поздоровѣе всѣхъ насъ, двигаетъ что угодно; тоже и электричество: оно все движетъ да ищо свѣтитъ. Капиталистъ или государственный человѣкъ закупилъ этотъ секретъ, построилъ машины, корабли на морѣ, пароходы на Волгѣ и... полный, значитъ хозяинъ.

— Ты ѣдешь теперь на пароходѣ.

— На то я и денежки заплатилъ и ѣду, я самъ себѣ хозяинъ...—рыжая бородка съ важностью воображаемаго хозяина сплюнулъ на крутившійся колѣнчатый валъ.

— Въ жисть ни разу не платилъ и не заплачу.

— Што съ тебя голаго возьмешь!

— Въ шею два раза колонутъ и ладно.

— А вотъ!—молодой плечистный деревенскій парень показалъ кулакъ,—теперь не тѣ времена, штобъ сносить. Нѣтъ денегъ, и не плачу.

— Да не въ томъ рѣчь—платишь или не платишь,— кудластый мужикъ съ осмысленнымъ выраженіемъ на смугломъ лицѣ продолжалъ развивать свою мысль.

Потирая руками, ежась отъ холода, подходили торговцы, бабы съ ребятами погрѣться около горячей трубы. Кто слушалъ внимательно, кто равнодушно смотрѣлъ, какъ перекидывается плавно колѣнчатый валъ, кружились то прячась, то выскакивая стальные стержни.

— Все это я къ тому веду, штобъ ты, значитъ, понялъ, вникъ. Вѣдь ученый человѣкъ, когда открываетъ силу, то онъ думаетъ — чай не одни богачи будутъ властвоваться его трудомъ, а всѣ бѣднѣющіе. Вѣдь это наука, а наукой надобно равно пользоваться. А выходитъ наоборотъ. Наука въ рабствѣ у капиталиста, и человѣкъ—рабъ у него. Вѣдь и ее бельгійскій же рабочій сдѣлалъ на заводѣ. Привезли по желѣзной дорогѣ, а кто желѣзную дорогу строилъ, а? Все тотъ же мужикъ, рабочій народъ. Поставили на мѣсто. А вотъ этотъ корпусъ кто выстроилъ?—опять рабочій народъ. Мужики и лѣсу навозили, досокъ напилили, мастера все это пригнали. Гляди—вотъ те пароходъ, и плывемъ. А кто ему хозяинъ, а?

— Кто денежки потратилъ.

— А по моему мнѣнію, тотъ хозяинъ, кто трудился, чьи руки сработали, вотъ кто!

— Капиталъ сила, онъ всѣми дѣлами ворочаетъ.

— Все, все въ рукахъ у капитала, рабы у капитала— заговорили мужики, чернорабочіе мѣщане.

— Капиталъ сила, это вѣрно,— спокойно продолжалъ говорить кудластый мужикъ, поглаживая черную бороду: — все же люди создаютъ капиталъ, людямъ онъ долженъ принадлежать, а не капиталисту. Сколько онъ этого капиталищу соберетъ. А мы знай плати и плати.

— Всю жизнь плати и сдохнешь—плати.

— Податься некуды!

— Терпежу нѣтъ. Земли бы, да начальства поубавить!

— Когда же получать то будемъ?

— На томъ свѣтѣ, тамъ на небѣ съ наградой воздастся, а тутъ терпи. корись и плати.

Разговоръ становился все оживленѣе. Подошли торговцы. Потирая руки отъ холода, подошелъ и вмѣшался въ разговоръ какой-то фабричный рабочій, низенькаго роста, среднихъ лѣтъ, съ коричневымъ лицомъ темными глазами, маленькой, черной бородкой. Маленькая фигура, обтянутая короткимъ пиджакомъ, въ высокихъ сапогахъ, казалась кремниссой. Онъ часто потряхивалъ головой, какъ будто пробовалъ, не слетитъ ли съ его круглой, какъ арбузъ, головы, маленькая кепка.

Мужики съ деревенскими оборотами говорили, не стѣсняясь окружающихъ пассажировъ, которые сгрудились возлѣ трубы.

—Рабы мы были у помѣщиковъ и теперь мы рабы у чиновниковъ да у капиталистовъ. Образъ людской стерли съ насъ, на людей не похожи. Правовъ нѣтъ!

— Знамо, рабы, безсмысленные рабы, корись, плати, повинуйся начальству, свово слова не имѣй, начальство-де за тебя скажетъ, а ты скотина безсловесная. Знай одно: молчи и плати. А сопротивишься—вотъ они...— мужикъ качнулъ головой на ходившаго взадъ и впередъ солдата. Тимофей, забывъ свою кручину, былъ совершенно поглощенъ разговоромъ.

— Рабы растутъ въ числѣ, познаютъ правду и не потерпятъ господъ, сбросятъ ихъ,—заговорилъ бойко, тонкимъ голосомъ, фабричный рабочій.

— Скованы, не пробьешь, силушки нема,—безнадежно произнесъ мужикъ съ малороссійскимъ акцентомъ.

— Нѣтъ, пробьешь. Эхъ ты!.. Рази все это такъ будетъ?—все тѣмъ же тонкимъ голосомъ говорилъ рабочій.

— Богомъ устроено, такъ до скончанія вѣка... Одному народу написано торговать, другому пахать, третьему служить... Такъ каждый трудится по своему таланту,— хриплымъ голосомъ проговорилъ торговецъ.

— Капиталистъ трудится, а? Земскій трудится, а? Попъ трудится, а? Всѣ вы дармоѣдники, сидите на пле-

чахъ у мужиковъ и рабочихъ, даромъ получаете, чужимъ трудомъ живете... Народу-де написано—все это обманомъ завладѣли. А то Богъ, Богъ... Нечево зря-то Бога совать. Тутъ не божеское, а человѣческое. Вишь пузо-то отвисло...

Всѣ засмѣялись, сконфуженный торговецъ отошелъ въ сторону и обругалъ рабочаго „крамольникомъ“.

— Эхъ вы.., корись, корись... Рази не видите, што конецъ всему этому приходитъ? Всѣ, всѣ поняли—жить такъ некуда.

— Куда тутъ, хоть въ гробъ ложись и крышка. Или вотъ взять этакъ всѣмъ міромъ.

— Да што брать-то?

— Все, что создано руками человѣка: заводы, фабрики, желѣзныя дороги, пароходы, землю и всѣ угодья — все это должно принадлежать не капиталистамъ, а обществу, всему народу. Чтобы, значитъ собственниковъ не было, а все-бы это было общее... Каждый трудится, каждый получаетъ по труду.

Рабочій тряхнулъ головой и искалъ новыхъ мыслей въ головѣ, но его перебилъ кудластый мужикъ, негодуя на безтолковаго сосѣда.

— Што, што, рази не знашь, што? Што ты дѣлалъ все лѣто? Чужому дядѣ хлѣбъ косилъ, а чего ты получилъ?—три алтына да... пропьешь дорогой съ горя, а тамъ жена, дѣти голодныя. Съ сумой пойдешь. Земля нужна, вотъ што! Новый порядокъ Тогда будетъ жисть наша человѣческая, а не скотская...

— Эхъ, штрафы да штрафы. Заграбастали графы матушку всю рыбку. Воли нѣтъ. Эхъ, какъ бывало, преже, а нонѣ... Хоть бы маленько послободнѣе насчетъ рыболовства.

Рабочій оглянулъ опять всѣхъ радостнымъ взоромъ Онъ какъ будто готовился сказать что-то важное, сразу понятное для всѣхъ окружающихъ, которымъ только стоитъ подумать, какъ это все просто, чтобы съ общаго согласія объявить себя хозяевами труда и всѣхъ богатствъ въ мірѣ.

— Братцы, вся сила въ насъ... вотъ машина, пароходъ, вотъ лѣса, земля, копи, лѣсопилки, заводы... Все это мы своимъ трудомъ создали, посему и намъ принадлежитъ,—трудовому народу. Вся сила въ насъ, да кабы согласіе, ухъ, все бы завоевали.

— Правильно, вѣрно! — Поддакнуло нѣсколько голосовъ.

— Кто намъ дастъ, кто поможетъ? Только на себя надѣйся да на свою силу. Видите, въ чемъ дѣло, чево тутъ не понять. Человѣкъ работаетъ, трудится, значитъ, онъ и хозяинъ своего зяработаннаго. Значитъ, по-Божьи: вся земля народу, фабрики и заводы—народу, а капиталистамъ—по шапкѣ. А штобъ не зародились чумазые— тѣ же капиталисты, собственность на землю и всѣ угодья, заводы, фабрики—отмѣнить, все бы было общее, каждый могъ бы трудиться и получать свое заработанное. Вотъ гдѣ новая жизнь, полная свобода, равенство. Эхъ вѣдь вся сила въ насъ, кабы захотѣть, понять всѣмъ,—улетѣли бы дармоѣдники, имъ не мѣсто въ свободномъ государствѣ. Рабочій, трудовой народъ—господинъ своего труда, хозяинъ въ своемъ отечествѣ.

— Все это ладно, да не прошибешь—стѣна крѣпкая. Вотъ онъ шубнякъ то! Научатъ стрѣлять, погонятъ на насъ, у нихъ сила большущая...

— Я-то, да рази я басурманъ, я вотъ-те Христосъ, клянусь Богомъ, а на невиннаго брата руку не подниму!— Тимофей, весь дрожа, вдругъ оживился, глаза запрыгали и искали у мужиковъ и рабочаго одобренія.

— Присягу далъ, противъ Бога, ахъ ты молокососъ...

— Вотъ оно, казарменное зелье, всѣхъ солдатъ съ толку собьетъ, и чево правительство только смотритъ.

— Конечно! Всѣхъ бы ихъ въ тюрьму, штобъ народъ зря не мутили,—поддержалъ купца монахъ въ черномъ одѣяніи.

— Вамъ хорошо, вишь поддевочка суконная, а ты-то што дѣлаешь, вѣдь даромъ деньги получаешь, клянчишь... дармоѣдники! Монахъ что-то хотѣлъ сказать но промолчалъ.

— Почуяли, конецъ имъ приходитъ...

Толпа увеличивалась, говоръ становился все громче и громче. Раздавались насмѣшки, укоры по отношенію къ тѣмъ, кто несогласно съ рабочимъ думали.

— Я бы голову отдалъ за землю.

— Да рази я подниму руку на брата? У меня отца посадили, да рази!..

— Вотъ смотрите, вѣдь оно и много такихъ, всѣ эти полушубки дѣти наши - стѣна! нѣтъ! она гнилая, вся сила, братцы, въ насъ, только согласіе, да... ахнемъ разомъ.

— Разомъ, напоромъ — все лопнетъ, прахъ одинъ останется... Споръ разгорался и превращался въ бурю.

— Да рази я въ своихъ-то стану!—выкрикнулъ молодой деревенскій голосъ изъ толпы.

— Знамо дѣти наши.

— Помолчи!

— Вся сила въ насъ—эхъ кабы согласіе да разомъ.

— Разомъ, разомъ!!.

— Крамольники, безбожники!—кричалъ, отходя прочь, монахъ.

— Знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

— Хо-хо-хо!—засмѣялось нѣсколько голосовъ.

Шелъ контроль. Толпа разбредалась, вынимая изъ карманов билеты. Капитанъ стригъ, а матросы заглядывали подъ скамейки. Тихонъ сидѣлъ на сундукѣ, повѣсивъ свою лохматую голову. Солдатъ сидѣлъ за маленькимъ столикомъ. Мужики опять собирались, обмѣниваясь мыслями.

— Солдаты тоже поднялись, слышишь, эй, хохолъ. Солдаты, молъ, поднялись.

— Гдѣ намъ слышать, за работой, въ степи матушкѣ, слышь... Слова не услышишь.

— Матросы поднялись за народъ супротивъ начальства...

— Гдѣ намъ.

— Нѣтъ тутъ хорошаго, въ бунтовствѣ. Ну, ну усмирили, что толку-то?..

Солдатъ не вытерпѣлъ и вмѣшался въ разговоръ.

— Толкъ большой,—издалека говорилъ кудластый мужикъ: за народъ поднялись, терпежу нѣтъ, супротивъ, значитъ, внутреннихъ враговъ, всякаго начальства. Ишь ихъ сколько расплодилось, какъ комаровъ въ голодный годъ.

— Мало ли што, все одно не полагается бунтовать: законъ не позволяетъ.

— А кто законъ-то написалъ, а? Тотъ же начальникъ въ союзѣ съ попомъ, вотъ кто!

— Просьбой надо.

— Нѣтъ, довольно просили, теперь потребуемъ. Ишь все одно, разбойники ворвались и безобразятъ, безобразятъ у насъ на родинѣ, Гдѣ это видно, гдѣ это слыхано!

— Ужасти, што дѣлаютъ... Казачишки проклятые понаѣхали, сколь людей перепортили...

— Къ намъ какъ понаѣхали, точно Мамаево нашествіе...

— Э... У насъ такая пальба была!..

— Всю деревню спалили, прокляты. И Бога не признаютъ, бѣда... Только вотъ взять да на колья!

— Да какъ же это такъ? зачѣмъ?—по лицу солдата пробѣжало не то удивленіе, не то безпокойство.

— А ты откуда самъ-то?—примирительнымъ тономъ, но не безъ задней мысли спросилъ мужикъ.

— Я-то?

— Да!

— Я изъ Минской, на усмиреніи былъ... Эй, половой, кипяточку!..—Солдатъ покрутилъ усы, небрежно оглянулъ жужиковъ и рабочаго, сѣлъ на скамейку за маленькій столикъ. Мужики сѣли неподалеку на канатахъ, мѣшкахъ и около машиннаго отдѣленія.

— Садись, попьемъ чайку, чево закручинился, вѣдь я тоже горевалъ да привыкъ, думалъ—Богъ знаетъ што, а вотъ и домой ѣду съ заслугой... Чай, дома ждутъ, не дождутся, а я нарочно не писалъ, разомъ нагряну. Садись, паря.

— Эхъ ты, служба царская, распроклятая! Залью кипяткомъ свое горе и... прощай, мой кровъ родной, не воротишься домой.

Тимофей сплюнулъ въ сторону, досталъ изъ сундучка чай съ сахаромъ, сѣлъ рядомъ съ солдатомъ, который поддерживалъ лѣвой рукой медаль на груди, а правой наливалъ въ стаканъ чаю

— Изъ Минской, говоришь?—подкладывая чай, сказалъ Тимофей.

— Да. Ѣду домой, соскучился по Волгѣ, такъ тянетъ... Весной надо бы пріѣхать, да жиды съ хохлами забунтовали... Да ты смѣлѣй наливай, кипятку хватитъ, намъ вездѣ безплатно... Садись и ты, парень. Холодновато, погрѣйся. Рабочій отказался отъ чаю.

— Побывалъ... Радъ узнать про родную губернію.

Начались разспросы. Мужики съ любопытствомъ прислушивались къ разговорамъ.

— По доброй волѣ ѣздили на усмиреніе?

— Начальство приказало, предписали отъ главнаго командира... Меня тово... съ десятой ротой командировали... Водили къ присягѣ, цѣловали крестъ и Евангеліе, чтобъ, значитъ, соблюсти присягу...

— Я супротивъ начальства пойду, а не дамъ присягу и шабашъ! Вотъ убей, зарѣжь, а въ своихъ стрѣлять не пойду!

— Нѣтъ шалишь. А не хочешь въ дисциплинарный баталъонъ, а то и подъ разстрѣлъ... Ну, пріѣхали мы въ хохлацкое село... Солдаты сами чуть не взбунтовались. „Это, говорятъ, супротивъ народа“. Ну, вотъ какъ онъ: всѣ изъ молокососовъ.—А, подъ разстрѣлъ, на каторгу хотите!—закричалъ офицеръ. Успокоились... Изъ-за этого мужичья насъ задержали на цѣлыхъ три мѣсяца... Пріѣхалъ губернаторъ, собрали сходъ. Мы зарядили ружья,

стоимъ поодаль. Губернаторъ уговариваетъ: не бунтуйте. Мужики кричатъ: „Начальству не коримся, земля-де наша"!

— Знамо, земля мужичья. Ахнули бы эфтова губернатора, а то ищо разсуждать, спо̀рить...

— Да стой же ты горячиться, слухай!

— Што земля мужичья, это правильно, я самъ за это стою, да бунтовать не полагается, землю бери, но только не бунтуй... Ну, долго кричали; намъ не разобрать. Видимъ, губернаторъ махнулъ рукой. Офицеръ намъ говоритъ: „Стойте, братцы вѣрнѣе, а то"... Самъ вынимаетъ шашку наголо. „На прицѣлъ"—скомандовалъ офицеръ. Сердце такъ и екнуло у меня. Сначала все храбрился, думалъ—выслужу крестъ или денежную награду, а тутъ бы послѣднюю рубашу отдалъ... Жалко стало: хотя и хохлы, да все же свой человѣкъ, чай, не японецъ... Не помню, какъ это курокъ спустился... вижу сквозь дыму—валяются мужики, корчаются, кровь льется, плачутъ, стонутъ... Эхъ, думаю, все ужъ равно, и бросились на штыки, здорово чесали. Офицеръ голой шашкой лупилъ прямо по башкамъ... Здорово мучили. Хватишь этакъ штыкомъ въ грудь или въ спину, ажъ хрустнетъ и повалится, какъ снопъ... Начнетъ землю царапать, хватаетъ зубами и съ кровью вмѣстѣ плюетъ... Глаза злые, бѣшеныя... Кричитъ: „помилуй"! Бросишь его, хватишь другого. Падаютъ на колѣни... И... хитры... начинаютъ Богу молиться, штобъ, значитъ, не трогали. „Рази, говорятъ, ты не вѣруешь въ Бога?" Въ Бога-то вѣримъ, да начальство теперь повыше Бога. Подъ разстрѣлъ не хочешь?.. Ну прикончишь его, штобъ не корчился... глаза не мозолилъ... Вечеръ—нашему брату лафа... Куръ, яйца, масла, а дѣвки... Эхъ! Жисть въ волю... Офицеръ не препятствуетъ... Только смѣется и похваливаетъ: „Молодцы ребята, вижу, што умѣете бороться съ внутренними врагами", а мы: „Рады стараться"! Сейчасъ по чаркѣ водки...

— За душу-то живую...

Солдатъ скользнулъ взглядомъ въ ту сторону, откуда

были сказаны обидныя слова, и встрѣтилъ проницательные глаза рабочаго, злые, полные презрѣнія, и ему сдѣлалось непріятно, оскорбительно. Онъ хотѣлъ было обругать сквернымъ словомъ обидчика, но сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ и продолжалъ:

— Нашей ротѣ, всѣмъ, кто отличился, по нашивкѣ... Потомъ поляковъ усмиряли... Тутъ я награду получилъ, медаль...

— На красной лентѣ—братская кровь, на ней, людская кровь, невинная... Убійца! Никогда не смоешь крови.—Рабочій уничтожающе посмотрѣлъ на солдата и отошелъ прочь.

— Не смыть, не смыть крови,—заговорили мужики.

Солдату показалось такъ обидно, что, сжавъ кулаки, онъ готовъ былъ броситься вслѣдъ за рабочимъ и ударить его. Это крамольникъ—подумалъ онъ и двинулся впередъ. Но мужики сдвинулись къ столу, и каждый изъ нихъ на перебой говорилъ свое слово.

— Басурманъ ты, въ своихъ братьевъ стрѣлялъ.

— Братоубійца, однимъ словомъ.

— Самъ чай изъ мужиковъ и оружіе противъ насъ же, ищо бахвалится, Каинъ!

— По правдѣ надо, а онъ: „стрѣляй“! Эхъ ты, Каинъ!

— Отъ японцевъ куропатками летѣли, а на безоружныхъ орлами налетѣли.

Солдатъ былъ ошеломленъ. Безсмыленные сѣрые глаза тупо смотрѣли то на одного, то на другого сосѣда, и ни въ чьихъ глазахъ не было сочувствія. Онъ посмотрѣлъ на Тимофея, который въ это время уже стоялъ поодаль и, закусивъ губу, искоса посматривалъ на него. Онъ думалъ въ его взглядѣ встрѣтить сочувствіе, но ошибся, и лицо его потемнѣло отъ злости.

— Стойте, я ему докажу, вѣдь я тоже солдатъ завтра. Завтра запрутъ въ казармы, надѣнутъ чортову кожу изъ кислой шерсти... Стой, не перебивай... Мы начнемъ издалека. Ты здѣшній?

— А тебѣ какое дѣло? Чево ты храбришься?

— Нѣтъ, по совѣсти говори, откуда?

— Ну, изъ Черкасовъ.

— Ага! Вотъ оно такъ тутъ и надо.

— Письмо получилъ?

— Нѣтъ.

— Значитъ, командиръ вашъ печку ими растоплял.. а васъ на усмиреніе посылалъ.

— Ты зубы-то не заговаривай!

— Въ Черкасахъ страженіе было, ажъ жарко было.

— Вѣрно, въ Черкасахъ здоровая перестрѣлка был..

— А што было—бяда!

— Какъ? Што?—Какое-то смутное безпокойство пр.. бѣжало опять по лицу солдата. Онъ уже былъ мирно н.. строенъ и самъ началъ разспрашивать, что случилось в.. Черкасахъ.

— Вся Волга взбунтовалась. Землю стали забират.. ну, черкасцы первы возстали и забрали у Марты.. землю, а рыбаки отказались ренду платить, всѣ рыбн.. снасти забрали и... раздолье. Свое правленіе избрали...

— За што, за што стрѣляли?

— Вотъ за это самое и есть... Ты минскихъ муж.. ковъ убивалъ, а эстлянскій полкъ у насъ безобразил.. я самъ пострадалъ, отецъ теперича сидитъ въ тюрь.. агарникъ. Меня тоже погонятъ на усмиреніе, а разя подниму руку, какъ ты, а?

— Вѣрно, какъ можно въ своихъ-то, лучше супр.. тивъ начальства.

— Тимофей продолжалъ нервно, отрывистыми сл.. вами укорять солдата, какъ безумно поднимать оруж.. противъ народа.

— Подъ разстрѣлъ пойду, а не буду, какъ ты, уб.. цей!

Тимофей повернулся и пошелъ на корму, гдѣ соб.. лись всѣ мужики и пѣли „Вставай, поднимайся рабо.. народъ“... Мощные звуки свободной пѣсни громко раз.. сились по пароходу.

Солдатъ мрачный, съ какимъ-то тяжелымъ чувством.. молча опустился на скамью. Онъ ощущалъ какую-т..

боязливую вражду къ этой толпѣ, особенно къ рабочему и рекруту, которые сейчасъ съ веселымъ видомъ громко пѣли. А внутри, подъ ложечкой какъ то больно заныло, какимъ-то предчувствіемъ невѣдомой бѣды. И онъ мысленно перенесся домой. А вдругъ, что съ женой. Нѣтъ, онъ убьетъ ее тогда.... И тутъ же кто-то шепталъ: за что? Ты самъ то-же самое дѣлалъ, зачѣмъ убивалъ людей, зачѣмъ позорилъ женщинъ?... А вдругъ отца убили? Можетъ быть, онъ тоже ползалъ передъ эстляндцами, хваталъ зубами землю и выплевалъ ее вмѣстѣ съ вышибленными зубами и кровью.... Сердце у солдата еще больнѣе защемило, запрыгало. Въ душѣ у него уже не было обиды на крамольника-рабочаго, нѣтъ, теперь въ его головѣ была одна и та же дума, какъ бы не встрѣтить дома бѣду вмѣсто радости.

„Вставай, подымайся, рабочій народъ“—пѣла дружнымъ хоромъ толпа. Глаза солдата невольно устремились на мужиковъ, и онъ опять встрѣтилъ ѣдкій, пронизывающій взглядъ рабочаго, который укоризненно смотрѣлъ прямо на его грудь, на которой висѣла медаль. А рядомъ стоялъ рекрутъ и весело въ тактъ пѣсни качалъ головой. „Это кровь людская на ней“—будто шепталъ кто-то на ухо солдату, на глазахъ у него навертывались слезы. Онъ всталъ, повернулся къ толпѣ спиной, снялъ медалъ и незамѣтно для другихъ вышвырнулъ ее за бортъ.

„Раздайся кличъ мести народной“...—гремѣла на весь пароходъ марсельеза.

Снизу шелъ пароходъ. Прогудѣлъ свистокъ. Ему откликнулся другой. Два грузныхъ парохода повстрѣчались. Высоко поднялись стеклянные валы, налетѣли другъ на друга, какъ враги, ударились и расшиблись. И только густая пѣна осталась позади... Пароходъ полнымъ ходомъ шелъ возлѣ каменной отвѣсной стѣны въ безконечную туманную даль.

Валерьянъ Невольникъ.

Ростъ максимализма.

Съ максимализмомъ борятся, противъ него выступили самыя лучшія силы минималистовъ, но это не мѣшаетъ непрерывному росту этого теченія въ средѣ... партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Въ этой бѣглой замѣткѣ мы приведемъ лишь нѣсколько *оффиціальныхъ* документовъ, подтверждающихъ наше утвержденіе. Эти документы всякій, интересующійся идеей максимализма, степенью ея жизненности и распростаненности, можетъ найти въ „партійвыхъ извѣстіяхъ“, издаваемыхъ Ц. Ком.... партіи с-ровъ.

По вопросу объ особенностяхъ программы для Урала. Съѣздомъ (9 противъ 3 воздержавшихся) принята слѣдующая резолюція:

„Принимая во вниманіе особенности положенія Уральскаго населенія, являющагося въ одно и то же время и заводскимъ рабочимъ классомъ и крестьянами—землевладѣльцами; принимая во вниманіе, что уральская заводская промышленность до самаго послѣдняго времени или поддерживалась исключительно казенными заказами, или же имѣла своимъ рынкомъ главнымъ образомъ Сибирь; принимая во вниманіе отсталость и примитивность техники крупныхъ промышленныхъ предпріятій Урала; принимая во вниманіе паденіе частной промышленности Урала и жалкое положеніе такихъ устарѣлыхъ формъ владѣнія, какъ казенныхъ, такъ и поссессіонныхъ,—съѣздъ высказывается за необходимость ближайшей хотя бы и постепенной передачи падающей промышленности на Уралѣ въ хозяйственное завѣдыва-

ніе демократически организованныхъ мѣстныхъ и областныхъ самоуправляющихся единицъ. (Смотря по широтѣ обслуживаемаго района)".

„Кромѣ того Съѣздъ считаетъ нужнымъ добавить къ этому, что такая мѣра—муниципализація и коммунизація фабрикъ и заводовъ съ соціализаціей земли могла бы быть принята на тѣхъ же основаніяхъ и для всей Россіи, т. е. должна бы быть включена въ нашу партійную программу—минимумъ по рабочему вопросу" [„Партійныя извѣстія" № 1 стр. 23].

Эта резолюція въ духѣ максимализма, выставившаго требованіе соціализаціи фабрикъ и заводовъ, носитъ, такъ сказать, програмный характеръ. Помимо этого, мы приведемъ еще нѣсколько резолюцій, подтверждающихъ правильность тактической позиціи с-р-м-овъ.

Резолюціи Харьк. Губ. Съѣзда крестьянъ и крестьянскихъ работниковъ П. С.-Р. 23 окт. 1906 г.

1. „Полагая, что всеобщее возстаніе трудового крестьянства, рабочихъ, войскъ и интеллигенціи есть единственное средство добиться Земли и Воли и что вооруженное возстаніе, какъ послѣднее рѣшительное выступленіе трудящагося народа,—неизбѣжно, Харьк. Губ. Съѣздъ крестьянъ и крестьянскихъ работниковъ П. С.-Р. считаетъ необходимымъ направить всѣ усилія для подготовки крестьянства къ вооруженному возстанію, разъясняя ему необходимость послѣдняго и развивая въ немъ боевую готовность путемъ террористическихъ актовъ и партизанскихъ дѣйствій.

2. Понимая подъ партизанскими дѣйствіями самостоятельную борьбу организованнаго крестьянства съ правительствомъ, выражающуюся въ нападеніяхъ отдѣльными лицами и группами. На шпіоновъ, стражниковъ, урядниковъ, становыхъ, земскихъ начальниковъ и другихъ правительственныхъ лицъ, съѣздъ крестьянъ и крестьянскихъ работниковъ Харк. Губ. считаетъ, что

партизанскія выступленія могутъ, значительно ослабляя правительство, усилить революціонное движеніе народа, его стойкость и подговленность къ боевымъ дѣйствіямъ, а потому широкое развитіе партизанскихъ выступленій является необходимымъ. Признавая отсутствіе этого способа борьбы въ настоящее время въ предѣлахъ Харк губ., съѣздъ высказался за необходимость выступленія боевыхъ дружинъ, которыя своимъ примѣромъ могутъ подготовить партизанскія дѣйствія". [Парт. Изв. № 5 стр. 10).

***

Резолюція меньшинства (7 противъ 10) Сѣв.-Кавказ. Обл. Съѣзда по вопросу о выборахъ въ Государственную Думу.

„Считая, что Дума является правительственнымъ учрежденіемъ, находящимся въ его власти и подъ его контролемъ и, какъ всякое учрежденіе, вытекающее изъ самодержавнаго режима, имѣетъ въ виду не пользу народа, а его бо̀льшее закрѣпощеніе и служитъ въ рукахъ правительства средствомъ затемнѣнія классового самосознанія народа и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ способомъ побудить Западную Европу дать новый заемъ русскому правительству для дальнѣйшей борьбы съ освободительнымъ движеніемъ; принимая также во вниманіе значительныя ограниченія избирательнаго права даже по сравненію съ прошлой Думой и наличность безправія и военно-полевыхъ судовъ, меньшинство считаетъ противорѣчащимъ основнымъ принципамъ революціонной тактики принимать участіе въ подобномъ учрежденіи, рекомендуя партіи не поддаваться настроенію мало сознательной части крестьянскаго населенія, но идти впереди массъ, открыто и стойко указывая населенію, что правительство собирая думу, имѣетъ въ виду еще разъ обмануть народъ и выиграть время и что не поддержки, презрѣнія народа заслуживаютъ всѣ ухищренія самодержавія и что народъ долженъ вырвать власть силою,

не вступать въ рабскія условія на пути парламентаризма. Меньшинство находитъ, что тактика бойкота, столь повысившая престижъ партіи въ минувшемъ году, должна быть проведена съ еще большимъ основаніемъ и что она имѣетъ наряду съ ея разумностью и послѣдовательностью еще большее агитаціонное значеніе, чѣмъ слабые голоса думскихъ хотя бы и партійныхъ ораторовъ, раздающихся съ трибуны, окруженной штыками и пулеметами и ослабленной буржуазными мнѣніями кадетовъ. Меньшинство полагаетъ, что разгонъ будущей думы вполнѣ обезпеченъ участіемъ въ ней кадетовъ и соціалъ-демократовъ, почему и не считаетъ необходимымъ участіе въ этой дѣлью партійныхъ работниковъ соціалистовъ-революціонеровъ.

Число т. наз. бойкотистовъ было довольно значительнымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ № 2 „партійныхъ извѣстій“. „Изъ сообщеній, давшихъ вообще очень пеструю картину, выяснилось то общее положеніе, что въ комитетахъ и др. центральныхъ мѣстныхъ организаціяхъ сторонники бойкота встрѣчаются въ значительномъ числѣ, иногда даже преобладаютъ, надъ сторонниками участія въ выборахъ“. Несмотря на такое сильное теченіе, „партія“ все же рѣшила участвовать въ выборахъ. Намъ пришлось слышать отъ многихъ партійныхъ рядовыхъ работниковъ, что, для полученія большинства, прибѣгнуто было ко всевозможнаго рода подтасовкамъ. Злоупотребленій было очень много. Не всѣ, особенно завѣдомые бойкотисты, опрашивались. Комитеты производили сильное моральное и „словесное“ давленіе на рабочихъ и т. д. Теперь мы находимъ подтвержденіе этому взгляду въ „партійныхъ Изв.“ № 5, въ статьѣ „къ вопросу о дефектахъ партійной организаціи“, подписанной „Черниговскій Ком. П. С.-Ровъ“. Вотъ что мы тамъ находимъ:

„На второмъ октябрьскомъ Совѣтѣ Партіи помимо другихъ важныхъ вопросовъ, разрѣшить которые компетентенъ лишь партійный съѣздъ, былъ рѣшенъ вопросъ объ участіи партіи въ выборахъ въ думу. Съ этимъ вопросомъ у насъ больше посчастливилось: вопросъ этотъ

у насъ въ *мѣстныхъ организаціяхъ* обсуждался. и большинство голосовъ высказалось за бойкотъ выборовъ. Но увы! Наше обсужденіе вопроса это была напрасная потеря времени, ибо насъ не только объ этомъ не спросили, но какъ бы преднамѣренно не выслушали. На Обл. Съѣздѣ, который былъ передъ Сов. Партіи, когда поднялся вопросъ о думѣ, то уполномоченный отъ Ц. К. заявилъ, что этотъ вопросъ будетъ рѣшаться на предстоящемъ въ ближайшемъ будущемъ партійномъ съѣздѣ и потому обсужденіе его теперь преждевременно. Никто противъ такой постановки вопроса не протестовалъ, но всякій согласится, что въ рѣшеніи такого важнаго вопроса можетъ быть компетентенъ лишь партійный съѣздъ. На какомъ основаніи Совѣтъ Партіи безъ предварительнаго точнаго референдума по этому вопросу, даже безъ предварительнаго обсужденія этого вопроса вездѣ на мѣстахъ, счелъ себя въ правѣ рѣшить его—мы не знаемъ..."

„Такъ какъ точныхъ свѣдѣній о многихъ мѣстностяхъ нѣтъ, то еще большой вопросъ, на чьей сторонѣ оказалось бы въ партіи большинство:—на сторонѣ бойкотистовъ, или сторонниковъ итти въ думу?". Что отвѣчаетъ Ц. К. на этотъ обвинительный актъ противъ „верховъ", нежелающихъ считаться съ периферіей? Ц. К. прежде всего интересуется тѣмъ, участвовали ли сознательные крестьяне въ мѣстныхъ организаціяхъ при рѣшеніи вопроса о бойкотѣ выборовъ. Спрашивается, почему Ц. К. не интересовался этимъ вопросомъ передъ выборами въ первую думу, которая партія постановила бойкотировать, не смотря на то, что тогда еще не просыпалось „сомнѣнія въ цѣлесообразности" первой думы. Теперь этимъ особенно интересуются „верхи" партіи, ибо они увѣрены, что участіе крестьянъ въ рѣшеніи вопроса приведетъ къ торжеству ихъ точки зрѣнія. Вотъ почему на указаніе Черниг. Ком., что неизвѣстно „истинное мнѣніе партіи на этотъ счетъ", Редакція Центр. Органа отвѣчаетъ:

„Вдумайтесь внимательнѣе въ это, товарищи, и вы увидите, что это преувеличеніе. Вопросъ обсуждался въ

цѣломъ рядѣ мѣстныхъ комитетовъ и периферійныхъ организацій на многихъ областныхъ съѣздахъ и т. д. Общее мнѣніе, съ которымъ, мы думаемъ, согласитесь и вы, что „массовые“ члены партіи, крестьяне и рабочіе, почти безъ исключенія стали бы участвовать въ выборахъ, несмотря даже на противоположное рѣшеніе, если бы оно состоялось. А они въ партіи едва ли меньшинство, хотя ихъ голосъ и слышится въ ней слабѣе [П. Из. № 5. Прим.].

Скажите, положа руку на сердце, развѣ „ихъ голосъ“ въ мартѣ 1906 г. въ партіи былъ слышенъ громче, чѣмъ теперь? Вѣдь нѣтъ? Даже слабѣе... Какъ же „це случылось такъ“, что въ то время партія вынесла рѣшеніе бойкота, хотя крестьяне *въ то время* вѣрили въ думу, надѣялись на нее, ждали отъ нея земли и воли. Повидимому, „верхи“ не считались съ „ихъ голосомъ“. Почему же теперь такое „уваженіе“ къ „массовымъ“ членамъ партіи? Когда с-рамъ нужно доказать, что максималисты приносятъ громадный вредъ дѣлу соціализма, они всегда указываютъ на то, что макс-ы пригибаютъ свои теоретическіе и тактическіе взгляды до уровня пониманія массъ, что они поддаются настроенію малосознательной части партіи. Но когда с-ровскія „верхи“ желаютъ добиться своего, они аппелируютъ къ той самой массѣ, „настроенію которой нельзя поддаваться“... Или с-р-кіе „генералы“ думаютъ, что они „Юпитеры“?...

Приведемъ еще одну резолюцію меньшинства Сѣв. Кавк. Обл. Съѣзда по вопросу о частныхъ экспропріаціяхъ (6 противъ 12).

„Признавая частную экспропріацію однимъ изъ видовъ экспропріаціи вообще, меньшинство настаиваетъ на проведеніи этого принципа въ жизнь. Достаточнымъ мотивомъ считаетъ большую безопасность частныхъ экспропріацій, сопровождающихся меньшими потерями со стороны партійныхъ работниковъ. Не видя принципіальнаго различія между казенной и частной экспропріаціей, меньшинство полагаетъ, что развращающее вліяніе экспропріацій вообще объясняется не проведеніемъ

этого принципа въ жизнь, а скопленіемъ экспропріированныхъ богатствъ въ отдѣльныхъ организаціяхъ, какое зло не должно быть допустимо. Признавая федеративный принципъ построенія партійной организаціи вообще меньшинство полагаетъ, что, признавъ частныя экспропріаціи возможными въ предѣлахъ области, партійные работники сѣверо-кавказскаго союза могутъ оставаться въ партіи, продолжая быть вполнѣ послѣдовательными ея членами. Полагая однако, что злоупотребленія экспропріаціями вообще представляетъ значительныя опасности, въ виду частой встрѣчи среди партійныхъ работниковъ людей съ недостаточной выдержкой, меньшинство съѣзда находитъ желательнымъ внести санкцію Обл. Ком. по отношенію къ каждому данному случаю частной экспропріаціи“ [Пар, изв. № 5 стр. 14].

Мы не думаемъ однако, что этому меньшинству удастся „быть вполнѣ послѣдовательными“ членами партіи ибо экстренный „съѣздъ“ ея уже постановилъ подчинить экспропріацію Ц. К., а не Областнымъ, какъ было до сихъ поръ. Шагъ впередъ.... къ отказу отъ тактики экспропріацій. Наше предсказаніе, что „мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что п. с.-р. въ концѣ концовъ откажется отъ тактики экспропріацій“ сбывается.

Что дѣлаете, дѣлайте скорѣе!..

Гр. С.

Стоны русской жизни.

Иллюзіи гражданина-обывателя и вторая Дума.—Долина Молчанія. — Думскія и министерскія встрѣчи и рѣчи. — „Тамъ—внутри".—Пляска поручика Жеребятникова и его забавы.—Рыцари чернаго ордена и ихъ высокіе покровители — Къ дѣлу Черняка.—Памяти Н. Н. Шмидта.

„Славная бекеша у Ивана Ивановича!" Славная натура у русскаго обывателя, котораго теперь принято называть „гражданиномъ": благодушія у него хоть отбавляй!.. Жизнь исторически пріучала его къ пощечинамъ сверху. Иначе съ нимъ не разговаривали. И онъ такъ привыкъ къ этому своеобразному языку, что пока не ощутитъ этой пощечины на своемъ лицѣ, до тѣхъ поръ не перестаетъ вѣрить и надѣяться.

Когда собралась первая Государственная Дума, онъ кричалъ: „ура!" и въ воздухъ шапка бросалъ... Ему плюнули въ лицо. Довѣріе его, правда, пошатнулось, но не исчезло. Онъ еще утѣшалъ себя: „бываетъ, молъ, и хуже". Но вотъ пощечина нанесена и Дума разогнана. Гражданинъ-обыватель сначала разсердился, принялъ суровую позу, но скоро къ нему опять возвратилось его прежнее настроеніе и съ видомъ чеховскаго Пищика онъ воскликнулъ:

— Каково?!.. Нѣтъ, вы подумайте!..

Пока остальные обыватели, слѣдуя этому рецепту, „думали" подъ свистъ нагаекъ и пуль, собиралась вторая Дума. Чтобы вывести гражданина-обывателя изъ его обычнаго благодушія, по всей Россіи болтались веревоч-

ныя петли и мерло отъ голода изъязвленное цынгою крестьянство. Но и эти наглядныя пособія къ русской конституціи не оказали на него должнаго дѣйствія и 20 февраля, въ день открытія второй Думы, онъ, забывъ уже о пощечинѣ, полученной раньше, готовъ былъ опять отъ радости „плакать и смѣяться“ и, по примѣру прошлаго года, закричалъ даже депутатамъ „ура“ и хотѣлъ бросать въ воздухъ шапки, но сего благого намѣренія не привелъ въ исполненіе по обсстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ: явились казаки и нагайками и прикладами унимали обывательскіе восторги, въ тоже время окончательно убѣждая его такими дѣйствіями, что сонъ сбылся и вторая Дума открылась.

Однако, и приклады и нагайки, свистѣвшіе не подалеку отъ Думы и съ большимъ эффектомъ демонстрировавшіе неприкосновенность личности, не совсѣмъ отрезвили гражданина-обывателя: подавляя боль, онъ продолжалъ хлопать въ ладоши и кричать:

— Привѣтъ тебѣ, вторая Дума!..

Только къ вечеру, пробѣжавъ телеграммы, обыватели—да и то не всѣ—ощутили нѣкоторую неловкость за свои утренніе восторги. Черными буквами по бѣлому они прочли:

— „Разсвѣтъ, за которымъ открывалось утро созыва второй Думы, видѣлъ, какъ въ Варшавѣ казнили троихъ: Станислава Ляга, Густава Галицкаго и Яна Пасника“. Казнь совершилась за нѣсколько часовъ до перваго засѣданія въ Думѣ. Словомъ:—„Недурно начинается день,—сказалъ молодой турокъ, съ утра посаженный на колъ и опускаясь все ниже и ниже“...

Но, конечно, старый строй далеко не ограничился только этими дѣлами въ „историческій день 20-го февраля“: въ Петербургѣ въ этотъ день было конфикковано 5 газетъ, а въ Москвѣ онъ ознаменовался еще и трагической кончиной фабриканта Шмидта, зарѣзавшагося въ московской тюрьмѣ (Шмидтъ страдалъ психическимъ разстройствомъ, за что и содержался 14 мѣсяцевъ въ одиночной тюрьмѣ, какъ подозрѣваемый въ соучастіи въ вооруженномъ возстаніи).

Такъ въ день 20-го февраля укрѣплялись „государственные основы“ и проводились въ жизнь трехбалочные пункты россійской конституціи.

Впрочемъ, къ этимъ пунктамъ мы вернемся нѣсколько ниже. А пока заглянемъ на мгновенье въ Думу. Подробно останавливаться на критикѣ ея дѣйствій мы не будемъ:

Это заняло бы слишкомъ много и времени и мѣста. Отмѣтимъ только главнѣйшіе моменты изъ думской жизни.

Собственно, всю дѣятельность второй Думы можно было-бы разбить на два періода: періодъ допотолочный (имѣемъ въ виду обвалъ потолка) и періодъ послѣпотолочный. Сложенные вмѣстѣ, они составятъ третій общій періодъ: безтолочный.

Въ первый періодъ, который обнимаетъ собою время думскаго говоренія до столыпинской деклараціи,—Дума „имѣла видъ печальный“.

Прежде всего внутри самой-же Думы, по приказанію Столыпина, за депутатами былъ учрежденъ строжайшій надзоръ. „Народные представители, которые призваны къ устроенію государственной жизни страны“, были низведены на положеніе школьника и, что-бы они держали себя поприличнѣе (конечно, по отношенію къ правительству), къ нимъ были приставлены дядьки—фельдфебеля. И эти послѣдніе исполняли свои обязанности безукоризненно: стоило только одному депутату завести съ другимъ какую-нибудь частную бесѣду, стоило заговорить о чемъ-нибудь,—какъ предъ ними сейчасъ же выростала грозная фигура дядьки:

— Цыцъ!...

А когда къ члену Думы приближался какой нибудь представитель печати, то среди дядекъ—охранниковъ происходилъ даже прямо переполохъ. Оканчивался онъ тѣмъ, что представителя „шестой державы“ немедленно изгоняли... А депутаты?.. Какъ они реагировали на эти проявленія россійской конституціи здѣсь, въ стѣнахъ Думы?

Они, какъ нѣкогда народъ у Пушкина, „безмолствовали“, И безмолствовали даже не просто, а принципіально, по какимъ-то „высшимъ соображеніямъ“.

И Дума этого періода напоминала собою какую-то странную долину Молчанія.

„Молчать, да благоденствовать“... Во имя чего?.. Во имя, изволите-ли видѣть, принятаго рѣшенія „беречь Думу“ Этотъ лозунгъ исходитъ, впрочемъ, изъ очень благихъ намѣреній—обнажить предъ народомъ невозможность примиренія съ правительствомъ и показать странѣ что борьба должна вестись внѣ стѣнъ парламента. Но съ перваго же дня существованія Думы все это было ясно и безъ того; правительство проявило себя во всю и, ежедневно пугая страну разгономъ Думы требовало отъ нея постыдныхъ компромиссовъ...

И Дума шла на нихъ. И молчала. И русскій „парламентъ“, подобно чеховскому доктору Чебутыкину, не зналъ: „существуетъ онъ или ему только кажется, что онъ существуетъ“. Онъ могъ сказать о себѣ словами героя одной пьесы Островскаго:

— Я живъ и мертвъ!..

Но онъ молчалъ. Только потолокъ, который обрушили на его головы хозяйственные самодержавчики, заставилъ его на время заговорить. Да „то это продолжалось недолго.“

Но вотъ наступилъ второй періодъ думской жизни: въ Таврическомъ дворцѣ обвалился потолокъ, а вслѣдъ за ними обвалилась и декларація Столыпина, содержавшая въ себѣ „программу“ министерства разгона первой Думы.

Въ русской „свободной“ печати критикѣ этой декларації было удѣлено очень мало мѣста. Но и эта маленькая критика была написана такимъ рабьимъ языкомъ, что не даетъ даже приблизительнаго представленія о сущности этого новаго любопытнаго документа.

Къ сожалѣнію, размѣры настоящей статьи и обиліе другихъ фактовъ, нуждающихся въ освѣщеніи, не даетъ намъ возможности останавливаться болѣе подробно на

наглотуманной философіи государственнаго права, сочиненнаго авторомъ военно-полевыхъ судовъ, вся мудрость и политика котораго сводится къ наполеоновскому изрѣченію;

— Для управленія государствомъ нужны только двѣ вещи! сапоги и шпоры.

„Программа" этого правителя рисуетъ въ своей декларацiи предѣлъ тѣхъ уступокъ, на которые готово пойти самодержавіе.

Въ чемъ же заключаются эти уступки? *Они*, изволите-ли видѣть, соглашаются: во 1-хъ уничтожить инструкціи земскихъ начальниковъ, вся дѣятельность которыхъ полна преступленіями, и вмѣсто этого дать другой какой-то институтъ, дать тѣ же штаны, только назадъ пуговицами; во 2-хъ *они* обѣщаютъ ввести мелкую земскую единицу и всеобщее обученіе, да и то съ оговоркой: „если найдутся для этого средства" (Въ урѣзанномъ видѣ предлагается то, что просили либералы-земцы еще въ 1902 г. въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ. Не поздно-ли?).

Что-же касается „земли и воли", которыхъ требуетъ народъ, то декларація и на эти вопросы отвѣчаетъ прямо и откровенно:

— Земли хотите—извольте: ее у насъ достаточно. „Есть запасъ въ одиннадцать милліоновъ десятинъ. Покупайте, пожалуйста, на *льготныхъ* (читайте: хищническихъ) условіяхъ черезъ крестьянскій банкъ"... Воля... Что-ли?... И ее можно, коль вамъ такъ хочется.

И въ деклараціи появляются какіе-то новые уѣздные начальники, участковые коммисары, *усовершенствованіе русской полиціи, жандармеріи* и т. д.

Не забытъ и рабочій. Ему обѣщаетъ декларація неизвѣстно какое страхованіе, медицинскую помощь, небольшое сокращеніе рабочаго дня, воспрещеніе ночныхъ и подземныхъ работъ женщинъ и малолѣтнихъ. А главное—рѣшено ему предоставить право свободнаго голоданія отъ экономическихъ стачекъ.

Вотъ приблизительно все, на что соглашается (за-

мѣтьте, еще не даетъ, а только соглашается) русское правительство.

Прочитавъ эту декларацію, Столыпинъ, какъ извѣстно, не преминулъ воспользоваться случаемъ еще разъ плюнуть въ лицо рускому обществу и русской Думѣ и, внутренно хохоча, произнесъ отнынѣ историческую фразу.

— „Не запугаете"...

Что же отвѣтили на это депутаты?.. Въ большинствѣ они... молчали. Молчали, напоминая купчиху Островскаго, которая сказала-бы;

— И кто тебя батюшка, Петръ Аркадьевичъ, пугать то будетъ, когда ты самъ всѣхъ запугалъ...

Намъ вспомнилось при этомъ пророчество предшественника Столыпина—Петра Дурново.

— „Мы такъ напугаемъ, что внуки съ ужасомъ будутъ вспоминать о насъ"!

Но Дума молчала... И это молчаніе длилось вплоть до 12 и 13 марта, когда на очередь дня поставленъ вопросъ о военно-полевыхъ судахъ. Ее хватили обухомъ по головѣ и она заговорила. Заговорила въ первый разъ не шопотомъ, а громко. И оно понятно: на молчаливомъ лицѣ Думы застыло выраженіе безысходнаго страданія и ужаса... И впадины ея глазъ, которые были выколоты на время премьеромъ, посмотрѣли на него своими зіяющими отверствіями... А онъ!... Онъ былъ неуязвимъ... Онъ повторялъ:

— „Не запугаете: военно-полевые суды будутъ продолжаться!.."

И, какъ бы въ подтвержденіе этого, газетныя извѣстія сообщали о новыхъ казняхъ, которыя подписывались, быть можетъ, въ ту же минуту, когда въ Думѣ происходили состязанія между депутатами и министрами. Депутаты говорили, убѣждали, и мнѣ вспомнился разсказъ.

Къ морскому берегу прибило какимъ-то чудомъ спасшагося миссіонера. Его обступили дикари. Миссіонеръ обратился къ нимъ съ рѣчью о завѣтахъ Христа, о любви къ ближнему. А они его слушали и про себя говорили:

— Какія ноги!... Какія у него жирныя ноги!... Вотъ бы поджарить къ обѣду:...

— А руки... какія руки!.. Вотъ будетъ славный завтракъ... Поскорѣй бы отрубить только!... Такъ же думали, вѣроятно, глядя на депутатовъ, и г.г. Пуришкевичи, и Евлогіи, и прочіе вѣшатели.

— Впрочемъ, Крушеванъ изъ ихъ числа исключается; онъ просто переживалъ всякое настроеніе.

Помните, у Горбунова есть сценка: парня судили за кражу штановъ и оправдали. Судъ кончился. А парень не уходитъ ухмыляется.

— Ты что?.,

— Гы.. гы... гы... Да вѣдь штаны то на мнѣ. Тѣ, т. е. за которые судили и оправдали.

Этого же парня повторилъ въ Думѣ Крушеванъ: когда заговорили о погромахъ, онъ приподнялся съ депутатскаго кресла и раскланялся; штаны, пропитанные кишиневской кровью были на немъ.

Когда закончилось засѣданіе Государственной Думы, посвященное вопросу о военно-полевыхъ судахъ, и я ночью бродилъ по улицамъ Петербурга, мнѣ ясно рисовалась одна картина:

Выборгская одиночная тюрьма (Кресты). Тамъ спятъ еще не всѣ. По камерѣ № 6, убранной коврами, гордо расхаживаетъ какая то циничная, упитанная фигура. Это казенный палачъ и исполнитель приговоровъ военно-полевыхъ судовъ Ѳома Сеинъ.

Ему уже доложили о томъ, что происходитъ въ Думѣ, и сталъ по этому поводу получать усиленное пищевое довольствіе и чарку водки... Онъ хохоталъ...

Весело шагая изъ угла въ уголъ, онъ что то насвистывалъ, предаваясь временами размышленіямъ, заимствованнымъ у горьковскаго каторжанина Букоешева.

— Во всемъ нуженъ навыкъ. Безпремѣнно навыкъ. Скажемъ къ примѣру убивство: его тоже надо дѣлать съ умомъ. Ежели толстаго рѣжешь—надо раздѣться до гола. Безпремѣнно до гола. Потому крови отъ него толстаго—

тьма, запачкать костюмъ можно. А голый — вытеревъ мокрой тряпицей и—чистъ предъ людьми!..

Итакъ, Дума, анконецъ, заговорила. Но послѣ преній по вопросу о военно-полевыхъ судахъ къ предсѣдателю Думы Головину подошелъ предсѣдатель совѣта министровъ и мимоходомъ многозначительно замѣтилъ:

— Дума взяла рѣзкій тонъ. Отдаетъ митингами. Она опять показываетъ свою неработоспособность...

Слова эти быстро разнеслись по думской залѣ и по Петербургу и Дума опять временно... замолчала. Славная, послушная Дума!

Послѣ нѣкотораго перерыва она опять позволила себѣ какое-то слово.

И нельзя было не сказать: предъ нею возстали три вопроса, на которые опять она должна была дать „отвѣты прямые". Это—вопросы продовольственный и помощи безработнымъ, а затѣмъ аграрный вопросъ.

Говоря о первыхъ двухъ вопросахъ, необходимо отмѣтить фактъ, котораго мы ждали съ минуты на минуту: кадеты протянули руку правымъ и расцѣловались. Къ такому объединенію привело ихъ слѣдующее обстоятельство. Вопросъ о безработныхъ кадеты хотѣли совсѣмъ отложить. Они боялись „преній" съ правительствомъ. Когда-же, все-таки, Дума рѣшила этотъ вопросъ разсмотрѣть и подошла къ тому, какъ-же быть съ тѣми безработными, которые лишились работъ отъ забастовокъ политическихъ и экономическихъ (такихъ рабочихъ около 60%),—кадеты, изъ боязни тѣхъ-же „преній", отвѣтили прямо и рѣшительно:

— Тѣ—пусть голодаютъ.

— Браво!—загоготали правые.

— Ура!—закричало правительство.

И „тріумвиратъ" соединился и, разумѣется, побѣдилъ.

Точно также вмѣстѣ съ правыми оказались кадеты и при рѣшеніи продовольственнаго вопроса.

День, когда Дума приступила къ рѣшенію вопроса аграрнаго, газеты, конечно, назвали историческимъ, хотя разумѣется, никакой исторіи въ этотъ день не произо-

шло. Всѣ партіи оппозиціи, начиная съ соціалистовъ революціонеровъ и кончая кадетами, представили вниманію Думы *свою* программу рѣшенія земельнаго вопроса и свои основные положенія будущаго земельнаго закона. Правые возражали вяло. Даже бѣгъ Васильчикова вышелъ не такимъ „истинно-русскіе“ крѣпостники: почетный князь запутался и договорился, до „принудительнаго“... отчужденія, думаете вы, — нѣтъ, этого они обѣщали не потерпѣть!—до „принудительнаго передвиженія границъ“.

Мы не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ. Замѣтимъ только, что онъ не внесъ ничего новаго въ думскую жизнь, но только нагляднѣе показалъ, что въ окончательной формѣ онъ будетъ рѣшаться не здѣсь, на думской аренѣ, а тамъ, за стѣнами Думы...

Послѣдними вопросами, которыми мы и закончили свое бѣглое обозрѣніе думской дѣятельности, явился вопросъ о бюджетѣ, или вѣрнѣе сказать, о части бюджета, такъ какъ предусмотрительное министерство хищеній закономъ 10 марта изъяло изъ компетенціи Думы чуть ли не самыя существенныя бюджетныя статьи; оно лишило Думу бюджетныхъ правъ. Но въ это же время оно обострило этимъ и самую постановку вопроса. И главный интересъ его, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что онъ долженъ былъ вынуть изъ подъ Думы одинъ изъ тѣхъ двухъ стульевъ, на которыхъ она доселѣ сидѣла. Здѣсь компромиссъ явился-бы уже недопустимымъ: нужно было пойти или къ народу—и тогда отказать въ утвержденіи *всего* бюджета—или къ правительству — и тогда утвердить бюджетъ... Словомъ: за народъ или противъ народа?

Когда пишутся эти строки, путь, который выберетъ Дума, еще неизвѣстенъ.

И мы не будемъ пророчествовать; отмѣтимъ только одну характерную подробность, которая наблюдается во взаимоотношеніяхъ между думской оппозиціей и правительствомъ.

Когда министры всходили на думскую трибуну во время первой Думы, ихъ заставляли трепетать.

— Погромщики!... Палачи!... Убійцы!... гулко неслось со всѣхъ скамей.

Теперь положеніе вещей измѣнилось. Министръ-премьеръ грозно замѣтилъ:

— Эти скамьи—не скамьи подсудимыхъ, а скамьи правительства! Цыцъ!

И всѣ пугливо примолкли. Дума и министры помѣнялись мѣстами. И каждый министръ, всходя на думскую трибуну, считаетъ долгомъ въ той или другой формѣ „пужануть“ Думу.

Когда въ прошломъ году, правительству понадобилось 50 милліоновъ рублей, то вспомните, съ какимъ видомъ просило оно эти деньги у Думы.

— Оно жалобно пѣло:

— „Подайте мальчику на хлѣбъ: онъ Велизарія питаетъ“.

А посмотрите, какъ держитъ себя тотъ-же „мальчикъ“ теперь. Посмотрите, съ какой наглостью онъ развиваетъ свою философію народной нищеты; какъ издѣвается надъ ней и хохочетъ, говоря о „послѣдней копѣйкѣ“ мужика и будучи вполнѣ увѣренъ, что изъ него высосали не все еще и что „ён достанетъ“... Посмотрите, какъ держатъ себя тѣ, кому, по словамъ одного оратора первой Думы, „нельзя довѣрить и пяти копѣекъ“!...

Веселые хищники торжествуютъ, а Дума?... Она... Она бережетъ себя и.... ждетъ безславной, хотя и естественной смерти франкфуртскаго парламента...

*
* *

Какъ бы то ни было, но министерство Столыпина ликуетъ: онъ загналъ Думу въ тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода. И Дума напоминаетъ собою того фокусника, который съ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ, баллансируя, идетъ по туго натянутой проволокѣ.

Населеніе смотритъ на него съ тайнымъ испугомъ.

— Вотъ—вотъ фокусникъ потеряетъ равновѣсіе и упадетъ.

Когда такого фокусника изображали скользкіе и ловкіе кадеты, съ этимъ общество могло помириться сравнительно легко: къ такой роли они были приставлены самой Исторіей. И они скользили какъ вьюны, и ходили „весело по тропинкѣ бѣдствій“.—На то они и кадеты: отъ нихъ ничего другого и не ждали.

Но когда въ роли такого-же фокусника очутились въ Думѣ и соціалисты, которыхъ Столыпинъ загналъ за рѣшетку, гдѣ много дыръ, но откуда нельзя вылѣзть, нельзя смотрѣть на нихъ безъ чувства глубокой обиды и досады...

До этого времени соціалисты шли своимъ путемъ прямо и смѣло. Быть можетъ, они иногда и переоцѣнивали свои силы, быть можетъ, иногда увлекались, дѣлали промахи, но никогда ихъ голосъ не звучалъ фальшью, никогда не было въ немъ тѣхъ тревожно-тоскливыхъ нотокъ, которыя слышатся часто теперь... Они не знали „системы подлаживанья“, они осуждали ее... И вотъ во власти этой системы очутились они сами...

Они сдѣлали невѣрный шагъ,—одинъ только шагъ, и попали въ кадетскія тенета. Да иначе и не могло быть...

Вспомните: вслѣдъ за первымъ государственнымъ переворотомъ, къ которому прибѣгнуло столыпинское министерство, разогнавъ первую Думу оно сдѣлало второй такой же переворотъ и такъ „разъясняло“ и безъ того урѣзанный избирательный законъ, что оставило отъ него лишь „рожки да ножки“. Вспомните всю кровавую правительственную политику за послѣдніе 7—8 мѣсяцевъ. Вспомните, сопоставьте все это съ положеніемъ, въ которомъ очутилась вторая Дума, и для васъ станетъ яснымъ, что, идя въ эту думу, соціалисты сдѣлали большую ошибку... Пусть эта ошибка явилась не слѣдствіемъ близорукости соціалистическихъ партій, а потому только, что измученный народъ не впиталъ еще въ себя идею бойкота Думы и въ ней продолжалъ еще видѣть наиболѣе осуществимое средство борьбы съ правительствомъ,—пусть!... Мы не будемъ вдаваться въ причины

и разбираться въ нихъ. Но предъ нами—фактъ, котораго, теперь, по крайней мѣрѣ, какъ шила въ мѣшкѣ, не утаишь.

Вторая Дума, куда вошли и соціалисты, очутилась рядомъ съ министерствомъ разгона первой Думы и имъ сказали:

— Работайте вмѣстѣ!

И соціалисты очутились не только въ одномъ вагонѣ съ кадетами, но даже въ одномъ купэ съ гг. Столыпинымъ, Васильчиковымъ и Коковцевымъ, при чемъ Столыпинъ, кромѣ этого, очутился еще въ роли начальника поѣзда и, опираясь на силу бригады, многозначительно предупредилъ своихъ „спутниковъ“:

— Сидите смирно. При малѣйшемъ вашемъ движеніи я совершу крушеніе и вы взлетите на воздухъ! Въ такой вагонъ не надо было, разумѣется, садиться. Но разъ въ него сѣли и поѣздъ двинулся, то надо искать выхода: надо изъ него выпрыгнуть... Разъ сдѣлана ошибка и разъ она явилась очевидной, ее надо исправить. Жизнь загнала засѣдающихъ въ Думѣ соціалистовъ въ тупикъ и, ими нужно немедленно изъ него выйти. И выйти не просто, а съ честью: со щитами, а не на щитѣ. Въ этомъ единственное разрѣшеніе стоящей предъ нами диллемы...

— „Бутылка раскупорена и ее надо выпить!!!

Засѣдаетъ Дума, но что же въ это время дѣлалось и дѣлается тамъ за ея стѣнами? Нѣсколько видоизмѣняя фразу Гл. Успенскаго о чумазомъ, мы можемъ смѣло сказать:

— Идетъ, идетъ русское правительство и на вопросъ: что такое истина?—прямо и неукоснительно заявляетъ: „Распивочно н на выносъ„!

Если бы иностранецъ, незнающій русскихъ „конституціонныхъ“ обычаевъ, попалъ въ Россію въ моментъ засѣданія Думы: если бы онъ могъ окунуться въ гущу русской жизни и прослѣдить за настроеніемъ нашего „либеральнаго“ правительства, то онъ неизбѣжно долженъ былъ бы придти къ заключенію, что Россія нахо-

дится не наканунѣ новой свободной жизни, а на краю какой то новой глубокой ямы, вырытой правительствомъ,—ямы, на днѣ которой уже копошатся могильные черви и надъ которой кружась и зловѣще каркая, уже носятся стаи вороновъ въ ожиданіи новой человѣческой крови...

Въ Петербургѣ засѣдаетъ Дума, а „тамъ внутри"? Тамъ красный смѣхъ смѣшивается съ черным и несется отъ края до края по нашей измученно родинѣ, заглушая всѣ человѣческія слова, всѣ мысли. Тамъ, закусивъ удила, въ бѣшенномъ вихрѣ носятся правительственныя агенты, тамъ болтаются повсюду отвратительныя веревочныя петли, тамъ продолжается безпрерывный танецъ „смерти"...

Вы помните у Достоевскаго выведена фигура нѣкоего поручика Жеребятникова—этого „утонченнѣйшаго гастронома въ исполнительномъ искусствѣ", изобрѣтавшаго разныя „штучки", чтобы сколько-нибудь расшевелить свою заплывшую жиромъ душу. Вотъ выводятъ арестанта и Жеребятниковъ истязаетъ его такой „штучкой". Арестантъ молитъ о пощадѣ. Жеребятниковъ сначала сурово отклоняетъ, но затѣмъ, конщунствуя надъ святымъ чувствомъ жалости, какъ бы сдается на „сиротскія слезы".

Арестантъ обрадованъ, обнадеженъ, растроганъ. Начинается экзекуція шпицрутенами и тутъ-то Жеребятниковъ бросаетъ свою маску,

— Катай его!..—кричитъ онъ во все горло, жги его! Лупи, лупи!.. Обжигай!.. Еще, еще, еще ему! Крѣпче сироту, крѣпче мошенника!..

И солдаты лупятъ со всего размаха, искры сыпятся изъ глазъ бѣдняка, онъ кричитъ, а Жеребятниковъ въ сатанинскомъ упоеніи бѣжитъ за нимъ по фронту и хохочетъ, хохочетъ, заливается, бока руками подпираетъ и отъ смѣха распрямиться не можетъ...

Поручикъ Жеребятниковъ получилъ теперь повышеніе и со свистомъ и шикомъ носится по широкому полю русской жизни...

Вотъ онъ въ Ригѣ, гдѣ, подъ именемъ **начальника**

охраннаго отдѣленія Кошко, онъ изобрѣтаетъ особое „стегающее колесо", которымъ въ рижскихъ застѣнкахъ бичуются политическіе заключенные...

Скамья, снабженная крѣпкими ремнями, которыми привязана жертва; гуттаперчивые прутья, наполненныя свинцомъ; щипцы, желѣзныя куртки; особыя манжеты. снабженныя винтами, посредствомъ которыхъ раздробляется кисть руки, крики истязуемыхъ, стоны и проклятія и въ отвѣтъ на нихъ — торжествующе — наглый хохотъ Кошко-Жеребятникова:

— Катай его!.. Лупи!.. Обжигай!..

Засѣдаетъ Дума... Это тоже настраиваетъ Жеребятникова на веселый ладъ и онъ кричитъ;

— Нагаекъ!..

И въ отвѣтъ на это, напр. въ петербургской губ, отдается распоряженіе: отпустить изъ казначейства по 200 руб. на городъ „на предметъ пріобрѣтенія новыхъ нагаекъ для стражниковъ и полицейскихъ". „Они" готовятся. И изобрѣтательность Жеребятникова не знаетъ предѣловъ.

Въ Ревелѣ онъ ухитрился захватить въ свои руки и пытать даже... разстрѣленнаго.

Увы, читатель, это не плодъ фантазіи, а фактъ, выдвигаемый русской дѣйствительностью: въ Январѣ 1906 г. въ везенбергскомъ уѣздѣ карательнымъ отрядомъ былъ разстрѣлянъ нѣкто Антонъ Лустъ, подозрѣваемый въ революціонной пропагандѣ. Родственникъ отыскалъ его въ грудѣ труповъ. Сверхъ ожиданія, онъ оказался живымъ, раненымъ лишь въ грудь на вылетъ. Родственники отправили его въ Ревель и помѣстили на излѣченіе въ лечебницу д-ра Грейфенгагена. Больной началъ поправляться. Объ этомъ узналъ Жеребятниковъ. Его лицо запылало звѣриной радостью. И было отъ чего: представлялась возможность не просто надъ человѣкомъ, а надъ человѣкомъ, который пережилъ уже казнь и только чудомъ вырванъ изъ когтей смерти. Случай рѣдкій, почти небывалый. И Жеребятниковъ отдалъ приказъ:

— А ну-ка, покажите ему, голубчику, какъ наказы-

вается неповиновеніе „закону“ и воскрешеніе, вопреки его рѣшенію! И показали...

Теперь Лустъ сидитъ въ ревельской тюрьмѣ и ожидаетъ .. суда...

Но такіе случаи бываютъ, разумѣется, не часто. И въ петровской тюрьмѣ (сарат. г.) Жеребятниковъ— Героръ прибѣгли къ своему излюбленному, хотя и старому способу: по его приказанію, надзиратели до того сильно избили нагайками одного заключеннаго, что, по словамъ „Аст. Вѣст.“, онъ черезъ нѣсколько часовъ умеръ...

Когда шли выборы депутатовъ во вторую Думу, Жеребятниковъ, по обыкновенію хохоталъ. И на право и на лѣво отдавалъ распоряженія:

— Показать на дѣлѣ народнымъ представителямъ „неприкосновенность личности“! И для примѣра въ Красноуфимскѣ были изувѣчены полиціей депутаты г.г. Сиговъ и Ершовъ, а въ Балаково, Сарат. губ., 20-го февраля населеніе извѣщалось нагайками объ открытіи Государственной Думы.

Въ своемъ сатанинскомъ опьяненіи Жеребятниковъ не могъ, конечно, пройти равнодушно и мимо далекаго Акатуя. Въ числѣ другихъ, тамъ мучились шлиссельбуржцы: Карповичъ, Сазоновъ, Сикорскій, Спиридонова, Измайловичъ, Езерская, Биценко, Школьникъ, Фіалка, Давидовичъ, и по мнѣнію Жеребятникова не жестоко.

И Жеребятниковъ—имъ на этотъ разъ оказался читинскій губернаторъ—отдалъ приказъ:

— Ожги ихъ!.. Катай! Валяй!..

А вслѣдъ за этимъ циничнымъ крикомъ, какъ сообщаетъ въ „Товар.“ Л. Мельшинъ губернаторомъ сдѣлано распоряженіе:

1) отнять библіотеку, 2) запретить улучшенія на личныя средства невозможно-плохой пищи (не для того-ли это, чтобы ноги были слабѣе? Объясните г. Щегловитовъ!), 3) одѣть заключенныхъ во все казенное и заковать въ кандалы (которые, къ слову сказать, никогда не препятствовали ни одному побѣгу), 4) замкнуть камеры на круглые сутки (это-то при страшной скученности заклю-

ченныхъ!), 5) ввести принудительныя работы (какія же именно Горныхъ работъ давно не существуетъ, а „домашнія“ политическими и безъ того выполнялись).

Но этого мало. Перевели изъ Акатуя въ другія каторжныя тюрьмы (Алдачи и Зерентуй) всѣхъ солдатъ и матросовъ (55 чел.) и, наконецъ, получилось предписаніе—Спиридонову и ея подругъ увезти въ Мальцевскую уголовную женскую тюрьму.

Послѣднее обстоятельство очень взволновало акатуйцевъ. И весьма понятно: переѣздъ за 200 верстъ больной, искалѣченной дѣвушки, въ зимнюю сибирскую стужу, грозитъ для нея неизбѣжнымъ ухудшеніемъ здоровья.

— „Только тотъ,—пишетъ Мельшинъ,—тотъ кто хорошо знаетъ, что такое режимъ и нравы женскихъ каторжныхъ (уголовныхъ) тюрьмъ, можетъ вполнѣ оцѣнить весь цинизмъ и всю жестокость этого новаго надругательства администраціи“.

Цинизмъ... жестокость... Да вѣдь это именно и составляетъ сущность души Жеребятникова... Мученія и стоны проклятій плѣнниковъ?.. Вѣдь это для него—наслажденіе. Вѣдь онъ хохочетъ, заливается, увѣренный не только въ своей безнаказанности, но даже наоборотъ, въ томъ, что чѣмъ больше проявитъ наглости, подлости и жестокости, тѣмъ больше у него и шансовъ на полученіе телеграммы:

„Спасибо. Такіе „безстрашные“ и вѣрные долгу службы люди нужны Россіи!“ Передъ Жеребятниковымъ яркіе примѣры: во 1-хъ благодарность, за устройство сѣдлецкаго погрома, объявленная на дняхъ подполковнику Тихановскому, во 2-хъ, повышеніе знаменитаго Грегуса (организатора рижскаго застѣнка, переведеннаго „въ воздаяніе усердной службы“ въ Петербургъ), и въ 3-хъ, назначеніе въ Ригу (нельзя же оставить рижскій застѣнокъ осиротѣлымъ!) не менѣе знаменитаго ротмистра Коммиссарова,—того самого Коммиссарова, заслуги котораго передъ отечествомъ были раскрыты въ рѣчи кн. Урусова въ первой Думѣ и спеціальность ко-

тораго является печатаніе погромныхъ прокламацій на казенной бостонкѣ.

И, помня этотъ примѣръ, Жеребятниковъ мчится въ Казань, гдѣ, по словамъ газетъ отъ 20 марта, пытками при допросѣ замученъ до смерти въ полицейскомъ участкѣ одинъ крестьянинъ. Вскрытіемъ у него обнаружены переломы костей и смерть отъ задушенія...

Конечно—это ни для кого уже не тайна—всѣ эти гг. Жеребятниковы состоятъ въ ближайшей и непосредственной связи съ министерствомъ разгона Думы. Правительство и Жеребятниковы—это одна, тѣсно сплоченная шайка съ ея „лучшими людьми": Гамзѣй Гамзѣичемъ, Сашкой Кривымъ, Половневымъ и т. под. Возьмите хотя бы дѣло объ убійствѣ Герценштейна.

Развѣ эта связь убійцъ съ правительствомъ не сквозитъ и не прорывается положительно на каждомъ шагу?.. Прочтите хотя бы опубликованное теперь въ газетахъ письмо г. Герарда къ Столыпину, которое мы перепечатываемъ изъ „Биржж. Вѣд." (отъ 22 марта).

Милостивый Государь
Петръ Аркадьевичъ!

Въ письмѣ отъ 9-го августа ваше в—ство просите меня увѣдомить васъ о томъ, какія мѣры приняты мною для привлеченія къ отвѣтственности выборгскаго губернатора и ленсмана Харюляйнена за незаконныя ихъ дѣйствія по отношенію къ унтеръ-офицеру отдѣльнаго корпуса жандармовъ Запольскому.

Въ виду сего имѣю честь увѣдомить васъ, что въ Финляндіи нѣтъ закона, обязывающаго гражданскую власть не подвергать воинскаго нижняго чина задержанію и обыску безъ вѣдома и участія его непосредственнаго начальника и несоблюденіе упомянутаго порядка не можетъ, поэтому, служить основаніемъ къ признанію дѣйствій губернатора и ленсмана незаконными.

Впрочемъ, я долженъ присовокупить, что какъ только по полученіи донесенія губернатора о задержаніи За-

польскаго, я тотчасъ по телефону сообщилъ объ этомъ начальнику жандармскаго полицейскаго управленія финляндскихъ казенныхъ дорогъ и начальнику финляндскаго жандармскаго управленія, но отъ нихъ за все время производства не имѣлъ никакихъ свѣдѣній.

Въ письмѣ вашего в—ства не имѣется болѣе точныхъ указаній на то, какой именно законъ былъ, по вашему мнѣнію, нарушенъ въ настоящемъ случаѣ; поэтому дѣло объ арестѣ Запольскаго было мною вновь разсмотрѣно во всей совокупности, причемъ я не могъ не придти къ прежнему своему заключенію, основанному на мнѣніи прокурора императорскаго финляндскаго сейма. о томъ, что арестованіе Запольскаго, заподозрѣннаго въ участіи вмѣстѣ съ другими лицами не военнаго званія въ убійствѣ Герценштейна, произведено согласно съ дѣйствующими въ Финляндіи законами. Единственный упрекъ. который въ настоящемъ случаѣ, по моему мнѣнію, можетъ быть сдѣланъ выборгскому губернатору, заключается въ томъ, что когда было обнаружено, что по этому долженъ быть привлеченъ только одинъ жандармъ Запольскій, самые же виновники убійства скрылись, то губернаторъ не исполнилъ тотчасъ моего требованія о представленіи мнѣ всего дѣла для передачи его военнымъ властямъ; но и этотъ проступокъ можетъ быть объясненъ различнымъ пониманіемъ устарѣвшихъ законовъ, регулирующихъ взаимныя отношенія гражданскихъ и военныхъ властей по судебнымъ дѣламъ. Притомъ передача этого дѣла военно-судебной власти замедлена не болѣе двухъ дней, и все производство онаго по Выборгской губерн. продолжалось не болѣе недѣли.

Въ виду сего и принимая во вниманіе, что вопросъ объ отвѣтственности губернатора подлежалъ бы разсмотрѣнію Императорскаго финляндскаго сената, я сомнѣваюсь въ цѣлесообразности дальнѣйшаго направленія этого дѣла.

Что же касается, засимъ, причины отвѣта на письмо командующаго отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ не мною, а директоромъ моей канцеляріи, на что вы также

обратили вниманіе въ вашемъ письмѣ, то считаю долгомъ увѣдомить васъ, что я предпочелъ подобный образъ сношеній, вслѣдствіе крайне рѣзкаго тона письма ко мнѣ командующаго корпусомъ, требовавшаго отъ меня объясненій по дѣлу Запольскаго.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

Подписалъ Н. Герардъ.

21-го августа (3 сент.) 1906 г.

Ужъ по тону этого письма и по тому покровительству, которое оказываетъ г. Столыпинъ жандарму Запольскому, вы вицете, что рыльце его высокопревосходительства покрыто сплошнымъ пушкомъ.

А одесскія избіенія?.. Вы помните, что только недавно правительство выступило со своимъ оффиціальнымъ „сообщеніемъ" по поводу одесской бойни, а теперь его опровергаетъ самъ же г. Каульбарсъ.

— Не было!—говоритъ правительство, скромно опуская глазки.

— Было!—съ циничной наглостью заявляетъ Каульбарсъ.

— И будетъ!—кричатъ бѣлогвардейскіе Крушеваны. Столыпинское сочиненіе на тему о томъ, какъ революціонеры побили въ Одессѣ бѣлогвардейцевъ, Каульбарсъ опровергнулъ, конечно, не письменнымъ сообщеніемъ, а фактами. И въ то время, когда правительственная типографія набирала новую столыпинскую ложь, Каульбарсомъ сочинялись и разсылались по одесской полиціи и по „ввѣреннымъ" частямъ войскъ приказы.

Первый изъ нихъ (беремъ его изъ корреспонденціи, помѣщенной въ „Рѣчи") гласитъ:

„Кодыгскаго мѣщанина Іоса Ойхмана за нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ члену союза русскаго народа подвергнуть аресту на 3 дня".

Этимъ приказомъ окончательно снимался фиговый листокъ, впрочемъ, и безъ того ничего не прикрывавшій:

имъ заявлялось громогласно, что отнынѣ члены союза русскаго народа трактуются, какъ *должностныя лица*, за оскорбленіе которыхъ налагается взысканіе въ административномъ порядкѣ въ высшемъ размѣрѣ.

Объ этомъ *оффиціально* доводилось до свѣдѣнія одесситовъ.

Не мудрено, конечно, что послѣ опубликованія этого документа тревожное настроеніе въ Одессѣ усилилось: одесситы въ ужасѣ ждутъ новыхъ выступленій Каульбарсовыхъ молодцовъ.

Что-же касается второго приказа, то въ немъ Каульбарсъ уже окончательно демонстрируетъ свое „истинно-русское" существо. Въ немъ онъ заявляетъ (беремъ этотъ приказъ изъ „Одесск. Лист.").

„57-го пѣх. Литовскаго полка, ефрейторъ Калининъ-Фоменко, будучи караульнымъ начальникомъ караула при желѣзнодорожной станціи обратилъ вниманіе на скопленіе на станціи толпы народа, вызванное агитаторомъ, который читалъ толпѣ прокламацію возмутительнаго содержанія.

Отлично сознавая свои обязанности, Фоменко, по собственному почину, немедленно арестовалъ и передалъ полиціи смутьяна. За вѣрность долгу и доблестное несеніе службы объявляю молодцу Фоменко мое спасибо и предписываю выдать ему изъ экстроординарныхъ суммъ 5 р. въ награду. Командиру 10-й роты, капитану Альмедингеру, за воспитаніе молодца Фоменко, объявляю благодарность. Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ.

Подпись:

„Командующій войсками, генералъ-отъ-кавалеріи *баронъ Каульбарсъ*."

Какъ видите, „молодцу Фоменко" не только объявляется благодарность, но даже выдается пятирублевая награда изъ „экстроординарныхъ суммъ", неизвѣстно кѣмъ отпускаемыхъ, но имѣющихъ очевидно вполнѣ опредѣленное назначеніе.

Такая щедрость Каульбарса поощряющая „молодца", попавшаго такого важнаго преступника, какъ „смутьянъ", читающій прокламацію, проявляется въ то именно время,

когда вся Одесса буквально наводнена „прокламаціями“, которые не только не преслѣдуются, но наоборотъ, распространяются съ благословленія самаго же Каульбарса.

Впрочемъ, эти прокламаціи совсѣмъ иного свойства: онѣ принадлежатъ перу союза русскаго народа и содержатъ въ себѣ призывы „къ истребленію евреевъ и интеллигенціи“.

Какъ-бы то ни было, но предъ нами рядъ за рядомъ выдвигаются поистинѣ трогательные сцены, рисующіе вѣжливость и предупредительность россійскихъ рыцарей черной подвязки самодержавія.

Вчера благодарили сѣдлецкаго погромщика Тихановскаго, сегодня благодаритъ Каульбарсъ, а завтра, вѣроятно, (и мы этому не удивимся) мы прочтемъ въ газетахъ телеграмму, адресованную въ выборгскую одиночную тюрьму, уже выше отмѣченному исполнителю всѣхъ смертныхъ приговоровъ военно-полевого суда, палачу Ѳомѣ Сеину“:

— Объявляю свое сердечное спасибо. Россіи нужны такіе „богатыри мысли и дѣла“. А „богатыри мысли и дѣла“ убившіе Іоллоса? Развѣ могутъ быть сомнѣнія о томъ, кто они и откуда они явились?

Однако, прежде чѣмъ закончить эти безконечные вопросы, въ pendant къ приведеннымъ даннымъ, необходимо упомянуть еще и о разоблаченіяхъ, сдѣланныхъ газетою „Рѣчь“, опубликовавшей любопытный документъ, говорящій о новомъ заговорѣ, затѣянномъ союзомъ русскаго народа. Какъ оказывается.

„въ главномъ совѣтѣ союза русскаго народа идетъ лихорадочная работа по выясненію количества телеграммъ о роспускѣ Думы. Выяснилось, что большинство провинціальныхъ отдѣловъ не прислали еще требуемыхъ телеграммъ, и поэтому союзъ экстренно разослалъ въ города телеграфическій приказъ: „Совѣтъ предписываетъ выполнить циркуляръ 28-го февраля. Копію телеграммы пришлите мнѣ. Пуришкевичъ“,

Въ лежащей передъ нами копіи этого циркуляра дается строгое предписаніе: „Настоящій циркуляръ глав-

наго совѣта, по ознакомленіи съ нимъ наиболѣе серьезныхъ членовъ совѣта отдѣла, *сжечь*, приступивъ къ выполненію его предложеній въ указанное время".

Причины такой таинственности будутъ понятны, если мы скажемъ, что знаменитый отнынѣ циркуляръ находится въ самой тѣсной связи съ тѣмъ чернымъ крестомъ, который три дня подрядъ печатался въ „Русскомъ Знамени". Слухи о значеніи креста проникли и въ печать; въ настоящее время мы можемъ подтвердить эти слухи документально.

„Съ того момента,—предписываетъ циркуляръ 28-го февраля,—когда въ органѣ союза „Русскомъ Знамени", на первой страницѣ появится знакъ креста †, тотчасъ же начать обращаться съ настойчивыми телеграммами (копіи всего прислать немедленно въ союзъ—мнѣ) къ Государю Императору и къ предсѣдателю Совѣта Министровъ Столыпину, и въ этихъ теллеграммахъ настойчиво просить и *даже требовать*: а) немедленнаго роспуска Думы, растлѣвающей народныя массы, а не созидающей народное благосостояніе и б) измѣненія во что бы то ни стало избирательнаго закона, безъ чего Государственная Дума не окажется трудоспособной, ибо будетъ всегда въ большей своей части состоять изъ общественныхъ отбросовъ и преступниковъ".

Подготовкой роспуска Думы, однако циркуляръ 28-го февраля не ограничивается. Въ немъ есть еще болѣе интересный отдѣлъ, диктующій союзниковъ ихъ поведеніе въ ближайшій моментъ послѣ роспуска. Предполагаются, конечно, не погромы, а всего на все—патріотическія манифестаціи. Приведемъ сполна и эту часть циркуляра.

Въ день роспуска Думы или въ одинъ изъ ближайшихъ дней устроить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ („на 10.000 человѣкъ?") патріотическую манифестацію послѣ молебна, съ выносомъ знамени, а гдѣ его еще нѣтъ, хоругви отдѣла. Значеніе этой манифестаціи, умѣло обставленной, будетъ исторической заслугой передъ Россіей, ибо докажетъ нетолько благомыслящей, но и колеблющейся въ чувствахъ долга и присяги части насе-

ленія, и въ особенности крестьянству и войскамъ, что они не одни, что революціонная часть населенія, которая постарается безпорядками и кровопролитіемъ выразить негодованіе противъ роспуска Думы, не есть русскій народъ, а лишь малая часть отбросовъ, грязный осадокъ русской жизни".

Тонъ приведеннаго „циркуляра" въ связи съ поведеніемъ правительства, даетъ право утверждать, что все этотъ заговоръ затѣвается съ его соизволенія. А когда дойдетъ до него будущій историкъ, то подавляя въ себѣ чувство отвращенія, онъ натолкнется на документы (пока мы не опубликовываемъ ихъ), которые засвидѣтельствуютъ, что черносотенными бандами въ Россіи руководили, субсидируя ихъ крупными суммами очень и очень высокопоставленныя лица.

Впрочемъ, будущій историкъ натолкнется на документы, рисующіе еще болѣе возмутительные картины... Читатели, вѣроятно, уже обратили вниманіе на появившіяся въ газетахъ сообщенія, гласящія, что въ департаментѣ полиціи поднялась сильная тревога по поводу появившихся въ заграничной печати разоблаченій (опять таки на основаніи документальныхъ данныхъ) относительно смерти Черняка. И въ этой таинственной исторіи опять таки замѣшаны нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ. Но тайное уже дѣлается явнымъ, и не только русское общество, но весь міръ содрогнется, когда узнаетъ, что Чернякъ былъ отравленъ и отравленъ никѣмъ инымъ, какъ лицомъ, спеціально командированнымъ для этой цѣли заграницу русскимъ правительствомъ...

Вѣроятно, въ слѣдующихъ книжкахъ, намъ удастся огласить всѣ собранные по этому дѣлу документы и, за одно уже, отмѣтимъ, какъ отнеслась къ этому событію Дума, въ распоряженіе которой были представлены всѣ данныя разоблачающія это неслыханное, это чудовищно-гнусное преступленіе.

Когда писались эти строки, документы по дѣлу Черняка давно уже въ рукахъ Думы были, но она...

Она осталась вѣрной себѣ и... молчала.

***

Свою хронику русской жизни намъ хотѣлось-бы закончить напоминаніемъ объ одной годовщинѣ, которую постыдно обошла совершеннымъ молчаніемъ „свободная" русская печать.

5-го марта, т. е. ровно годъ тому назадъ, въ маленькомъ городишкѣ Очаковѣ разыгрался одинъ изъ послѣднихъ актовъ трагедіи ноябрьскаго возстанія въ Севастополѣ: судили, а затѣмъ и казнили на островѣ Березани гражданина-лейтенанта П. П. Шмидта.

Всѣ хорошо еще помнятъ этотъ процессъ, гдѣ съ такой яркостью обрисовалась сильная личность этого великаго гражданина лейтенанта, искренно любившаго народъ и отдавшаго ему свою жизнь...

До послѣдней минуты никто не хотѣлъ вѣрить въ возможность казни Шмидта. Но гнусное дѣло свершилось.

Залпъ, сдѣланный въ Шмидта палачами, убилъ не его; Шмидтъ безсмертенъ—онъ убилъ послѣднюю вѣру въ русское правосудіе... Шмидта не стало, но Шмидтъ живъ... Вокругъ его имени уже сложилось много легендъ...

Россія дрогнула, когда пронеслась роковая вѣсть, что Шмидтъ разстрѣлянъ. И тѣмъ негодованіямъ, тѣмъ горемъ, которое охватило общество въ день казни Шмидта, уже воздвигался тотъ памятникъ, который поставитъ благодарное потомство своему любимому герою гражданину-лейтенанту...

„Тише... не надо ни пѣсенъ, ни слезъ!"

М. П.

24-го марта 1907 г.

Пытки и инквизиціонный допросъ въ Россіи въ XIX—XX столѣтіи.

Въ русской жизни есть одна важная и своеобразная особенность. „Особенность эта,—скажемъ мы словами Н. Шелгунова,—состоитъ въ томъ, что у насъ нѣтъ текущихъ вопросовъ, или, пожалуй вѣрнѣе, всѣ наши вопросы текутъ постоянно, какъ рѣки и ручьи, и постоянно журчатъ, напоминая о себѣ. Нѣкоторые изъ нихъ журчатъ столѣтіе, два столѣтія, даже болѣе,—вѣдь петровскіе вопросы мы и до сихъ поръ еще не всѣ рѣшили,—другіе—полстолѣтія. Но нѣтъ у насъ ни одного такого вопроса, который, народившись съ извѣстнымъ поколѣніемъ, былъ бы этимъ же поколѣніемъ и разрѣшенъ“. (См. Н. В. Шелгуновъ. Очерки русской жизни. С.П.Б. 1895. Стр. 1021). Казалось бы, вопросъ о пыткѣ и различныхъ инквизиціонныхъ пріемахъ при судебномъ разслѣдованіи уже давнымъ давно долженъ быть вопросомъ не только рѣшеннымъ, но и сданнымъ въ архивъ, какъ и всевозможные ошейники, дыбы, колеса для выкручиванія изъ суставовъ рукъ и ногъ. Но нѣтъ! Говоря о пыткахъ, мы говоримъ не о дѣлахъ „давно минувшихъ“ дней, не о страшномъ „преданьѣ старины глубокой“. Вопросъ о пыткахъ—это, увы! злободневный вопросъ русской жизни. Трижды проклятый старый строй, сходя со сцены—какъ бы рѣшилъ напослѣдокъ всласть повеселиться и тряхнуть стариной, вытащивъ на свѣтъ божій всѣ свои „славные доспѣхи“ эпохи Грознаго,

Бирона и прочихъ нашихъ государственныхъ орловъ.

Правда, „по закону", пытка отмѣнена у насъ уже болѣе столѣтія тому назадъ, въ именномъ высочайшемъ указѣ отъ 1801 г.

Но всѣмъ намъ теперь прекрасно извѣстно, что такое „законъ" въ Россіи. Кеннанъ, въ своей знаменитой книгѣ „Сибирь и ссылка", разсказываетъ, какъ одинъ сибирскій сатрапъ, разгнѣванный указаніемъ ему на законы, схватилъ лежащій томъ Свода, сѣлъ на него и внушительно изрекъ: „Вотъ вамъ вашъ законъ!" Такое толкованіе нашихъ основныхъ законовъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ не только поразительно по своей простотѣ, ясности и циничной наглядности; но въ немъ безусловно сказался и недюжинный государственный умъ и даже своего рода прозорливость. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ вся современная русская дѣйствительность не подтверждаетъ намъ на тысячу ладовъ всю вѣрность и глубину такого взгляда на законы? Вѣдь у насъ „по закону" розги отмѣнены. Вѣдь „по закону" у насъ и смертная казнь не существуетъ... Не существуютъ, повторяемъ, у насъ „по закону" и пытки. Но въ дѣйствительности... пытки есть и не переводились ни на одинъ моментъ. Мало того. Чѣмъ сильнѣе развивается въ русскомъ обществѣ борьба за свободу, за лучшее, свѣтлое будущее, чѣмъ сильнѣе всколыхнувшіяся народныя массы потрясаютъ самые устои буржуазно-самодержавнаго строя, тѣмъ чаще, тѣмъ упорнѣе представители и охранители стараго режима прибѣгаютъ ко всѣмъ способамъ задушенія освободительнаго движенія, вплоть до застѣнка, до самыхъ утонченныхъ пытокъ, въ сравненіи съ которыми могутъ поспорить только развѣ пытки святой инквизиціи въ Испаніи въ мрачную эпоху среднихъ вѣковъ.

Мы не будемъ уже говорить о тѣхъ десяти тысячахъ палочныхъ ударовъ, о шпицрутенахъ, о кош-

кахъ, которыми до смерти забивались при Николаѣ I сотни солдатъ. Мы не будемъ говорить и о тѣхъ невѣроятныхъ по своей звѣрской жестокости истязаніяхъ, которымъ подвергались по прихоти и капризу помѣщиковъ десятки тысячъ крѣпостныхъ и особенно дворовыхъ крестьянъ. Нѣтъ, мы будемъ говорить о пыткахъ, занесенныхъ на страницы исторіи, записанныхъ въ великой долговой книгѣ народа, и за которыя самозванные верщители судебъ этого народа *должны* будутъ рано или поздно держать отвѣтъ.

Относительно эпохи Николая I исторически-объективные факты пытки даютъ намъ мемуары одного изъ участниковъ процесса декабристовъ, князя Оболенскаго, опубликованные впервые въ Россіи въ прошломъ, 1905 году. Въ статьѣ своей онъ разсказываетъ слѣдующій характерный пріемъ, къ которому прибѣгалъ Верховный судъ, назначенный надъ участниками декабрьскаго заговора. Судъ этотъ, какъ извѣстно, велся при участіи брата государя и подъ постояннымъ живымъ вниманіемъ самаго императора Николая I.

„Въ XIX вѣкѣ комитетъ генералъ-адъютантовъ, вмѣщавшій царскаго брата, принялъ обряды инквизиціи. Присутствіе въ домѣ коменданта начиналось ночью. Къ допросамъ водили подъ покрываломъ, накидывая на лицо платокъ. По приводѣ въ передній залъ сажали за ширмы, поставленныя въ двухъ углахъ, со словами: „можете теперь открыться". Въ этомъ ожиданіи за ширмами было слышно, какъ расхаживали по залу плацъ-адъютанты, жандармы, аудиторы, вообще — вся военная субальтерія; стучали шпорами, разсказывали анекдоты дня, театральныя замѣчанія и хохотали, показывая полное безучастіе къ страдальцамъ. Можетъ быть такъ было и приказано; а никакой приказъ такъ хорошо подобными людьми не исполняется. Пишущій это — черезъ 27 лѣтъ съ трепетнымъ сердцемъ вспоми-

наетъ, какъ въ одинъ изъ такихъ сеансовъ могъ видѣть черезъ замѣченную въ ширмахъ дырочку, что изъ-за другихъ ширмъ вывели за руку товарища по страданію, съ завязанными назадъ руками и съ наложеннымъ желѣзнымъ прутомъ, такъ что онъ могъ едва двигаться. Едва ли то былъ не Рылѣевъ.

Когда надобно было вести въ присутствіе, плацъ-майоръ опять накидывалъ платокъ на голову и водилъ за руку, какъ слѣпого. При этомъ царствовала глубокая тишина. Когда введеннаго останавливали, раздавался басъ—„откройтесь",—и приведенный видѣлъ себя передъ самымъ столомъ этого ареопага".

„Каковъ былъ этотъ способъ дознанія такъ названной истины, можно судить по тому, что одинъ изъ содержавшихся, полковникъ Булатовъ, убилъ себя, разбивши голову объ стѣну, другой думалъ лишить себя жизни, глотая мелкіе осколки разбитаго стекла". *)

Но какъ бы ни были инквизиторски пріемы допроса Верховнаго суда надъ декабристами, какъ бы они ни потрясали нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, сводя однихъ съ ума, заставляя другихъ разбивать себѣ голову о стѣны каземата, все же это были только шутки по сравненію съ тѣмъ, что видимъ мы въ наше „конституціонное" время. Судъ мрачной эпохи царствованія Николая I оказывается бозконечно мягкимъ и культурнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что раскрываетъ предъ нами исторія позднѣйшаго времени—эпохи „великихъ реформъ", эпохи Александра II. Мы снова не станемъ говорить о тѣхъ жестокихъ поркахъ цѣлыхъ деревень, каждаго десятаго, о которыхъ намъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одна изъ современницъ и очевидцевъ той эпохи, Е. Брешковская. (См. Брешковская

---

*) **Общественное движеніе въ первую половину XIX ст.** Сбор. подъ **ред. Щеголева и Богучарскаго.**

(Стр. 450-45).

Біографія, разсказанная ею самой. Перев. съ англійскаго Н. Шишло) Вѣдь это только порка, — а мы привыкли уже къ поркѣ мужика. Притомъ, какъ ни сурово расправлялось правительство съ непокорными мужиками, но оно все же не доходило до пытокъ. Ибо какъ ни грозны были бунты крестьянъ, но въ то время, въ моментъ „освобожденія", эти волны крестьянскаго гнѣва направлялись исключительно на головы помѣщиковъ. Самъ тронъ, само самодержавіе, такъ сказать, страдало мало, лишь косвенно; потому оно сѣкло непокорныхъ больше такъ сказать для острастки, безъ злобы, безъ личнаго чувства ненависти. Иное дѣло, когда удары стали направляться непосредственно противъ самого трона. Тогда въ правительственномъ судѣ ясно выступаетъ чувство личной злобы и мести. Это впервые особенно ясно видно въ процессѣ Каракозова и участниковъ І-го марта.

4-го апрѣля 1866 г., въ отвѣтъ на жестокія порки крестьянъ и обманъ ихъ правительствомъ съ землею, Каракозовъ сдѣлалъ покушеніе на Александра II, когда тотъ выходилъ изъ Лѣтняго сада и садился въ свою коляску. Какъ извѣстно, онъ далъ промахъ, и его тутъ же арестовали. „Послѣ выстрѣла государь подозвалъ схваченнаго... На вопросъ государя: „Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?" тотъ дерзнулъ отвѣтить: Я сдѣлалъ это для васъ, братцы, потому васъ обидѣли землею. Государь велѣлъ отправить преступника въ III-е Отдѣленіе и самъ отправился туда. (См. кн. В. П. Мещерскаго. Мои воспоминанія. СПБ. 1898. г. II. стр. 20)

И вплоть до конца, Александръ II съ неослабѣвающимъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми перипетіями Каракозовскаго дѣла. Дѣло Каракозова было поручено вести извѣстному тогда заплечныхъ дѣлъ мастеру Михаилу Муравьеву, мѣтко прозванному поляками „Вѣшателемъ". Какъ велось это дѣло, намъ подробно разсказываютъ въ своихъ воспоминаніяхъ одно-

временно два ветерана русской революціи: Петръ Кропоткинъ и Екатерина Брешковская. Чтобы сохранить въ точности всѣ детали, мы передадимъ разсказъ о пыткѣ Каракозова словами самого автора „Записокъ революціонера".

„Михаилъ Муравьевъ, заслужившій при усмиреніи польскаго возстанія прозвища—„Вѣшателя",—получилъ приказъ произвести тщательное дознаніе и раскрыть всѣми способами предполагавшійся заговоръ, и онъ немедленно арестовалъ массу лицъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ слоямъ общества, сдѣлалъ безчисленное множество обысковъ и похвалялся, что „найдетъ средство развязать языкъ арестованнымъ." Муравьевъ—Вѣшатель, конечно, не отступился бы передъ допросомъ съ „пристрастіемъ", и общественное мнѣніе въ Петербургѣ говорило, что Каракозова пытали, но не добились признанія.

Государственныя тайны хорошо сохраняются въ крѣпостяхъ,—въ особенности въ этой каменной громадѣ противъ Зимняго дворца, видѣвшей столько ужасовъ, лишь недавно раскрытыхъ историками. Петропавловская крѣпость хранитъ до сихъ поръ тайны Муравьева, но слѣдующій эпизодъ броситъ, быть можетъ, на нихъ нѣкоторый свѣтъ.

Въ 1866 году я былъ въ Сибири. Одинъ изъ нашихъ сибирскихъ офицеровъ, который въ концѣ того года ѣхалъ изъ Россіи въ Иркутскъ, встрѣтилъ на станціи двухъ жандармовъ. Они сопровождали въ Сибирь одного чиновника, сосланнаго за воровство, и теперь возвращались домой. Нашъ иркутскій офицеръ, очень милый человѣкъ, засталъ жандармовъ за чаемъ, покуда перепрягали лошадей, подсѣлъ къ нимъ и завелъ разговоръ. Оказалось, что одинъ изъ жандармовъ зналъ Каракозова.—Хитрый былъ человѣкъ,—говорилъ жандармъ.—Когда онъ сидѣлъ въ крѣпости, намъ велѣно было *не давать ему спать*. Мы по—двое дежурили при немъ, и смѣнялись каждые два часа. Вотъ сидитъ онъ на табуретѣ, а мы кара-

удимъ. Станетъ онъ дремать, а мы встряхнемъ его за плечо и разбудимъ, Что станешь дѣлать? Приказано такъ. Ну, смотрите, какой онъ хитрый. Сидитъ онъ, ногу за ногу перекинулъ и качаетъ ее. Хочетъ показать намъ, будто не спитъ; самъ дремлетъ, а ногой все дрыгаетъ. Но мы скоро замѣтили его хитрость, тоже передали тѣмъ, что пришли на смѣну. Ну, и стали его трясти каждыя пять минутъ—все равно, качаетъ ли онъ ногой или нѣтъ.

— А долго это продолжалось?—спросилъ мой пріятель.

— Долго: *больше недѣли.*

Наивный характеръ этого разсказа уже самъ по себѣ свидѣтельствуетъ о правдивости: выдумать его нельзя было, а потому можно принять за достовѣрное, что — по крайней мѣрѣ *лишеніемъ сна—Каракозова пытали.*

Одинъ изъ моихъ товарищей по корпусу, присутствовавшій на казни Каракозова, вмѣстѣ со своимъ кирасирскимъ полкомъ, разсказывалъ мнѣ:

„Когда его вывели изъ крѣпости, привязаннаго къ столбу на высокой платформѣ телѣги, прыгавшей по неровной поверхности, я думалъ, вначалѣ, что везутъ вѣшать резиновую куклу. Я думалъ, что Каракозовъ вѣрно уже умеръ и что вмѣсто него везутъ куклу. Представь себѣ, голова, руки висѣли; точно костей не было вовсе или ихъ переломали. Страшно было смотрѣть. Но потомъ, когда два солдата сняли Каракозова съ телѣги, онъ двигалъ ногами и употреблялъ всѣ усилія, чтобы безъ поддержки взобраться на эшафотъ; такъ что не была кукла, и онъ не былъ въ обморокѣ. Всѣ мы, офицеры, были очень поражены и не могли объяснить себѣ дѣло.

Я намекнулъ товарищу, что, быть можетъ, Каракозова пытали; онъ покраснѣлъ и сказалъ: *„мы всѣ такъ думали.“*

Конечно, одного даже лишенія сна въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль было бы достаточно, чтобы

объяснить то состояніе, въ которомъ находился въ день казни Каракозовъ, человѣкъ, какъ извѣстно, очень сильный духомъ. Могу только прибавить къ этому, что мнѣ достовѣрно извѣстно, что въ Петропавловской крѣпости—по крайней мѣрѣ въ одномъ случаѣ—а именно въ 1879 году, *Адріану Сабурову —давали одуряющее пойло.* Ограничился ли Муравьевъ при примѣненіи пытки только такими средствами? Помѣшали ли ему пойти дальше? Или никто не мѣшалъ? Этого я не знаю; но я слышалъ не разъ отъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ, что при допросѣ Каракозова была примѣнена пытка. (П. Кропоткинъ. Записки революціонера стр. 228—230. Курсивы наши Н. Н.).

Короче, но съ еще большей силой бьющихъ подробностей передаетъ о пыткахъ Каракозова Е. Брешковская.

„До суда и во время суда *Каракозовъ* и каракозовцы сидѣли въ Петропавловской крѣпости, ихъ и судили въ ея стѣнахъ.

Дѣло Дмитрія Владиміровича велось отдѣльно отъ дѣла организаціи и судили его отдѣльно, одного.

Случилось разъ, что, когда нѣсколько человѣкъ обвиняемыхъ, въ сопровожденіи своихъ конвойныхъ, сидѣло въ проходномъ корридорѣ, ожидая очереди допроса,—мимо нихъ провели Каракозова. Онъ замедлилъ шагъ и спокойный, съ тѣмъ же твердымъ взглядомъ, быстро сказалъ: „будьте спокойны: никого не выдалъ, ничего не сказалъ... *все вынесъ... даже и пытки*".

Это были послѣднія и единственныя его слова, обращенныя къ товарищамъ послѣ ареста. Но заправскія *пытки, съ выворачиваніемъ суставовъ и прочее,*—Каракозовъ вынесъ послѣ суда. Подробности пытокъ неизвѣстны. Каракозовъ не могъ самъ войти на эшафотъ, его тащили подъ руки; онъ не могъ сказать слова, не могъ сдѣлать жеста.

Весь Петербургъ былъ увѣренъ, что вѣшали не человѣка, а его трупъ. (Изъ моихъ воспоминаній. Е. Брешковская, Спб. 1906, стр. 16—17. Курсивы наши Н. Н.).

„Видя, что желѣзную волю Каракозова не удается сломить даже пыткой, Муравьевъ-Вѣшатель перенесъ все свое вниманіе на другое лицо, арестованное по тому же процессу—на Ишутина. Такъ какъ противъ него не было никакихъ уликъ, кромѣ найденнаго на его имя невиннаго письма Каракозова, и ни подъ одну статью о повѣшеніи его приговорить нельзя было, то пытать его, очевидно, не рѣшились. Но зато ему учинили инквизиціонный допросъ и подвергли пыткѣ нравственной. Ишутинъ не вынесъ всего этого и—лишился разсудка. Такъ его умалишеннаго и отвезли на каторгу. Вотъ какъ разсказываетъ данный фактъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Е. Брешковская.

„Имѣя въ рукахъ точныя показанія предателя, но не имѣя никакихъ вещественныхъ уликъ противъ подсудимыхъ, слѣдственная комиссія, понукаемая своимъ руководителемъ, Муравьевымъ-Вѣшателемъ, настаивала, требовала угрожала и всячески притѣсняла подсудимыхъ, чтобы заставить говорить о томъ, что было только въ умахъ и сердцахъ плѣнныхъ юношей. Власти не могли допустить, чтобы нашелся храбрецъ, взявшій на себя одного выполненіе и отвѣтъ за покушеніе на жизнь царя. Имъ всенепремѣнно хотѣлось быть спасителями династіи отъ обширнаго заговора, грозившаго гибелью Россіи. Подсудимыхъ безпрестанно таскали на допросы, стращали и судили въ Петропавловской крѣпости.

„Ишутина обвинили въ заговорѣ Каракозова и приговорили къ смертной казни. Молодой, энергичный, съ тысячью плановъ въ горячей головѣ, онъ не хотѣлъ умирать, но на эшафотъ онъ взошелъ твердо... Уже спустили *саванъ на глаза, уже палачъ*

налаживалъ на шеѣ веревку, когда спрятанный за угломъ герольдъ подскакалъ къ эшафоту съ царскимъ помилованіемъ. И милость царская оказалась ядомъ... Нѣжная душа Ишутина не вынесла издѣвательства: есть много основаній думать, что онъ тогда же лишился разсудка. Черная густая завѣса падаетъ за нимъ съ этой минуты".

(См. *Е. Брешковская.* „Изъ моихъ воспоминаній". I. Ишутинъ и Каракозовъ. Стр. 12. Спб. 1906. Курсивъ нашъ Н. Н.).

Такой двойной методъ добиваться отъ подсудимыхъ желательныхъ правительству показаній—подвергать физическимъ пыткамъ лицъ, обреченныхъ къ повѣшенію, и мучительнымъ нравственнымъ инквизиціоннымъ пыткамъ—лицъ, которыхъ почему-либо неудобно вѣшать, — это, какъ мы увидимъ дальше, излюбленный пріемъ нашего правительства. Оно постоянно прибѣгало и прибѣгаетъ къ нему, въ минуту высшаго озлобленія. Мало того, судя по все учащающимся фактамъ, приходится думать, что правительство приняло эти два метода пытокъ, одинъ другой дополняющіе, какъ *систему* расправы со своими непримиримыми врагами—какъ соціалистами и революціонерами, такъ и съ тѣми изъ сектантовъ, которые, какъ духоборы, непреклонно-враждебны ко всякому виду государственной власти.

Соображенія эти подтверждаются цѣлымъ рядомъ потрясающихъ фактовъ. И что особенно характерно, факты пытокъ ростутъ и по числу, и по своей утонченной жестокости, ростутъ по мѣрѣ того, какъ мы подходимъ все больше и больше къ нашему времени. Такъ, за время царствованія Александра III, извѣстенъ только одинъ случай, когда, повидимому, была примѣнена пытка и инквизиторскіе пріемы. Мы имѣемъ въ виду процессъ 1-го марта. Правда, въ данномъ случаѣ нѣтъ такихъ точныхъ, документальныхъ данныхъ, какъ въ только

что описанномъ процессѣ Каракозова. Но тѣмъ не менѣе соображенія и логическія заключенія, высказанныя по поводу процесса 1-го марта такимъ компетентнымъ лицомъ, какъ С. Степнякъ, заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Въ книгѣ его „Подпольная Россія", говоря объ участникахъ 1-го марта, Степнякъ пишетъ слѣдующее.

„Шесть безконечныхъ дней казнь все откладывалась и откладывалась, хотя законный срокъ для кассаціи и просьбъ о помилованіи назначенъ всего въ три дня".

Какова была причина этого непонятнаго промедленія? Что дѣлалось въ это время съ осужденными?

Слухи самые зловѣщіе упорно носились по городу. Увѣряли, что по азіатски хитрому совѣту Лорисъ-Меликова *осужденные были подвергнуты пыткѣ*, съ цѣлью вырвать у нихъ признанія,—не до суда, а послѣ него, потому что тогда никто уже больше не могъ услышать ихъ голоса.

Были ли то пустые выдумки или чьи-нибудь нескромныя разоблаченія?

Никому неизвѣстно.

Не имѣя прямыхъ положительныхъ свидѣтельствъ, мы не хотимъ возводить подобныхъ обвиненій даже противъ нашихъ враговъ. Есть, однако, одинъ *несомнѣнный фактъ*, значительно усиливающій правдоподобность этихъ упорныхъ слуховъ: голосъ осужденныхъ, дѣйствительно, никѣмъ услышанъ не былъ.

„Посѣщенія родныхъ, которыя по исконному обычаю дозволяются всѣмъ ожидающимъ смерти, упорно запрещались осужденнымъ, неизвѣстно, по какой причинѣ и съ какой цѣлью". (См. Степнякъ. „Подпольная Россія" стр. 117, Спб. 1906. Курсивъ нашъ Н. Н.).

Полная вѣроятность пытки лицъ, осужденныхъ къ повѣшенію, еще болѣе возростаетъ, когда мы узнаемъ, что судьба одной изъ второстепенныхъ

участницъ 1-го марта, Геси Гельфманъ, была совершенно та же, что и Ишутина въ процессѣ Каракозова.

Геся Гельфманъ, будучи уже на четвертомъ мѣсяцѣ беременности взяла на себя роль хозяйки конспиративной квартиры, гдѣ приготовлялись бомбы Кибальчича. Тамъ она и была арестована вскорѣ послѣ 1-го марта. По буквѣ самаго строгаго суда, Геся Гельфманъ могла быть осуждена лишь по статьѣ, карающей самой долгой каторгой, *но не казнью.* Кромѣ того, правительство боясь западно-европейскаго общественнаго мнѣнія, не рѣшалось повѣсить беременную женщину. И вотъ, оно подвергаетъ свою жертву такой нравственной пыткѣ, предъ которой блѣднѣютъ даже физическія.

„Цѣлыхъ четыре мѣсяца ей пришлось ждать казни! И эту нескончаемую *нравственную пытку* она выносила все время, ни на минуту не упавши духомъ, не смотря на всѣ усилія правительства, которое, побоявшись возбудить негодованіе Европы повѣшеніемъ беременной женщины, старалось по крайней мѣрѣ, воспользоваться положеніемъ, чтобы исторгнуть у нея какія-нибудь признанія. Оно тянуло эту нравственную пытку до тѣхъ поръ, пока самая жизнь Геси не оказалась въ опасности, и только почти наканунѣ родовъ ей было объявлено о замѣнѣ смертной казни вѣчной каторгой". (Степнякъ. „Подпольная Россія", Спб. 1906, стр. 81. Курс. нашъ Н. Н.).

Мало того, у Геси немедленно же отобрали родившагося ребенка. Гельфманъ не выдержала всѣхъ этихъ мукъ и въ тюрьмѣ же умерла.

Какъ ни тяжела была пята Александра III, пятнадцать лѣтъ съ тупой жестокостью давившая русское общество; какъ ни удушливо-тяжела была при немъ вся атмосфера общественной жизни, но справедливость требуетъ сказать, что только въ одномъ случаѣ, въ процессѣ 1-го марта, на него па-

даетъ черное пятно пытки. За то правительство Николая II точно желаетъ наверстать этотъ пробѣлъ прошлаго царствованія. Чуть не съ самаго начала и вплоть до нашихъ дней пытки слѣдуютъ одна за другой. Сначала онѣ примѣнялись изрѣдка къ сектантамъ-духоборамъ. Потомъ, съ введеніемъ у насъ „конституціи“ пытки хлынули волной. Всѣхъ ихъ даже теперь и не перечтешь! Мы остановимся потому лишь на случаяхъ безспорныхъ, констатированныхъ печатью. Мы не будемъ говорить даже например о такихъ фактахъ, какъ о *тушеніи папиросокъ о голое тѣло*, что было констатировано Владиміровымъ въ процессѣ Маріи Спиридоновой. (См. Владиміровъ. Марія Спиридонова, Москва, 1906). Это уже теперь для русскаго обывателя — привычная вещь, обычные слѣдственные аксессуары политическихъ процессовъ! Это уже относится у насъ теперь къ „битью“, а не къ пыткѣ,—до того притуплены нервы русскаго общества ежедневными казнями, разстрѣлами, погромами и иными правительственными звѣрствами *). Притомъ, дѣйствительно, истязанія политическихъ заключенныхъ въ тюрьмахъ дошло у насъ теперь до такой, можно сказать, виртуозности и такъ часты, что будущій историкъ сможетъ собрать матеріала на цѣлые тома. Потому, повторяемъ, мы будемъ говорить только о пыткахъ высшаго, такъ сказать, порядка, о пыткахъ, отъ которыхъ леденѣетъ кровь, отъ которыхъ содрагаются даже русскіе, привычные ко всему нервы и съ которыми по своей жестокости и утонченности могутъ сравниться развѣ только пытки временъ Грознаго и испанской инквизиціи временъ Фердинанда II и герцога Альбы. Здѣсь все на лицо: и безсонница, и кормленіе селедками, и выщипываніе волосъ, и вывертываніе палецъ и рукъ изъ суставовъ, и ущемленіе мужскихъ половыхъ членовъ,—

*) См. журналъ „Жизнь“, загранич. изд. 1903, № 3.

до чего не доходила даже и испанская инквизиція. И все это, повторяю, занесено несмываемымъ пятномъ въ лѣтописи русской *печати*.

Извѣстія о пыткѣ несутся отовсюду почти не переставая: съ Поволжья, изъ Варшавы, изъ Риги, изъ Екатеринослава, изъ Казани. Пытаютъ крестьянъ, рабочихъ, солдатъ, интеллигентовъ, революціонеровъ, рѣшившихся душу свою положить за свободу и счастье народа. По истинѣ, предъ лицомъ русскаго самодержавія „нѣсть эллинъ, нѣсть іудей“,— всѣ равны, всѣ вѣрноподданные рабы; и двуглавый хищникъ безжалостно клюетъ и терзаетъ всякаго, кто осмѣливается не признать его абсолютной власти и гордо бросить ему смѣлый вызовъ на борьбу.

Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ заявленіи группы заключенныхъ, обвиняемыхъ въ пропагандѣ въ войскахъ и въ возстаніи. („Пролетарій“, Спб. № 1 отъ 12 августа 1906 г.).

„Граждане! Знайте, что насъ, заключенныхъ и обвиняемыхъ въ пропагандѣ въ войскахъ и въ возстаніи, подвергаютъ *систематическимъ пыткамъ*. ...Нѣтъ воздуха, нѣтъ свѣта. Насъ лишили прогулокъ...

Вся тюремная обстановка разсчитана на то, чтобы внушить заключеннымъ одну неотвязную и назойливую мысль о смертной казни, о полевомъ судѣ. Тюремная военно-морская администрація старается выместить всю злобу на насъ; все время своихъ посѣщеній она посвящаетъ описанію ожидающихъ насъ ужасовъ. Одному изъ заключенныхъ не *давали спать въ теченіе нѣсколькихъ дней, чтобы добыть нужныя показанія*. Эта пытка нравственная— нестерпима; она измучила насъ“. (Курс. нашъ. Н. Н.).

Первые слухи о пыткѣ были приняты обществомъ съ замѣтнымъ недовѣріемъ. Русскому обывателю все еще, видимо, хотѣлось сохранить нѣкоторую дозу надежды, что *до такой* жестокости, позорящей всю страну, не рѣшится *дойти* наше правительство.

Письма Сѣчки и Кемпскаго о пыткахъ надъ ними въ Варшавѣ, опубликованныя въ „Руси“ за подписью профессора Бодуэнъ де Куртене окончательно подрѣзали подъ корень благодушіе русскаго обывателя. Теперь, съ выходомъ въ свѣтъ книги В. Климкова: „Расправа и Разстрѣлы“, вся Варшавская исторія пытокъ документально установлена и правительство, не будучи въ силахъ опровергнуть документовъ, усиленно начало всюду конфисковать „крамольную“ книгу. Мы приведемъ въ подлинникѣ эти замѣчательныя мѣста книги.

„Фактъ истязанія Сѣчки подтверждается... Мнѣ удалось безусловно вѣрнымъ и единственнымъ путемъ добыть письменное показаніе товарища Сѣчки по страданіямъ, Кемпскаго, скрѣпленное подписью Викентія Сѣчки. Привожу изъ этого показанія отрывокъ.

„Насъ отправили въ полицейскій арестъ. По дорогѣ солдаты били насъ прикладами. На другой день послѣ нашего прихода въ полицейскій арестъ начали насъ слегка бить, на третій день больше, а четвертаго ночью—такъ положительно истязали и не только били, а и пытали. Сначала палками били; когда палки о насъ поломали, били по подошвамъ, топтали ногами, прыгали на грудь.. Сѣчкѣ, когда онъ попросилъ пить, дали спиртной воды. Выпивъ ее онъ потерялъ сознаніе, начали показывать ему людей, которые будто бы приказывали совершать небывалыя убійства, а онъ въ безпамятствѣ свидѣтельствовалъ и подписывалъ всевозможные протоколы, почти ничего не понимая“. (*В. Климковъ.* Расправы и Разстрѣлы. Москва, 1906 стр. 195—196).

Въ показаніи другого лица, Станислава Марчика мы читаемъ: „Четыре ночи подрядъ меня били палками, прикладами ружей, шашкой, *вырывали волосы* съ головы, прыгали со скамьи на грудь и, наконецъ когда я, несмотря на всѣ эти мученія, все-таки отказался дать показанія относительно того, что было

мнѣ извѣстно, мнѣ *пригрозили вырываніемъ зубовъ* и предназначенные для этого щипцы оказались тутъ же въ рукахъ одного изъ сыщиковъ". (В. Климковъ. Расправы и Разстрѣлы. Москва, 1906, 197. Курс. нашъ Н. Н.).

Изъ показанія Антона Стоцкаго мы узнаемъ, что его пытали безсоницей. „Въ слѣдственномъ бюро насъ продержали 10 дней. Достаточно сказать, что въ теченіе трехъ дней я ничего не ѣлъ и ничего въ ротъ взять не могъ, такъ какъ очень скулы у меня болѣли и *трое сутокъ глазъ не смыкалъ, потому что городовые по порученію Грина мѣшали мнѣ спать*". (Курс. нашъ Н. Н.). (В. Климковъ. стр. 200).

Интересно отмѣтить, какъ поступило правительство послѣ опубликованія этихъ, кровью написанныхъ, документовъ? Что сдѣлало оно съ оберъ-палачемъ Гриномъ? Канцелярія варшавскаго оберъ-полиціймейстера стала печатно открещиваться отъ своего агента, „утверждая, что онъ не состоитъ чиновникомъ полиціи, но исполняетъ свои *обязанности* (?) лишь какъ *частное лицо*, услугами котораго полиція пользуется" (курс. нашъ Н. Н.). (В. Климковъ стр. 201).

Вслѣдъ за разоблаченіями печати о варшавскомъ застѣнкѣ еще болѣе потрясающія документальныя свѣдѣнія получились изъ рижскаго застѣнка. Никакъ не вѣря слухамъ о пыткахъ въ Россіи, чинимыхъ въ оффиціальныхъ полицейскихъ домахъ и охранныхъ отдѣленіяхъ того самаго императора Николая II, который первый созвалъ мирную конференцію въ Гаагѣ, англійское общество стало требовать отъ своей печати фактической провѣрки слуховъ. Тогда лучшая изъ газетъ „The Tribune" (Трибуна)—полуоффиціальный органъ теперешняго англійскаго правительства — уполномочиваетъ своего корреспондента точно установить факты пытокъ въ Ригѣ. И вотъ что напечатано было „Трибуной" въ отчетѣ по данному разслѣдованію.

„Пыткамъ подвергаются обыкновенно тѣ арестован-

ные, которые предаются полевому суду. Мучатъ ихъ ночью. Для этого есть особая комната во второмъ этажѣ рижскаго центральнаго отдѣленія. Посрединѣ ея стоитъ скамья съ ремнями, по стѣнамъ развѣшаны резиновыя палки, желѣзные прутья, смазанные смолой, длинныя иглы, желѣзные „корсеты" и щипцы. Завѣдуетъ этой звѣрской мерзостью начальникъ охраннаго отдѣленія съ двумя помощниками, а у нихъ подъ началомъ есть еще тринадцать палачей изъ агентовъ той же охраны. Иные мѣстные бароны тоже иногда не брезгуютъ помогать палачамъ. Когда жертва приведена въ застѣнокъ, ей говорятъ: или чистосердечно разскажи про себя и про другихъ— и тогда ты получишь мѣсто въ охранѣ, или мы тебя замучимъ до смерти. Если арестованный не сдается, его раздѣваютъ до нага, привязываютъ ремнями къ скамьѣ, вкладываютъ въ ротъ мокрую тряпку (чтобы заглушить крики) и мучатъ. Бьютъ резинами, *вывертываютъ ногти, загоняютъ въ тѣло иглы, вырываютъ мясо раскаленными щипцами* — и иными способами терзаютъ" (курсивъ нашъ Н. Н,).

... „Обыкновенно измученныя жертвы или потомъ казнятся на основаніи приговоровъ полевыхъ судовъ, или неизвѣстно куда дѣваются. Но были и такіе, которые, вытерпѣвъ всѣ мученія, доказали невиновность и были освобождены отрядомъ изъ 30 революціонеровъ, ворвавшихся въ охранное отдѣленіе. Изъ этихъ шести одинъ, по имени Карлсонъ, былъ переправленъ заграницу и теперь лежитъ въ госпиталѣ съ переломленнымъ пыткой спиннымъ хребтомъ и поврежденнымъ черепомъ. Всѣ эти люди, а также нѣкоторые священники, доктора и даже тюремщики и офицеры являются свидѣтелями и могутъ показать истину, если будутъ спрошены настоящимъ судомъ". „Одинъ изъ офицеровъ, драгунъ, не вынесъ вида измученныхъ жертвъ, приведенныхъ предъ полевой судъ, сошелъ съ ума и покушался на самоубійство. Онъ теперь лежитъ въ госпиталѣ".

(Солдатская Газета П. С. Р., 1907 № 7, стр. 13).

Эти данныя, опубликованныя въ англійской газетѣ, вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что было сообщено *ранѣе* въ русской печати Владиміровымъ въ его знаменитой книгѣ „Очерки современныхъ казней".

„Могъ ли кто нибудь въ нынѣшнее просвѣщенное время представить себѣ, что въ Ригѣ есть правильно оборудованные и хорошо обставленные со всѣми необходимыми силами застѣнки для пытанія подсудимыхъ.

Да, да, застѣнки—я не обмолвился! Именно застѣнки, на подобіе тѣхъ, какіе были въ средніе вѣка. Такихъ застѣнковъ въ городѣ три": „1) сыскное отдѣленіе, 2) съѣзжій домъ при 2-ой Петербургской части и 3) второй Митавскій участокъ. Въ сыскномъ отдѣленіи *пытки* производятся слѣдующимъ образомъ: когда подсудимаго приводятъ въ отдѣленіе, полиція снимаетъ съ него допросъ, требуетъ показаній и, когда не получаетъ желаемаго отвѣта, грозитъ пытками.

Послѣ угрозъ, полиція переходитъ къ дѣлу. Старшіе чины выходятъ изъ этой комнаты въ дальнія. а нижніе чины при участіи казаковъ начинаютъ бить.

Бьютъ жестоко, до остервененія!.. Бьютъ нагайками, прикладами и резиновыми палками, которыя носятъ названіе въ этихъ застѣнкахъ „пипокъ".

Имѣются еще у нихъ пеньковые жгуты, переплетенные проволокой.

Бьютъ подсудимыхъ до того, что они теряютъ сознаніе.

Когда подъ ударами палача несчастный падаетъ на полъ обезсиленный, безъ чувствъ, тогда инквизиторы обливаютъ его холодной водой, пока не придетъ въ сознаніе.

Но если и это не помогаетъ, если послѣ всѣхъ нанесенныхъ истязаній тотъ продолжаетъ упорствовать—не оговариваетъ себя и своихъ товарищей,—

то его вновь начинаютъ бить, но уже „смертнымъ боемъ“. Тогда примѣняютъ къ замученной жертвѣ методы своего собрата по оружію, палача Абрамова— *выдираютъ изъ его головы волосы, втираютъ въ зарубцованныя мѣста соль, примѣняютъ даже электричество*“. (Курс. нашъ Н. Н.).

(Владиміровъ. Очерки современныхъ казней. Москва. ст. 163—164—165.

Нѣсколько иначе происходятъ пытки въ съѣзжемъ домѣ второй Петербургской части. Пишу со словъ того человѣка, который тамъ сидѣлъ въ камерѣ и видѣлся съ пытаемыми, и самъ видѣлъ этого несчастнаго, который послѣ пытки повѣсился.

Этотъ домъ состоитъ изъ двухъ этажей. Въ первомъ этажѣ расположены одиночныя камеры заключенныхъ; во второмъ находится канцелярія пристава.

И вотъ, во второмъ этажѣ устроенъ застѣнокъ, тамъ съ заключенныхъ снимаютъ допросъ и тамъ ихъ пытаютъ. *Пытки начинаются преимущественно въ 10 ч. вечера* (курс. нашъ. Н. Н.).

Когда въ камеры съѣзжаго дома привели двухъ арестованныхъ братьевъ, одного къ вечеру повели въ застѣнокъ на допросъ. (Владиміровъ. Стр. 166).

Но эти разоблаченія оказались далеко не полными. Въ самое послѣднее время въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Рѣчи“,—газетѣ очень осторожной,— появились еще нѣкоторыя подробности о Рижскомъ застѣнкѣ. Такъ „Румана били сперва нагайками; отъ нихъ на тѣлѣ получилось нѣсколько ранъ, *которыя были посыпаны солью и прикрыты тряпкой,— послѣ чего продолжали бить.*

„Спикеру *о тѣло,—преимущественно въ носъ и задній проходъ,—тушили папиросы и сигары*“.

„Почти ко всѣмъ подсудимымъ примѣняли слѣдующій пріемъ: за два—три дня до истязанія имъ переставали давать хлѣбъ и воду, а *кормили исключительно селедкой и селедочнымъ разсоломъ*—это нака-

занiе, по словамъ подсудимыхъ, несравненно хуже многихъ пытокъ".

Осипу, — партiйная кличка одного изъ приговоренныхъ къ каторгѣ, — *повредили такъ половые органы*, что онъ не въ состоянiи больше отправлять естественныхъ надобностей (курсивъ нашъ).

(См. „Объ истязанiяхъ въ Ригѣ", Рѣчь, 1907. № 52).

И еще фактъ. Карлу Легедину (Кенину), разстрѣлянному по приговору военно-полевого суда, „*отрывали ногти у ногъ и сдавливали половые органы такъ, что вплоть до казни онъ мочился кровью*" *).

Вотъ факты. Кровь леденѣетъ и сжимается сердце отъ одного лишь чтенiя всѣхъ ужасовъ. Хочется кричать, вопить, броситься на насильниковъ и вздернуть ихъ судомъ Линча на первомъ же фонарномъ столбѣ. Но кто они, эти насильники? Куда они скрылись послѣ опубликованiя этихъ документальныхъ данныхъ?

„Пытки производятъ начальникъ сыскного отдѣленiя *Грегусъ*, его помощникъ Михѣевъ, сыщики Антонъ и Давосъ". „О томъ, что истязанiя свили себѣ прочное гнѣздо въ стѣнахъ рижской полицiи, мы узнали, еще изъ извѣстнаго процесса „36", разбиравшагося прошлымъ лѣтомъ",—пишетъ корреспондентъ „Рѣчи". Присяжные повѣренные Соколовъ и Шабловскiй представили военному суду неопровержимыя доказательства примѣненiя пытокъ къ своимъ подзащитнымъ во время предварительнаго допроса, производившагося въ рижской полицiи—Мейейномъ, Собѣсскимъ, Грегусомъ и другими"! („Рѣчь", 1907. Мартъ).

Вотъ вамъ и имена. Они написаны чернымъ по бѣлому, и — мы знаемъ теперь, что всѣ насильники живы, здоровы и благоденствуютъ. Мало того. Дирижеръ всѣхъ пытокъ, Грегусъ, оцѣненъ нашимъ правительствомъ по достоинству: *его*, какъ сообщаетъ „Рѣчь", *перевели въ петербургское охранное отдѣленiе*

---

*) См. Рѣчь, 1907. № 49.

Еще бы! Такіе люди особенно нужны теперь нашему правительству, рѣшившему лучше идти по поясъ въ крови, чѣмъ уступить требованіямъ рабочихъ массъ:

„Земли, хлѣба и воли“!

Чѣмъ дальше идетъ Великая русская революція по своему историческому многострадальному пути, тѣмъ больше она захватываетъ своимъ водоворотомъ самыя глубины народныхъ массъ. Выступая на аванъ-сцену революціи, трудовыя массы неизбѣжно, по самой сущности своей, все больше, ярче и сильнѣе выдвигаютъ во главу угла коренныя экономическія, *соціальныя* преобразованія существующаго строя. Такъ всегда было и всегда будетъ при выступленіи на сцену исторіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ, *трудовыхъ массъ*. Вотъ почему, всегда при выступленіи рабочихъ массъ, — вспомнимъ Парижскую Коммуну, Великую французскую революцію, Великую англійскую революцію,—всегда правительство, состоящее вездѣ изъ богачей, плутократовъ и бюрократовъ, — начинаетъ съ остервенѣніемъ бороться съ революціей и ея вождями. Штыкъ темнаго солдата, застѣнокъ съ озвѣрѣлыми Михѣевыми, судъ съ прихвостнями — прокурорами, приставами, судьями, — все пускается въ ходъ для защиты собственности и власти кучки тунеядцевъ, именующихъ себя „правительствомъ“. Вотъ почему, мы нисколько не удивляемся, не ахаемъ,—какъ благодушная „Рѣчь“,—что Грегусъ, Михѣевъ и прочіе палачи не на скамьѣ подсудимыхъ. Мы знаемъ, что если ихъ посадить на скамью теперь дѣйствующаго правительственнаго суда, то будетъ одна кукольная комедія, приблизительно такая же, какая уже была не такъ давно съ палачемъ въ Екатеринославѣ.

„18 января въ екатеринославской судебной палатѣ слушалось дѣло о рядѣ истязаній, совершенныхъ чинами уѣздной полиціи во главѣ съ приста-

вомъ Трусевичемъ. Арестованнымъ *поджигали пальцы, били по пяткамъ*, чтобы вынудить сознаніе.

Приговоромъ палаты Трусевичъ приговоренъ къ мѣсячному аресту при тюрьмѣ, трое урядниковъ къ семидневному заключенію". („Солдатская Газета" п. с.-р. № 7, отъ 5 марта 1907, стр. 13).

Вотъ вамъ и судъ! А между тѣмъ вѣдь даже по законамъ того же правительственнаго кодекса, по ст. 1482 улож. о нак., за нанесеніе, съ намѣреніемъ, даже легкихъ ранъ полагается ссылка въ Сибирь, или отдача въ арестантскія отдѣленія.

Мы перебрали далеко не всѣ случаи пытокъ. Да и не въ этомъ была наша задача. Мы хотѣли лишь показать рядомъ строго установленныхъ фактовъ, что съ ростомъ освободительнаго народнаго движенія, ростетъ и звѣрская расправа самодержавнаго правительства съ народными борцами. Перепробовавъ всѣ свои обычныя средства: нагайку, тюрьму, ссылку, каторгу, висѣлицу, погромы, правители рѣшили взяться за послѣднія: за пытку и массовые разстрѣлы, думая ужасами застѣнка устрашить борцовъ.

И такъ всюду и всегда было. Такъ было во время крестьянскихъ войнъ въ Германіи (1525 г.), во время Великой англійской революціи (1688 г.), во время Великой французской революціи (1789 г.), во время Парижской Коммуны (1871 г.). Всегда, гдѣ трудящіяся массы поднимались за *свою* волю и лучшую долю и требовали себѣ *всю землю, всѣ лѣса, всѣ воды, всѣ богатства страны и всю власть въ* странѣ,—тамъ правительство и его правая рука—буржуазія съ дикимъ остервенѣніемъ бросалась на народныхъ борцовъ. Такъ было всюду и всегда.

И *только борьбой* можно добиться народу всѣхъ своихъ богатствъ, кровью и потомъ заработанныхъ столѣтіями непрерывнаго труда, и обманомъ или силой отнятыхъ кучкой тунеядцевъ! Въ *борьбѣ* ростутъ и крѣпнутъ силы; *борьбой* выковывается проч-

ная, какъ броня, организація среди рабочихъ, сплачивая ихъ не будничными интересами копеечныхъ прибавокъ, а высшими идеалами—установленія царства труда. Только *сплотившись и закаливъ себя непрерывной борьбой* трудящіеся покончатъ разъ навсегда и съ капиталистами всѣхъ сортовъ и видовъ, и съ правительствомъ, — у насъ особенно наглымъ, самодержавіе-охраняющимъ какъ вѣрный песъ, земли, фабрики, заводы, копи, рудники и сундуки богачей.

Тѣни замученныхъ, запытанныхъ товарищей-борцовъ пусть будутъ грознымъ укоромъ палачамъ. Мы же, товарищи, сказавъ вѣчную память павшимъ въ борьбѣ, будемъ организовываться, строиться въ ряды, учиться владѣть оружіемъ, чтобы съ удесятеренной энергіей снова ринуться въ бой за землю, за рудники, копи, фабрики, заводы, за полную волю и власть *трудового* народа.

Н. Николаевъ.

Библіографія.

Исторія одной стачки. (Переводъ съ французскаго). Изд. Молота. Ц. 4 к.

Пока существуетъ классъ хищныхъ эксплуататоровъ, пока существуетъ экономическое неравенство, эксплуатація человѣка человѣкомъ, до тѣхъ поръ и быть не можетъ полной политической свободы.

Въ рекомендуемой книжкѣ излагается исторія одной стачки въ городѣ Шо-дерюнъ въ Швейцаріи, которая считается свободной страной.

Стачка рабочихъ кончилась тѣмъ, что для усмиренія „забастовщиковъ“ были вызваны войска и такимъ образомъ движеніе пролетаріевъ, было подавлено силою оружія.

Главная идея книжки та, что даже и въ демократической республикѣ, съ референдумомъ и инниціативой возможны кровавыя усмиренія рабочихъ.

Кровавыя усмиренія рабочихъ были и на нашей памяти во Франціи. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока рабочіе ни свергнутъ буржуазіи, и не добьются трудовой республики. Требованіе-же отъ буржуазіи свободы стачекъ—утопія, ибо буржуазія никогда этого требованія не выполнитъ, т. к. она хорошо понимаетъ, чѣмъ пахнетъ эта свобода. Книжка прочтется рабочимъ съ большимъ интересомъ, т. к. она живо и ярко излагаетъ ту тему, которая ближе всего касается нашихъ рабочихъ.

И. Р.

А. М. I. Усмирили. II. За что? К-о „Сила“ ц. 2 к.

Первый разсказъ—это одинъ изъ характерныхъ эпизодовъ крестьянскихъ усмиреній. Крестьяне, доведенные самодержавной опричиной до голоднаго существованія, рѣшили получить землю своимъ „средствіемъ“. Усадьбу-же сожгли, чтобъ усмирители не нашли себѣ пріюта въ этомъ гнѣздѣ деревенскаго хищника. Скоро послѣдовало всѣмъ знакомое усмиреніе: разстрѣлы, насиліе солдатъ и казаковъ надъ дѣвушками.

Потрясающую картину разсказываетъ мальчикъ, бѣжавшій въ поле, деревенскому парню Герасиму, возвращающемуся съ охоты. Вѣсти такъ сильно дѣйствуютъ на вѣрующаго въ Бога, правду, законъ,—парня, что онъ сразу теряетъ эту вѣру и становится народнымъ мстителемъ.

Второй разсказъ „За что?“ Это извѣстный всѣмъ разстрѣлъ рабочихъ 9 января 1905 г., когда рабочіе съ наивной вѣрой шли ко дворцу достать себѣ свободу. Вѣру въ царя разбили въ рабочихъ сами же слуги царскіе пулями. Потерявъ эту вѣру, рабочіе рѣшили тѣмъ же средствомъ освободиться изъ подъ самодержавнаго гнета. Эту мысль авторъ и проводитъ въ своемъ послѣднемъ разсказѣ.

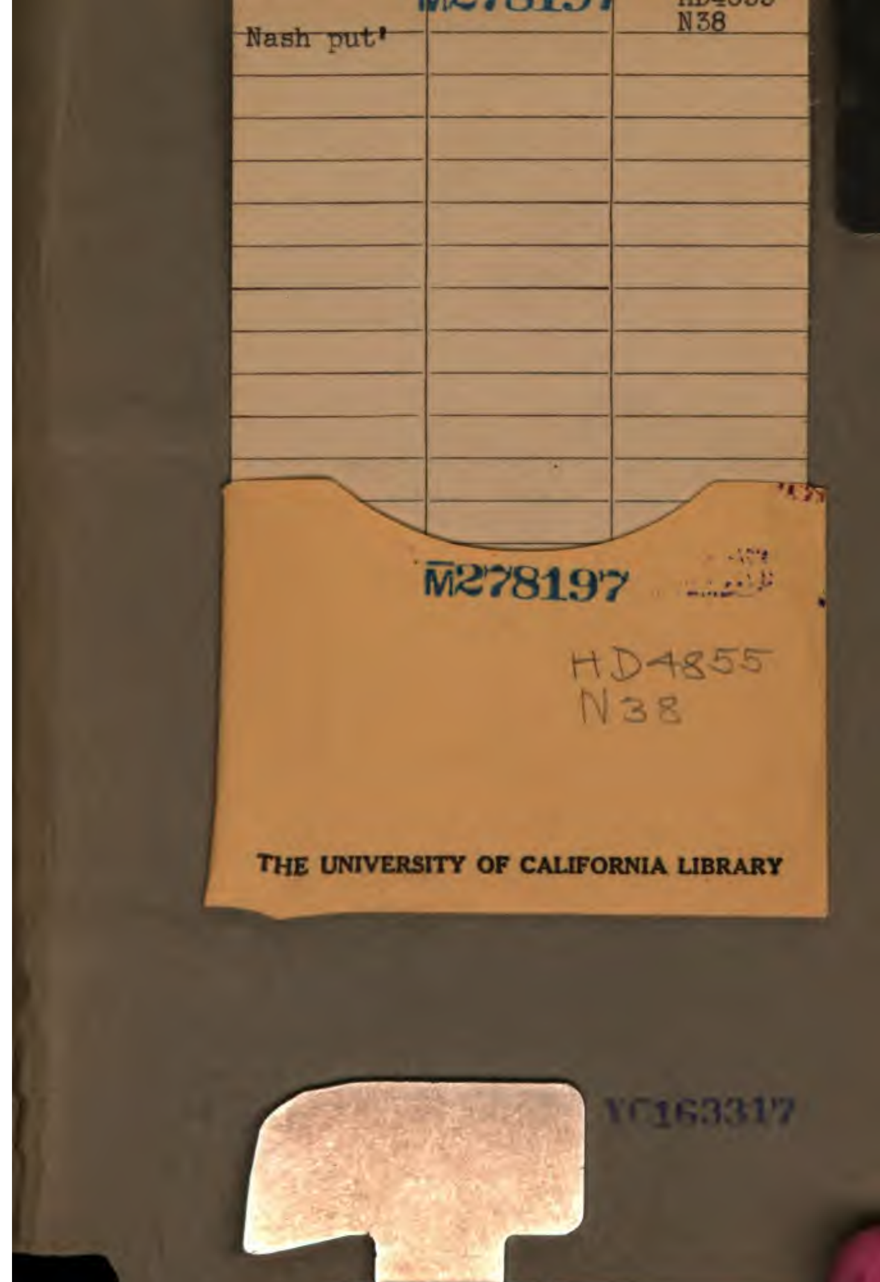
Оба разсказа, хотя и коротенькіе, произведутъ глубокое впечатлѣніе на деревенскаго и городского читателя.

И. Р.

Опечатки.

НАПЕЧАТАНО	ДОЛЖНО БЫТЬ
Стр. 33, 5-я строка сверху.	
и серебро на добываніе которыхъ ушло много труда имѣютъ	и серебро, на добываніе которыхъ ушло много труда, имѣютъ
Стр. 33, 9-я строка сверху:	
(векселя) и эти бумаги, если купецъ или фабрикантъ богатъ и пользуется довѣріемъ	(векселя), и эти бумаги, если купецъ или фабрикантъ богатъ и пользуется довѣріемъ.
Стр. 33, 6-я строка снизу:	
долговъ сдѣланныхъ	долговъ, сдѣланныхъ.
Стр. 34, 2-я строка сверху:	
товаровъ то же	товаровъ. То же
Стр. 35, 6-я строка снизу:	
Если бы избранные среди предлагающихъ свои услуги руководители производства для работающихъ въ немъ вовсе не такая трудная и сложная вещь. Неужто	Если бы избранные руководители производства стали злоупотреблять своей властью. то неужто
Стр. 36, 6-я строка сверху:	
и къ счастью, что имъ	и, къ счастью, что ею
Стр. 37, 2-я строка сверху:	
міра жертвами	міра, жертвами
Стр. 38, 5-я строка сверху:	
нѣдръ называютъ	нѣдръ, называютъ
Стр. 38, 6-я строка сверху:	
и хихикая	и, хихикая
Стр. 38, 25-я строка сверху:	
рабочіе безоружные	рабочіе, безоружные
Стр. 38, 26-я строка сверху:	
буржуазіи выставившіе	буржуазіи, выставившіе
Стр. 38, 27-я строка сверху:	
несовмѣстимаго	несовмѣстимое
Стр. 38, 29-я строка сверху:	
производство когда пролетаріатъ, будетъ вооруженъ когда	производство, когда пролетаріатъ будетъ вооруженъ, когда

НАПЕЧАТАНО	ДОЛЖНО БЫТЬ
Стр. 39, 5-я строка сверху:	
Собственники. городовъ. разоренные безработицей бѣднаго населенія, которому отпускали въ долгъ и	Собственники городовъ, разоренные безработицей бѣднаго населенія, которому отпускали въ долгъ, и
Стр. 39, 10-я строка сверху:	
ихъ	имъ.
Стр. 41, 13-я строка сверху:	
насъ. Но	насъ, что
Стр. 41, 17-я строка сверху:	
экспропріаторовъ уничтоженіе	экспропріаторовъ—уничтоженіе.
Стр. 41, 19-я строка сверху:	
собственности)	Собственности),
Стр. 44, 10-я строка сверху:	
существующему	не существующему
Стр. 44, 25-я строкя сверху:	
отдѣлять	отдѣлать
Стр. 45, 6-я строка сверху:	
кровью.	кровью
Стр. 48, 23-я строка сверху:	
они	онъ и

Nash put'
N38
M278197
HD4855
N38
THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
YC163317
